

СВЕТ ДАЛЕКИХ ОГНЕЙ

Документальный рассказ

Преемственность

Давно это было.

Но то, что сделали вчера наши отцы, и то, что делаем сегодня мы, жизнь счастливо соединяет в нерасторжимое целое – нашу действительность. Были разруха и голод, вызванные гражданской войной, была новая экономическая политика, когда многим казалось, что социализм отступает, но в большинство семей вернулся достаток. И были первые пятилетки, когда властное «Даешь!», родившееся на фронтах гражданской войны, взяли на вооружение строители Днепрогэса и Турксиба. Инициатива ударников, подхваченная страной, плюс стальная воля вождя позволили нам претворить в жизнь начертанные на красных полотнищах слова «Пятилетку – в четыре года!» А движение за овладение техникой, за то, чтобы брать от техники все, начатое в 1935 году Алексеем Стахановым, помогло миллионам крестьян стать квалифицированными рабочими, стахановцами.

В Узбекистане, в специфических условиях Средней Азии, движение стахановцев, в которое включились сотни тысяч, пластично соединилось с лучшими традициями хошара – древнего народного обычая, согласно которому вся округа выходит строить дом, дорогу, канал. Так родился метод народной стройки, который затем широко распространился по всей стране. Большой Ферганский канал, Каттакурганское водохранилище, десятки других крупных объектов были построены методом народной стройки – социалистического хошара только в одной нашей республике. А я отметил, для себя, мудрость тогдашнего руководителя Узбекистана Усмана Юсупова, у которого, при отсутствии у государства средств, важные народнохозяйственные объекты возводились руками народа, и возводились добровольно, а не руками заключенных, как в ведомстве Лаврентия Павловича Берии.

До 150 тысяч человек выходило на трассу Большого Ферганского канала, до ста тысяч – на отсыпку плотины Каттакурганского водохранилища. И очень многие из этих людей перевыполняли нормы, становились ударниками. Свет этого массового трудового энтузиазма ярок и сегодня. На Западе только разводили руками, там этого не понимали. Как это работать без оплаты, за спасибо, за здорово живешь! Нет, ничего подобного их многовековая история не знала. А мы возводили методом народной стройки большие народнохозяйственные объекты. Это была масштабная инициатива. Она преображала людей. В этом смысле народная стройка – это яркий прожектор, зажженный Октябрьской революцией, высвечивающий путь в коммунистическое завтра.

Да, есть события, не тускнеющие во времени. Свершившись, они сопровождают нас всю жизнь. Мы этого хотим сами, мы горды своей причастностью к ним. Когда-то мы жили для того, чтобы эти события свершились. А, свершившись, они и сегодня, через много лет, согревают нас незримым теплом. Тогда был сев, теперь пришло время жатвы. Она не ограничена конкретным сроком. Ведь тот же Большой Ферганский канал будет служить нам века.

С бывшим начальником строительства Каттакурганского водохранилища Шаметом Чикаевичем Айтметовым меня свел писатель Геннадий Крюк, работавший над книгой об Усмани Юсупове (серия «Жизнь замечательных людей»). Крепко сложенный семидесятилетний Айтметов обладал и отменной памятью, и редким даром увлекательно рассказывать о делах давно минувших дней. Я слушал его и невольно хотел вставить в строку лермонтовское: «Да, были люди в наше время...»

И Айтметов, и его жена Алиса Николаевна многое успели сделать за пятьдесят трудовых лет, он – в капитальном строительстве, она – на ниве народного просвещения. Бекабадские цементный и металлургический заводы, Каттакурганское водохранилище, освоение Голодной степи, Туябугузское водохранилище на реке Ангрэн (Ташкентское море), Янгиюльский агропромышленный комплекс – вот его основные объекты. Он всегда ценил работу добросовестную и инициативную, сам всю жизнь показывал образцы именно такого отношения к делу и не терпел фальши, показухи, того, что прежде весьма метко называлось краснобайством.

Одна из наших бесед проходила в весеннем саду, и я обратил внимание на то, что прямо за спиной ветерана поднимается абрикосовое дерево, такое же белое, как и его волосы. Он, совершенно седой, но жизнерадостный, показался мне таким же крепким, как это дерево. В его пороховнице еще был порох. Это, однако, было обманчивое впечатление; выхода в свет этой книги Шамет Чикаевич не дождался.

Он рассказывал, и я увидел, что наши пути пересекаются уже вторично. В Голодной степи он управлял трестом «Янгиерводстрой», в одном из управлений которого в начале шестидесятых годов я работал мастером. Но тогда слишком велика была дистанция между многоопытным управляющим трестом и молодым специалистом. Теперь и у меня был определенный жизненный опыт, и опыт этот подсказывал, что такие цельные люди – находка для журналиста. Заметный след в его жизни оставило Каттакурганское водохранилище. Богатый архивный материал, собранный его семьей, позволял подкреплять воспоминания документами. Дочери Сара и Саида всегда принимали близко к сердцу работу отца и матери, гордились их авторитетом. И я подумал, что, если написать об этом, многие прочитают с интересом.

Рассказывает Ш. Ч. Айтметов:

- Весной 1977 года я стоял на плотине Каттакурганского водохранилища. Вечернее солнце приближалось к зеленым холмам, и все вокруг было золотисто-зеленое, буйное. По гребне плотины проходила дорога, справа плескалась вода. Из воды поднималась бетонная башня водосброса. С ее вершины я когда-то обзирал ход работ. Я смотрел на безмятежную водную гладь, и во мне поднималось беспокойство. Я снова встречался со своей молодостью. О многом говорила мне эта ласковая вода, и плотина, защищенная от волн двумя слоями бутового камня, и зеленые холмы окрест с красными пятнами маков, за которыми простиралась благодатная, в разливе садов и хлопковых полей, долина Заравшана. Хлопкоробы долины этой осенью соберут примерно миллион тонн хлопка-сырца. А время, в которое я возвращался мысленно, было весьма далеко от этих дней. Тогда Узбекистан собирал не более двух миллионов тонн хлопка, и на полях все, кроме пахоты, делалось вручную.

Сорок лет назад человек изменил течение реки Заравшан у желтых откосов Каттакургана, и здесь заплескалось море. Моря бывают разные. Об естественных мы узнаем на школьной скамье; их уровень отличается завидным постоянством. Другое дело моря рукотворное. Об их рождении мы будем узнавать всю жизнь, и чем дальше, тем этих морей будет больше. Их уровень подчинен ритму хозяйственной деятельности человека. В этом плане Каттакурганское море не выдающееся и не особенное. И все же оно ни в коей мере не оставляет равнодушным человека, стоящего на его берегу. У берега в ветреный день прибой шумит ритмично и неумолчно, вьются чайки, их крики наслаиваются на шум прибоя. Немного дальше вода уже бирюзовая, и начинается слепящая дорожка к солнцу. Еще дальше водная гладь сливается с белесым в это время небом. Когда видишь эту большую воду, собранную зимой и весной, когда чувствуешь ее дыхание, невольно отождествляешь ее с живым существом, чутким и добрым.

Я вспомнил время, когда чаша водохранилища была пуста, подростки пасли в дымчатом отдалении овец и коров, а на плотине, которая едва возвышалась над землей, все кипело, работали десятки тысяч людей, ревели бульдозеры, – «палван-машины», машины-богатыри, как называли их колхозники, опорожняли кузова грузовики, с тяжелым клетотом останавливались железнодорожные платформы, и вдруг, в громе и грохоте, в клубах пыли возникал танк без башни, и раскрывались висевшие на нем хурджумы – металлические емкости по шесть кубометров каждый, и взоры всех устремлялись на этот танк.

И вспомнились лица работающих людей, молодые и изборожденные морщинами, но имевшие одну общую черту - воодушевление. Вот высокий, плотный, совершенно седой колхозник из Гиждувана Мавлян Гафуров, прославленный кетменщик. Он со своим звеном перевыполнял норму в десять раз. Вот его соперник из Ургутского района Джуракул Шадиев. Шла тяжелая, полная пафоса борьба вот за эту воду, что расстилалась сейчас передо мной. В то время я был начальником строительства.

Картины воспоминаний приходили сами, наслаиваясь одна на другую. Общим для всех этих картин был энтузиазм, горение людей. Живая связь времен прослеживалась через преемственность поколений. С высоты плотины это и виделось, и чувствовалось отлично. Движение страны к социализму, наши планы превращения Советского Союза в первую индустриальную державу мира.

То, к чему стремились мы, люди, родившиеся в начале века и приветствовавшие Октябрьскую революцию, достигнуто. Теперь на острие атаки наши дети и внуки, которым идти дальше. Я думал об этом. А солнце процеживалось за холмы, напоздали сумерки, и пора было возвращаться в гостиницу. Я пошел, ветер, касавшийся моих щек, еще хранил тепло дня. Мне вспомнилась одна картина, превосходно иллюстрировавшая то, что происходило здесь, на плотине, в дни ее создания.

Август 1948 года, накал работ высок. Дорог каждый кубический метр суглинка, отсыпанный в тело плотины. Соревнование водителей направлено на достижение наивысшей выработки. Дневная норма – двадцать ходок на автомобиле ЗИС-5. Водитель Рахматуллин из Бухары сделал сто один рейс – рекорд! Воодушевленный победой, он едет в гараж и там узнает, что столько же ходок сделал водитель Курочкин, который приехал раньше и уже отдыхает. Рахматуллин рванул на себя дверцу кабины и помчался в карьер. Рабочих там уже не было, и он сам загрузил машину и поехал на плотину. Эта сто вторая ходка сделала его единоличным обладателем рекорда, который никем не был перекрыт.

Ночь. Не спалось, я вышел в сад. Непривычная тишина окружала меня. Яркие горели звезды. Такие же ночи были здесь и двадцать семь лет назад, но текущие дела с их нескончаемыми заботами тогда заслоняли от меня их прелесть. Опять нахлынули воспоминания. Передо мной проходили сотни колхозников – борцов

за воду. Незадолго до войны жить стало лучше, и они связывали это с советской властью, с развитием хлопководства, и совершенно справедливо связывали. Награда за их труд была одна – вот эта собранная за плотиной зарашанская вода. Она осталась с ними и по наследству перешла к их детям, как один из кирпичиков общенационального богатства.

Сотни и тысячи... Лица я помнил недостаточно четко, но хорошо помнил вдохновение. Тот исключительной важности массовый порыв, который позволил с честью выполнить важное задание. В памяти прозвучало властное «Даешь!» – самое революционное слово, которое я знаю. После Перекопа, где оно родилось, у нас были ДнепрогЭС и Магнитка, Сталинград и Берлин, и полет Гагарина в космос. И лозунги, которые звали нас вперед, всегда начинались с этого мобилизующего слова. Еще я подумал, что непременно должен рассказать об этих людях. Как мы тут старались, как все тут кипело.

Путь в люди

Судьба страны складывается из судеб миллионов ее граждан.

Революция, гражданская война, восстановление народного хозяйства, первые пятилетки не только породили своих героев, но и сформировали новый характер, в котором важное место заняли коллективизм, широкая инициатива. Народные стройки – явление вполне закономерное в советской предвоенной и послевоенной действительности.

С годами условия изменились, мы стали богаче, ручной труд был потеснен машинным, и отпала потребность в народных стройках. В самом деле, гораздо эффективнее вести дело с помощью специализированных строительных и монтажных подразделений. Но в свое время метод социалистического хошара – народной стройки – позволил нам создать в кратчайшие сроки первоклассные ирригационные сооружения, заводы, позволил продвигаться вперед с невиданной доселе скоростью. То есть, этот метод себя оправдал и с точки зрения экономики. А воспитательную сторону народныхстроек вообще трудно переоценить: они очень расширили представление советского человека о своих возможностях. Не случайно ветераны этихстроек в один голос заявляют, что участие в них – самое яркое событие в их жизни.

Как шел Узбекистан к своим народнымстройкам? Почему клич «Все на хошар!» находил такой отклик? Почему плакали старики и подростки, когда их не брали на этистройки?

Рассказывает Ш. Ч. Айтиметов.

- Строителем я стал потому, что это была профессия моего отца. Он был человек могучего сложения. Леса прогибались под ним, и угнаться за ним в работе мало кому удавалось. Он работал легко, непринужденно, работал, как принято говорить, с душой, да и мастерством обладал немалым. Он положит кирпич, я положу – к его кирпичу больше не надо притрагиваться, он на месте, а мне надо подправить свой, чтобы не выпирал из ряда или не вваливался внутрь.

В первую мировую войну отца призвали на тыловые работы. Он попал в украинский город Конотоп, на снарядный завод. Много его земляков умерло тогда, отца же спасло могучее здоровье. Их, неграмотных, не знавших русского языка, обманывали и обкрадывали и тамошние чиновники, и свое начальство. Разобщенные, они не могли постоять за себя. Больше всего они натерпелись от тысячника Ташмат-ата, который бессовестно их обкрадывал, а деньги спускал на девочек в ночных притонах. Когда Ташмат-ата вернулся в Туркестан, его до смерти забили камнями. На его совести были десятки загубленных жизней. Отец вернулся, как с того света. Исхудал невероятно. Но понял, что хозяева заводов не доведут страну до добра. Эту истину ему помогли понять русские рабочие.

В наш дом зачастили односельчане. Это было настоящее паломничество. Люди после традиционного обмена приветствиями заводили разговор о своих близких. Что с ними? Отец чаще всего горестно разводил руками. Оказывается, не так уж много тыловиков вернулось из Конотопа. Но те, что вернулись, стали надежной опорой советской власти. Они привезли с собой идеи Ленина и распространяли их с завидной твердостью людей, уверенных в своей правоте и силе.

Четырнадцать лет, в 1919 году, я вступил в комсомол. Я работал тогда на железной дороге, и путь у меня был только один – вместе с советской властью. Кроме выполнения своих служебных обязанностей, мы помогали органам ЧК бороться с бандитами и саботажниками. Я научился метко стрелять и не расставался с винтовкой. Суровое было время. Действовали родовые устои и обычаи, правосудие вершил кази, женщины не покидали ичкари, а, выйдя на улицу, прятали свои лица под паранджой. Активистов убивали из-за угла. Свергнувший класс сопротивлялся, как мог, копил силы для мятежей, мечтал о вооруженной помощи из-за границы. В 1923 году наша семья переехала в Ташкент. Я хотел учиться, но надо было работать, есть было нечего. Я копал колодцы, водопровод тогда был большой редкостью. Потом делал сырцовые кирпичи. В те годы в Узбекистане это был основной стеновой материал. Нормой считалось изготовление 700 кирпичей в день, я делал 1000. Кирпичи признаются высокого качества, если семь штук, поставленные друг на друга на ребро, не падают. У меня это получалось. Я брался за любую работу на стройках, – клал стены, штукатурил, стелил полы, клал кровлю – плоскую узбекскую и двухскатную европейскую. В те годы свирепствовала безработица, на бирже труда стояли очереди, найти работу было трудно. Вскоре у меня уже была артель. По

сегодняшним категориям, артель – это подрядная бригада, работающая на полном хозяйственном расчете и сдающая объект под ключ. Был нэп, страна медленно поднималась, преодолевала разруху.

Помню, некто Овсяников подрядил нашу артель построить дом. Его жена работала управляющей делами в университете. Она сказала мне, что в университете учатся простые рабочие парни, что для них открыто подготовительное отделение. Я загорелся, а она пообещала: «Если ты, мастер, хороший дом поставишь, я помогу тебе поступить на рабочий факультет».

Домом эта дама осталась довольна и свое обещание выполнила. Так в 1926 году я стал рабфаковцем. Это была моя третья попытка получить высшее образование. Две первые кончились неудачно. Я подал заявление в авиационную школу, но не сдал экзаменов. И провалился на экзамене в почтово-телеграфное училище – не смог на доске написать миллион. А тут меня приняли. Учение было для меня праздником.

Конечно, участвовал в общественной работе. Мне нравилось проводить самые разные мероприятия, от университетского вечера до уборки прилегающих улиц. Устраивал студентов на работу. Тогда работа, а не стипендия, давала студенту средства к существованию. При жесткой безработице найти работу было проблемой. Вскоре я стал членом партии и вот уже 48 лет честно выполняю обязанности коммуниста.

Несколько раньше я познакомился со своей будущей женой Алисой Николаевной. Я ехал в Ташкент из Туркестана, и со мной в вагоне ехала она. Познакомились. Поезда ходили тогда чуть быстрее верблюжьих караванов. Это был единственный случай, когда мне понравилось, что поезд идет медленно. Жена у меня педагог, дефектолог. Своей основной заслугой она считает тридцатилетнюю работу в школе для аномальных детей. Одной из первых в республике она стала заслуженной учительницей. Дочь Сара пошла по ее стопам, а вторая дочь, Саида – врач-фтизиатр.

После рабфака я поступил в среднеазиатскую промышленную академию, на строительный факультет. Окончил ее в 1935 году. И сразу же получил ответственное назначение на должность начальника строительства Хилковского цементного завода. Мощность завода предстояло увеличить с двухсот тысяч до миллиона тонн. Этот завод был построен на средства, выделенные Лениным на освоение Голодной степи. С поставленной задачей коллектив строителей справился, а я впервые познакомился с Голодной степью. Увидел: чтобы эта земля стала оазисом, надо затратить очень много труда.

После этого у меня были разные должности. В годы войны я работал первым заместителем председателя Андижанского облисполкома. Мы боролись за хлопок и хлеб, принимали с запада заводы и тысячи эвакуированных. Все для фронта, все для победы! Таков был лозунг тех дней. Он и определял нашу жизнь. Напрягать свои силы приходилось каждому, это было в порядке вещей. 11 октября 1942 года мне позвонил первый секретарь ЦК Усман Юсупов: «Выезжайте сейчас же в Бекабад». О цели вызова не сообщил. В Бекабаде я встретил многих наркомов. Они ходили по пустырю на правом берегу Сырдарьи, что-то прикидывали. Вскоре подъехал и Юсупов. Он сказал, что Москва приняла решение построить здесь металлургический завод. Сталь должны быть получена в кратчайшие сроки, она очень нужна фронту. В тот же день я был назначен начальником строительства этого завода.

А на площадке ни людей, ни механизмов, и жилья вблизи нет, лишь крошечный глинобитный поселок эксплуатационников Дальварзинского канала. Это сегодня Бекабад современный город. Мы начали с землянок, как на фронте, стали зарываться в землю. Землянки спасали от холода. Когда началось наступление под Сталинградом, в мерзлую бекабадскую землю ударили кетмени первых строителей завода. И закипела работа. Вскоре рядом началось возведение Фархадской ГЭС. Этой стройкой руководил будущий лауреат Ленинской премии Акоп Абрамович Саркисов. Он был прирожденный строитель и прирожденный организатор. Не случайно именно он впоследствии многие годы возглавлял освоение Голодной степи.

Не буду рассказывать о том, с какими мы столкнулись трудностями, время было военное. Стискивали зубы, подтягивали пояса и работали. А по воскресеньям сажали и поливали огороды, они давали нам половину продуктов питания. Первый мартен задули в 1944 году и через сутки сварили сталь. Снаряды, отлитые из этой стали, подоспели к началу Берлинской операции. А через два года был получен первый прокат. Задание Родины было выполнено, Юсупов предложил мне должность директора этого завода, но я отказался, я не металлург. Тогда он сказал: «Ладно, поедешь достраивать Каттакурганское водохранилище! Побывай на месте, осмотришь и доложи, что и как. Для длины Заравшана это объект номер один!» Он был скор на решения. Так я стал начальником этой стройки.

Человек и вода

В повести Антуана Экзюпери «Планета людей» есть такой эпизод. Летчик привозит группу бедуинов из Сахары к водопаду Виктория. Дети пустыни смотрят, зачарованные: им показали чудо. Час они смотрят, день смотрят. Сидят у водопада и ждут. Ждут, когда вода кончится. Поняв, в чем дело, арабам сказали, что ждать бесполезно, водопаду десять тысяч лет. Тогда старший из них воскликнул: «О, Аллах! Как велик ты, сотворивший этот водопад! Но как несправедлив к нам ты, сотворивший пустыню!»

Цену воде лучше других знают жители стран с аридным климатом. Для них вода – урожай, благополучие, сама жизнь. Их бережным и добрым отношением к воде нельзя не восторгаться. Богатейший

фольклор, любопытные предания оставили нам поколения людей, в поте лица, как хлеб насущный, добывавшие воду. Простой кетмень в руках богатыря обретал способность крушить скалы. Там, где богатырь Фархад по велению прекраснейшей принцессы Ширин крушил кетменем скалы на берегу Сырдарьи, сегодня стоит бетонная плотина, носящая его имя, и берут начало каналы, орошающие степь, которую должен был оросить он – Голодную степь.

На земле есть районы, где дождь сменяется новым дождем и выпадает двенадцать метров осадков в год. Там вода скорее бедствие, чем благо. А наводнения? Природа поставила человека перед фактором крайней неравномерности осадков. Но и там, где недавно пресной воды хватало, она все чаще становится дефицитной, и принимаются все новые меры для ее бережного расходования. А там, где воды всегда не хватало? Народы среднеазиатских республик во все времена умели ценить и бережно расходовать воду.

Две наши реки, Сырдарья и Амударья (последняя вдвое многоводнее) ежегодно приносят на равнину в среднем сто кубических километров воды в год. Эти реки рождаются высоко в горах Тянь-Шаня и Памира. Они многоводны тогда, когда это больше всего нужно человеку – летом, в период интенсивного таяния ледников. Но ценность представляет не та вода, что в реке, а та, что в нужное время и в нужном количестве подана на поля. Борьба за воду – интереснейшая часть многотысячелетней истории края. Но никогда еще освоение новых земель и водохозяйственное строительство не велось так интенсивно. Ежегодно на эти цели расходуется более миллиарда рублей, и ежегодный прирост орошаемой пашни приближается к ста тысячам гектаров. В последние годы в Средней Азии построены или возводятся крупные ирригационные системы и гидроузлы. Среди них Каршинский магистральный канал с семью уникальными насосными станциями и Талимарджанским водохранилищем, Аму-Бухарский машинный канал, подающий воды Амударьи в низовья Заравшана, Большой Наманганский канал с километровыми дюкерами. На реке Чирчик поднялась Чарвакская ГЭС мощностью 600 тысяч киловатт с плотинной высотой 168 метров, на реке Нарын – Токтогульская ГЭС мощностью 1200 тысяч киловатт с водохранилищем емкостью 19 кубических километров, самым крупным в регионе. На реке Вахш возведена Нурекская ГЭС мощностью 2,7 миллиона киловатт с плотинной высотой 310 метров. Строятся Андижанское водохранилище на реке Карадарье и Туямуюнское на Амударье.

Сегодня в нашей стране производится примерно 8,5 миллиона тонн хлопка-сырца в год, из которого вырабатывается 2,8 миллиона тонн волокна. Около трети этого количества приобретают зарубежные текстильные фирмы. Дружественные страны, например, почти целиком удовлетворяют свои потребности в хлопке за счет наших поставок. А до революции Туркестанский край покрывал только половину потребностей российских текстильщиков в хлопке. На его закупки в Северо-Американских Соединенных Штатах русские фабриканты израсходовали за 1890 – 1917 года 2,5 миллиарда рублей золотом, ввезли 4,5 миллиона тонн волокна.

Туркестану тогда отводилась только роль поставщика сырья. Готовые же изделия ввозились из России. Эта экономическая политика проводилась в жизнь неукоснительно. И точно такую политику в своих колониях проводили Великобритания и Франция. Когда одна самаркандская компания обратилась к генерал-губернатору края Самсонову за разрешением построить текстильную фабрику, Самсонов наложил на прошение такую резолюцию: «Дать заключение неблагоприятное. Указать, что развитие в крае бумагопрядильной фабричной промышленности является вопросом чрезвычайной важности, имеющем невыгодную сторону – подрыв этой промышленности в центральной России». Здесь развивалась только первичная переработка хлопка-сырца.

Долина Заравшана

Река Заравшан и труд человеческий сотворили Заравшанский оазис. Заравшан хотя и относится к бассейну Амударьи, но в нее давно не впадает и потому может рассматриваться, как самостоятельный водоток. Река берет начало в Таджикистане, ее длина 877 километров. Все свои притоки она принимает тоже в Таджикистане, а в Узбекистане ее воды полностью разбирают на орошение. У Самарканда она делится на две протоки, Акдарью и Карадарью. Затем протоки сливаются вновь, и к реке возвращается прежнее название. Средний многолетний расход Заравшана при сходе на равнину – 164 кубических метра в секунду. Для сравнения: средний расход Чирчика – 224 кубометра воды в секунду, Нарына – 427, Кашкадарьи – 50. Эта река имеет ледниковое питание и характеризуется наименьшей, по годам, изменчивостью стока и наибольшей удобностью для использования в сельском хозяйстве. Но и на колебании ее стока замечается повторение маловодных и многоводных лет.

Подчеркну еще раз: у рек ледникового питания распределение стока лучше всего отвечает потребностям орошаемого земледелия. У Заравшана пик паводка приходится на июль, когда потребность в поливной воде наибольшая. Оазис в долине Заравшана существует не одну тысячу лет. Во времена античности площадь орошения здесь даже превышала современную и составляла около 600 тысяч гектаров. Каналы здесь много раз приходили в запустение, но затем восстанавливались. Летописцы донесли до нас, что в девятом – тринадцатом веках вода в Самарканд поступала по акведуку, дно которого было выстлано

свинцом. Еще в прошлом веке водозабор из реки в каналы осуществлялся с помощью фашин и каменно-хворостяных плотин. Выше и ниже Бухары реку перегораживали гидротехнические сооружения со шлюзами. За воду взималась подать, и широко практиковалась натуральная повинность по очистке каналов от ила. Уже применялись достаточно сложные системы деления воды.

Колониальный период характеризуется усиленным внедрением культуры хлопчатника. Посевы зерновых на орошаемых землях сокращались, их вытеснял хлопчатник. А сами земельно-водные отношения после присоединения края к России изменений не претерпели. Столкнувшись с уже сложившимся крупным земельно-водным хозяйством, русская администрация не сочла нужным что-либо здесь менять. Большая часть земель принадлежала баям, на долю половины дехканских семей приходилась одна десятая часть всех обрабатываемых площадей.

В 1868 году Заравшанская долина была поделена на две части – русскую (Самаркандская область) и земли эмира Бухарского. Воды реки делились на три части, и одна ее часть направлялась в Бухару. Всего в долине орошалось 545 тысяч десятин, из них 305 тысяч в Бухаре. Как видно, Бухара получала меньше воды, чем Самарканд, хотя ее орошаемые площади были больше. На образование такой диспропорции влияли большие посевы риса в верхней части долины. До революции в долине плодотворно поработала крупная и весьма компетентная Заравшанская изыскательская партия под руководством профессора Чаплыгина. Ее программа была многообразна. Так, она детально обследовала все оросительные системы, установила поливные нормы, провела гидрометрические наблюдения, топографические съемки. Собрав богатый материал, комиссия рекомендовала строительство шести гидроузлов, в том числе и Каттакурганского. Их создание должно было упорядочить водопользование, ликвидировать многие дорогие ежегодные работы, сэкономить поливную воду и за счет этого расширить орошаемый клин. Чаплыгин высказал интересное предложение об орошении земель в низовьях Заравшана водами Амударьи, подняв их с помощью насосов на нужную высоту. Администрация края назвала это предложение фантастическим, но теперь оно успешно осуществляется.

В советское время, сразу после окончания гражданской войны, надо было восстановить ирригационные системы, пришедшие в негодность, перестроить на социалистических началах водно-земельные отношения и, развивая орошение, добиться хлопковой независимости. Еще в 1925 году, когда началась земельно-водная реформа, треть земель была в собственности баев. Реформа проходила в условиях острой классовой борьбы и укрепила авторитет советской власти. В советское время первой, после Аккарадарьинского вододелителя, построенного в 1910 году, была возведена Первомайская плотина (ее предшественница была снесена могучим паводком 1921 года). Были реконструированы многие оросительные системы, и уже на рубеже первой и второй пятилеток страна добилась хлопковой независимости. А третья пятилетка ввела в практику и прославила на весь мир новый метод водохозяйственного строительства – народную стройку.

Что это такое

Сорок лет назад, когда мир впервые услышал о народных стройках, партия настойчиво проводила в жизнь линию на развитие творческой активности, и результаты были получены впечатляющие.

В конце тридцатых годов в стране произошли важные экономические и социальные перемены. В Узбекистане, например, земельно-водная реформа наделила дехкан байской землей, а коллективизация и высокие цены на хлопок способствовали развитию сельского хозяйства. В республике были построены крупные заводы сельскохозяйственного машиностроения, текстильные комбинаты. Достижению хлопковой независимости предшествовала большая работа по развитию орошаемого земледелия. Реконструировались старые оросительные системы, строились новые. Государство отпускало на эти цели все более значительные средства. Наконец, наступило время претворения в жизнь больших и технически сложных, но экономически выгодных ирригационных проектов.

Третью пятилетку страна начала в предгрозовые годы. Все больше средств направлялось на развитие оборонной промышленности. В этих условиях возведение крупных ирригационных объектов могло приостановиться. Чтобы этого не произошло, и родились народные стройки. Это такие стройки, когда государство берет на себя лишь выполнение проектно-изыскательских работ и материальное обеспечение, а рабочих посылают колхозы. На трассе Большого Ферганского канала этот метод обрел всесоюзную известность. Как только было принято решение о его строительстве, проект был подготовлен всего за два с половиной месяца. Трассу канала выбрали с таким расчетом, чтобы она пересекла низовья всех оросительных систем южной Ферганы. Предполагался широкий маневр водой. Многоводные источники – Нарын, Исфайрам приходили на помощь маловодным – Карадарье, Шахимардану. Во внимание была принята и неравномерность паводков в реках снегового и ледникового питания. Объем работ был внушительный – земляных 16 миллионов кубометров, бетонных – несколько десятков тысяч кубометров. Число сооружений на канале достигало 400. При обычных темпах на строительство канала ушло бы лет пять.

Эти сроки никого не устраивали. Народ предложил свои сроки, и там, где, по строгим подсчетам, нужны были годы, удалось уложиться в месяцы и недели.

Большому Ферганскому каналу суждено было войти в историю мирового гидротехнического строительства, как явлению исключительному. Метод народной стройки и стал ниспровергателем старых канонов. Когда встал вопрос, как в кратчайшие сроки и при минимальных затратах государства построить Большой Ферганский канал, ответ на него был дан один – путем привлечения к работам широких народных масс. Канал, который мог бы покончить с маловодьем и ввести в оборот десятки тысяч гектаров плодородных земель, был очень нужен окрепшим колхозам Ферганской долины. И колхозы выступили с инициативой начать работы на трассе, опираясь на их силы.

Районы долины, где должен был пройти канал, насчитывали триста колхозов. И каждое из этих хозяйств выделило строителей, обязалось начислить им за работу трудодни, обеспечить питанием, инвентарем, транспортом. Государство выделило на эти цели 20 миллионов рублей, пять тысяч тонн цемента, 15 тысяч кубометров лесоматериалов, 200 грузовиков, пять тысяч тонн горючего.

И закипела работа!

У нас есть возможность воочию увидеть, как это было. Известный кинодокументалист Малик Каюмов снял ленту «Канал». Наверное, лучшую свою ленту. Он только фиксировал происходящее, не прибегал к различным ухищрениям. Эмоциональный накал событий был так велик, что лента получилась удивительно яркая, запоминающаяся. Подвиг, действительно, всегда яркое.

Войдем в зрительный зал и подождем, когда погаснет свет. Вот в колхозах Ферганской долины идут собрания, дехкане произносят пламенные речи, сотни людей хотят стать строителями канала. Но отбирают самых достойных, а остальным говорят, что им придется работать на хлопковых полях и за себя, и за тех, кто поедет на трассу. Вот приготовления: снаряжаются арбы, выпекаются лепешки, плотники сколачивают носилки, вдоль трассы ставятся палатки, навесы. Вот памятный для всех день начала работ – 1 августа 1939 года. Трубят карнаи, отряды дехкан устремляются на трассу. Это 160 тысяч человек. Объектив выхватывает транспарант со словами Ленина: «Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Нескончаемы колонны строителей. Сброшены рубашки, теперь только тюбетейки защищают головы от палящего солнца. Первый взмах кетменя. И вот сверкают на солнце тысячи кетменей, колхозники перемещают грунт в дамбу носилками, тачками, арбами. Техники мало, и только на скальных участках на помощь кирке приходит взрывчатка: скалу вручную не одолеть. Здесь рядом с колхозниками работают саперы. Норма выработки 2,5 кубометра на человека в день. Кто больше? Выполнил норму – спасибо, сделал больше – честь тебе и хвала. Разворачивается соревнование. Пять, восемь, десять кубометров вынутаго грунта в день – рекорды падают один за другим. В первый же день из русла извлечено 510 тысяч кубометров грунта, норма превзойдена в среднем каждым строителем канала.

Вот крупным планом дано лицо старика. Аксакал не в силах сдержать слезы. Его кровно обидели, не взяли строить канал. Его посчитали немощным! Вот плачущий подросток. Ему отказали, потому что он слишком молод. Но и первого, и второго мы встречаем на трассе. Они пришли сюда сами и отлично работают. Старик счастливо улыбается: есть, мол, еще сила в руках! Доволен и худошавый подросток, он старается не отстать от взрослых.

Вот красный флаг, поднятый по итогам дня в честь лучшего колхоза, района. Вот легковая машина, в которой едет всеузбекский староста Юлдаш Ахунбабаев. Рядом с ним лежит большой кетмень. На отстоящем участке Ахунбабаев останавливает машину, берет кетмень и спускается в котлован. Отовсюду к нему тянутся руки: что вы, Юлдаш-ака, мы сами, вы пока чаю попейте! Не позорьте нас! И вгрызаются, и наваливаются, и наверстывают упущенное. А Юлдаш Ахунбабаев улыбается и едет дальше. Вот семидесятилетний аксакал, который ежедневно выполняет по три нормы. Вот рекордсмен стройки Дунан Дусматов. Вот вечером на быстро сколоченной сцене выступают артисты, поэты. На почетных местах у самой сцены сидят стахановцы.

Говорит Малик Каюмов:

- Я счастлив, что снял этот фильм. Ничего лучшего не создал до сих пор, хотя побывал в семидесяти странах и везде снимал. Увидеть этот завораживающий труд было счастьем. Именно тогда мое сердце наполнилось гордостью за мой народ и мою страну.

Рассказывает журналист Иван Петрович Ляскало, собравший много материалов по истории строительства Большого Ферганского канала:

- Всего за 45 дней на трассе были завершены земляные работы. 25 сентября состоялся грандиозный митинг строителей канала. Выступая на нем, Усман Юсупов сказал, что сотни тысяч колхозников на деле развенчали теорию о невозможности ускорить темпы ирригационного строительства без крупных капиталовложений государства, призвал в короткие сроки завершить возведение гидротехнических сооружений на канале. И к концу декабря все сооружения были введены в строй. По каналу пустили воду. Какое ликование, какое торжество! Воды Нарына и Карадарьи быстро дошли до

Канибадама, пересекли почти всю долину. Восхищение ирригаторов во всем мире было беспредельным. В передовой статье от 30 декабря 1939 года газета «Правда» писала: «Большой Ферганский канал вошел в историю нашего государства, как одна из прекраснейших ее страниц, как жемчужина народного творчества».

Всего же в массовом водохозяйственном строительстве в Узбекистане приняло участие 1200 тысяч человек, методом народной стройки было возведено 170 оросительных каналов и гидроузлов, освоено 450 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Следующими крупными объектами были Северный и Южный ферганские каналы, Кампырватская вододелительная плотина на Карадарье, Ташсакинский канал в Хорезме, а также Каттакурганское водохранилище на реке Заравшан емкостью 660 миллионов кубометров.

Проект

Разработкой проекта Каттакурганского водохранилища руководил известный в Средней Азии гидротехник, кавалер многих орденов Иосиф Дмитриевич Лебедев. Черты лица у Иосифа Дмитриевича крупные, нос массивный, очки он носит тоже в массивной роговой оправе. Легкая оправка не гармонировала бы с его лицом. Ему сейчас 82 года, он совершенно сед, но волосы у него еще густые, и в легком теле, тренированном в бесчисленных экспедициях, еще сохранилась сила. Он до сих пор работает – в отделе экспертизы Главсретадирсовхозстроя. Его и сегодня отличает умение слушать и убеждать. Оно располагает к нему людей.

Рассказывает И. Д. Лебедев:

- Я приехал в Узбекистан в 1924 году. Средняя Азия – благодатное поле для приложения сил гидротехника. Уже 53 года, как я востребован по большому счету. В первые годы после образования Узбекской ССР долине Заравшана придавалось даже большее значение, чем Ферганской долине. Потому что столицей республики тогда был город Самарканд. С Заравшана и началось мое знакомство со Средней Азией. Оно быстро переросло в глубокую привязанность. Я начинал здесь, как изыскатель. Тогда не было ни хорошей топографической основы, ни подробных почвенных карт. Об условиях работы нечего и говорить. Не раз приходилось скрываться от басмачей. Прятался даже на кладбище. Рассчитывать можно было только на свои силы. Но местные жители всегда относились к нам тепло, и от них мы получали всяческое содействие. Первые двадцать лет моей работы прошли в полевых партиях и экспедициях. Мы изучали существующую оросительную сеть, изыскивали площади для нового орошения, определяли места для возведения на реках водозаборных узлов, водохранилищ. Все теплое время года я проводил в поле, а зимой мы занимались камеральной обработкой.

Полевые работы организовывались тогда так. Ответственный исполнитель получал деньги согласно смете, выезжал на место и в ближайшем городе покупал снаряжение – арбы, сбрую, кухонную утварь, кошмы, лошадей или верблюдов. Нанимал рабочих и отправлялся в ближайший к месту работы кишлак, а если такого кишлака не было – к ближайшему колодцу. Там мы создавали временную базу. Маленькие эти экспедиции были на полном хозяйственном расчете. Хорошего снаряжения для изыскательных партий в стране еще не делали, и мы обходились всевозможными подручными средствами, кустарничали. Как только полевой сезон кончался, рабочих увольняли, лошадей, снаряжение продавали. Экспедиция свертывалась. А на следующий год все повторялось сначала. Я умел обращаться с лошадьми, ослами, верблюдами. В кочевом быте было много спартанского. Была и романтика. Она всегда есть во всем том, что связано с изысканиями. Когда появились машины, стало лучше. Машина куда надежнее и быстрее строптивного верблюда.

В конце двадцатых годов я составлял карты долины Заравшана. Это были серьезные, капитально поставленные изыскания. Я исходил долину от высокогорных истоков Заравшана до места впадения реки в Амударью. До Амударьи и в те годы Заравшан добежал не всегда. Вопрос о строительстве крупного водохранилища встал не сразу. Сначала надо было привести в порядок существовавшую оросительную сеть, вернуть в оборот выпавшую из него пашню. Когда это было сделано, когда воды стало не хватать, особенно в Бухаре, тогда и появился в повестке дня вопрос о строительстве водохранилища. Место для него выбирали долго. Я понимал, что изъять из реки можно только зимнюю воду, которая уходила в Амударью или в пески за пределы оазиса. А зимняя вода была сравнительно невелика. Мы рассмотрели варианты возведения плотины в верхнем течении реки, но емкости эти были небольшие. Тогда я обратил внимание на ложину близ Каттакургана. Место было голое – пастбища, много возвратных вод, родников. Эта чаша нас вполне устраивала, ее полезный объем превышал 600 миллионов кубометров. Стоимость удержания одного кубометра воды равнялась 43 копейкам. Этот вариант сулил минимальные затраты. На нем и остановились.

Как эту чашу наполнить? Придумали каналы подводящий и отводящий. Пусть будет не русловое, а наливное водохранилище. Идею одобрили, она органически вошла в схему развития орошения в среднем течении Заравшана. Схема предусматривала расширение орошаемых площадей на 83 тысячи гектаров. Дебаты вызвала конструкция лессовой плотины. Из лесса больших плотин мы еще не строили, только маленькие. Мы знали о лессе не так уж много, боялись его просадочности. Боялись, что он, размокнув, поплывет, не сможет держать откоса. Мы попросили американских инженеров стать экспертами, но они отказались. Наверное, в США тогда тоже не строили крупных плотин из лесса. Возможно, свою роль

сыграли политические причины. Всю расчетную часть проекта выполнили наши специалисты – и не просчитались. Предложенные технические решения оказались высоконадежными. Плотина неизбежно стоит уже четвертый десяток лет. Основные сооружения и металлоконструкции были рассчитаны инженерами Леонидом Петровичем Урмановым, Николаем Гавриловичем Бородинским, Анатолием Владимировичем Петровым, Эвельдом Эрнестовичем Пепловым, Виктором Васильевичем Поплавским. Мы изучили мировой опыт. Не надо забывать, что проектировалось самое крупное в Узбекистане водохранилище и самая высокая плотина. Только недавно у нас появилось более крупное водохранилище – Чарвакское на реке Чирчик.

Наверное, тут уместно привести некоторые цифры. Каттакурганская котловина перегораживается земляной плотиной и заполняется в осенне-зимний период водами основного протока Заравшана Карадарьи. Опорожняется она в мае – августе. С Карадарьей водохранилище соединяется подводящим каналом длиной 28 километров и пропускной способностью 45 кубометров в секунду. Трасса этого канала проходит по косогору, пересекает саи, и глубина выемки достигала 35 метров, а высота насыпи – 15 метров. Объем выемки по этому каналу превышал пять миллионов кубометров. Отводящий канал имел длину 14 километров и пропускную способность 125 кубометров в секунду и впадал в канал Нарпай. Здесь объем выемки составлял 2,6 миллиона кубометров. В 50 – 60 годы подводящий канал и плотина водохранилища были реконструированы, плотина наращена на три метра, что повысило емкость водохранилища на 300 миллионов кубометров.

Теперь перенесемся в день сегодняшний. Сейчас проектирование водохозяйственных объектов в республике ведут три мощных института. Они располагают прекрасными кадрами, крупными изыскательскими отрядами, серьезной научно-исследовательской базой. Так, успешно претворен в жизнь проект Нурекской ГЭС с самой высокой плотиной в мире. Многие наши проекты содержат не просто интересные, а уникальные технические решения. Много гидротехнических объектов спроектировано для стран Ближнего и Среднего Востока.

Анализируя сегодняшнюю потребность в водохозяйственной технической документации, радуясь новым и смелым инженерным решениям, гарантирующим стопроцентную надежность возводимых объектов, я вижу, как быстро растут наши специалисты, как идут в гору наши дела. С улыбкой вспоминаю, что наш довоенный «Сазводпроиз» занимал уютный особняк на улице Ленина (землетрясение его не пощадило). Чтобы разместить один сегодняшний «Средазгипровхлопок», таких особняков потребовалось бы с десяток. Инициативный, вооруженный всей суммой накопленных знаний проектировщик является проводником научно-технического прогресса в водохозяйственном строительстве.

Начало

В 1939 году возведение Каттакурганского водохранилища было объявлено первоочередной задачей ирригационного строительства в республике. Полностью финансировать этот объект государство тогда не могло. Но уже был опробован метод народной стройки. И было решено использовать его еще раз.

В начале 1940 года было создано управление строительства Каттакурганского водохранилища. Возглавил его инженер Иван Григорьевич Бурдиашвили. Заместителем у него был Семен Константинович Калижнюк, впоследствии выросший в гидротехника с мировым именем. Для руководства работами правительство республики направило на стройку лучшие инженерные силы. В короткие сроки были проведены подготовительные работы: разбиты трассы отводящего и подводящего каналов, намечены карьеры, поставлены навесы, палатки. Стройка была готова принять десятки тысяч людей. И первого марта 1940 года 130 тысяч колхозников Самаркандской и Бухарской областей под гром карнаев стали разрабатывать русло подводящего канала.

Чуть-чуть опоздав к началу, на стройку прибыл гидротехник Василий Федорович Шпотин, до этого строивший Большой Ферганский канал. Ему поручили отсыпать правую половину плотины, где трудились самаркандские колхозники (левую отсыпали бухарцы). Шпотин быстро проявил себя, и вскоре его назначили главным инженером по возведению плотины. Затем он поднялся на следующую должностную ступеньку, – стал главным инженером всей стройки. На эту же должность он вернулся после окончания войны и занимал ее до полного завершения работ. Сейчас, спустя три десятилетия, Шпотин сказал о себе кратко: «На ногах стою крепко. Надо догнать автобус – догоню!»

Рассказывает В. Ф. Шпотин:

- Впечатление, которое произвело на меня строительство Большого Ферганского канала, определило мою дальнейшую судьбу. Большой Ферганский открыл мне наши возможности. Поэтому я с радостью принял предложение участвовать в сооружении Каттакурганского водохранилища.

К моему приезду в Каттакурган организационный период был позади, на подводящем канале работы кипели во всю, инженеры готовились к разработке котлована под основание плотины. Земляные работы выполнялись только вручную. В ходу были кетмени, совковые лопаты, тачки, носилки, мешки. Многие колхозники при разработке выемки предпочитали наполнять грунтом полы халата. Как и на Большом Ферганском, нормы перевыполнялись почти каждым, ударничество было явлением массовым. Колхозы

Самаркандской и Бухарской областей выставили примерно одинаковое количество работников. Это облегчало подведение итогов соревнования между ними. Первое место занимала та область, которая выполняла больший объем земляных работ. В свою очередь, областной участок делился на районные, а каждый районный – на колхозные делянки. Атмосфера состязательности воодушевляла всех. Желание попасть в число передовиков было очень высоким.

Жили колхозники в полуземлянках, палаток нам выделили мало. Многие предпочитали легкие навесы из камыша. Землянку вырывали обыкновенно на колхоз, на 20 – 40 человек, и размеры ее были десять на пять или двадцать на пять метров. Покрывалась она брезентом или матами из камыша. Такой городок походил на цыганский табор. Но защита от жары и непогоды у людей была. Летом землянки хорошо сохраняли прохладу, а зимой в них не жили. На зиму работы сворачивались. Так что надобности отапливать землянки не было. Строили их буквально за один день. Колхозы снабжали своих рабочих продуктами – рисом, мясом, мукой, овощами. Рядом с землянками стояли тандыры, в очаги были вмурованы чугунные котлы. Кто-то оставался выпекать лепешки, готовить. А как же иначе? Тяжелый физический труд требовал возобновления больших затрат энергии. Рабочие обычно прибывали на два месяца. И норма выработки устанавливалась сразу на два месяца. Выполнил ее раньше, – возвращайся в колхоз досрочно. Ударникам вручали удостоверения, и в колхозах их встречали с почестями. Такой порядок стимулировал высокую производительность труда.

Инженерно-технический персонал также размещался без больших удобств, хотя набирался на весь срок строительства. Специалисты жили в глинобитных домах Каттакургана. Мне досталась маленькая комнатка с дверями, но без окон, с плоской саманной крышей. Домой мы попадали только на ночь. Питались в столовой близ плотины. Недостатка в продуктах столовая не испытывала. Отношение к специалистам как снизу, так и сверху основывалось на доверии и уважении. И мы старались.

Помню самое начало. Надо было как можно скорее начать разработку котлована под основание плотины, разметить участки колхозам, разъяснить людям технические условия и важность их соблюдения. Каждый исполнитель должен знать свою задачу: для чего мы заглубляемся в землю, для чего уплотняем грунт, укладываемый в плотину. В пойме близко стояли грунтовые воды. Значит, заранее надо было побеспокоиться о водоотливе, о насосах и трубопроводах, подвести к насосам электроэнергию.

Наконец, разбивка и прочие подготовительные работы позади, и на километровом пойменном участке тоже все закипело. Сначала грунт разрабатывали только вручную, экскаватор стройке выделили только один, и автотранспорта почти не было. Часть суглинка для плотины решено было подвозить железнодорожными платформами, а для прокладки рельсового пути требовалось время. Единственные машины, которые мы получили по потребности – это тракторы для укатки ядра плотины. Это вопрос серьезный, ручной трамбовкой много не наработаешь. А кулачковые катки мы изготовили сами, в своих мастерских, серийно их тогда не выпускал ни один завод. Грунт из котлована вынимали вручную, грузили на арбы, на лошадей и ишаков и вывозили в отвалы. Вскоре мы освободили от рыхлых отложений пойменную часть котлована. Полная ширина плотины понизу 300 метров. Если поднимать ее сразу полным профилем, отдачу получишь не скоро. А мы очень хотели, чтобы уже на следующий год люди увидели результаты своего труда. Чтобы началось заполнение чаши. Мы знали, как это воодушевит людей. И решили отсыпать плотину неполного профиля, на десятиметровый напор воды. В этом случае ширина основания должна быть сто метров. Соответственно, на двадцатиметровый напор – двести метров, и так далее. При этом значительные объемы работ переносились на будущее, зато приближалась полезная отдача.

И вот началась отсыпка самого тела плотины. Суглинок в карьерах разрабатывали сухой. Снимали растительный слой – и карьер готов. Грунт возили на полутоннажных грузовичках, погрузка их и разгрузка осуществлялась вручную. Использовали и арбы. Когда проложили железнодорожную колею, стройка получила три паровоза, и грунт стали подвозить на платформах. Пыль стояла до неба. Ничего не было видно, и люди задыхались. Пот смешивался с пылью и заливал глаза. Не помогали ни защитные очки, ни респираторы. В такой пыли трудно было вести машины. Из Ташкента прибыли лучшие регулировщики дорожного движения. Они задыхались в пыли, как и все, но помогали мало. Пыль сводила на нет общие героические усилия. Сухой грунт укладывать в тело плотины было и трудно, и неудобно. По оси будущей плотины колхозники проложили арык и из него ведрами поливали привезенный грунт. Его расстилали слоем 20 – 25 сантиметров, обильно поливали, два часа выдерживали для равномерного промачивания, переворачивали плугом – нижние слои оказывались сухие – и снова поливали, выдерживали и снова переворачивали плугом, вскрывая отдельные сухие места. Только после этого в работу вступали катки. Это был очень изнурительный процесс, занимавший 16 часов, а часто и больше. Каток должен был пройти по одному месту 24 раза. Столь громоздкая технология укладки грунта нервировала работников.

Особенно были напряжены нервы водителей. Длительность укладки каждого слоя привела к тому, что огромный котлован под центральную часть плотины размером 1000 на 280 метров через пять дней был весь забит грунтом и оказался мал. Грунт не успевали перерабатывать. Больше одного слоя в сутки отсыпать не удавалось. Однако другой технологии не существовало. Люди задыхались в пыли, но требования

инструкции выполняли неукоснительно. Нас, инженеров, обескураживала эта беспомощность перед несовершенной технологией. Вид выкупанных в пыли людей, когда они возвращались с работы, еще обострял это чувство. Что предпринять? Мы пригласили инженеров из Москвы, но и они разводили руками. Поступили предложения установить насосы и увлажнять грунт методом дождевания, или выкапывать лунки в шахматном порядке и заполнять их водой. Но у этих предложений был один недостаток, – они ничего не меняли кардинально.

И вот Калижнюк дал мне задание построить железнодорожную насыпь от карьера до плотины, с очень коротким сроком исполнения. Для ускорения дела я разрешил брать грунт, уже уложенный в тело плотины, то есть доведенный до оптимальной влажности. Мы вырубали этот плотный грунт, укладывали в насыпь, укатывали слой за слоем – и все это быстро, гигиенично, без пыли. Насыпь вращалась на глазах. И я подумал: какого же черта мы укладываем в плотину сухой грунт, когда надо укладывать влажный? Увлажнять грунт следовало прямо в карьере! Это было, как озарение. Я помчался к Калижнюку. Он выслушал меня и обрадовался чрезвычайно. Обнял, расцеловал. Воодушевленный, я вернулся в карьер. У нас был маленький экскаватор «Комсомолец», мы называли его «малыш». Я решил, что он пророем траншеи, мы наполним их водой, и вода равномерно пропитает большой лессовый массив. Поняв, в чем дело, люди загорелись. Так мы вылезли из грязи и погасили огромное облако пыли, душившее нас.

Приехал Юлдаш Ахунбаев и первым делом спросил: «Куда вы дели пыль?» Искренне за нас порадовался. Выяснилось, что замочку грунта в карьере лучше всего вести три месяца. За это время растворялись все находящиеся в грунте соли, и суглинок становился вязким, удобоукладываемым. До получения оптимальной плотности 1,75 было достаточно шести проходов катка по одному месту. Все пошло по-другому, в ходу стали слова: «Культурно работаем!» Влажный грунт значительно легче было разрабатывать и укладывать. Теперь на каждую делянку в сутки можно было вывозить неограниченное количество грунта. До семи слоев вместо одного. Усман Юсупов через много лет сказал: «Сейчас естественно доводить грунт до оптимальной влажности в карьере. А до войны этим занимались на плотине. Вай-дод, что было! Считаю изменение способа укладки грунта в плотину основным техническим достижением довоенного периода строительства Каттакурганского водохранилища».

Теперь технология разработки карьера была такая. После снятия растительного слоя рыли арыки глубиной полметра, многократно заполняли их водой, пока не промачивался слой глубиной 6 – 8 метров. После окончания замочки карьер месяц отдыхал, влага в грунте перераспределялась, избыток ее уходил, и грунт приобретал полную спелость. Такой грунт укладывался в тело плотины с очень небольшими усилиями. Мы не жалели времени на подготовку грунта, и это окупалось сторицей.

Итак, мы пришли к простому выводу – увлажнять суглинок следует в карьере. И очень удивлялись, почему до нас этого решения не нашли. Зато тем, кто шел после нас, было много легче. Да, великое это благо – опыт поколений. Люди работали замечательно, старались себя превзойти. Энтузиазм строителей заслуживал самой высокой оценки. Это нас сближало, мы уважали и ценили друг друга. Часто я становился свидетелем того, как товарищи сами, без напоминания сверху, старались подставить плечо под тяжелую часть ноши. На стройке царил атмосфера истинного товарищества.

Ежедневно в шесть вечера проводилась планерка. Опоздавших, как правило, не было. Выступающему отводилось три минуты, на подачу предложения – две минуты. Более чем на 45 минут планерка не затягивалась. Позже я часто бывал на министерских коллегиях и удивлялся их многословию, обилию общих фраз. У нас говорильня была изжита как-то сразу. И правильно: болтовня и деловитость – два противоположных стиля в работе. Это говорит об уровне руководства. Основное содержание каждого выступления – как быстрее и лучше выполнить ту или иную работу. Новаторство приветствовалось. Пусть иной раз оно не давало эффекта – не беда. В подавляющем большинстве новинки себя оправдывали. Главное же, складывалась и утверждалась обстановка творческого поиска.

Удивительные люди работали рядом со мной. Мне очень нравился Семен Константинович Калижнюк. Он хотя и был заместителем начальника управления, но первое слово при принятии ответственных решений обыкновенно принадлежало ему. В то время у него еще не было диплома инженера. Это был самородок, человек особого склада. Природа щедро наделила его хватким, пытливым умом, недюжинными организаторскими способностями. И он быстро вырос в авторитетного руководителя. Работы велись круглые сутки, в три смены, и ночью он был таким же частым гостем на плотине, как и днем. Все облазит, проверит. Отыщет слабинку, – берегись! Ругался он тоже мастерски. Попасть под его разнос было то же самое, что попасть под каток. Но, обрушивая на провинившегося чудовищный разнос, он давал возможность выправить положение. Потом он уже никогда не напоминал про допущенную оплошность. Зла он не помнил, и за это его любили. Перефразируя Лермонтова, можно сказать, что Калижнюк был слуга отечеству, отец строителям. Он прекрасно ладил с шоферской вольницей. Помитингует с шоферами, заденет за живое, и они выходят на работу в четыре утра. В каждом его приказе угадывался стратег. Недаром впоследствии он руководил крупнейшими гидротехническими стройками страны.

Строительство башенного водовыпуска возглавлял Тимофей Федорович Роголь. Рука у него была твердая. Он добивался одного – высокой плотности укладываемой бетонной смеси. Плотность автоматически влекла за собой и другие важные показатели – водонепроницаемость, морозостойкость, прочность. Требуя, он становился непреклонен и в этот момент был прекрасен. Помощником у него был Закир Ашурматов, очень способный инженер. Под его руководством происходил эксперимент по гидравлическому намыву грунта в тело плотины. В металлический лоток, поставленный с большим уклоном, колхозники сыпали грунт, расход воды был сто литров в секунду. Но это себя не оправдало. Вода застаивалась в чеках, грунт, осаждаясь, не набирал заданной плотности и из-за высокой влажности не поддавался укатке. Считаю, что нас подвело примитивное оборудование. Впоследствии с помощью мощных земснарядов намывались высокие плотины из суглинка и песка, и результаты были отличные.

Одним из участков на плотине руководила Тамара Павловна Григоржевская. Ничем не показывала, что ей трудно, скидок не просила и снисхождения не терпела. Прораб Ефим Хоцаревич появлялся на плотине в числе первых, мы прозвали его петухом. Впоследствии он погиб в автомобильной катастрофе. Это была большая потеря. Его добросовестность всех нас заставляла быть строже к себе. Автотранспортом руководил Иван Александрович Станевский. Всегда по-военному подтянут, корректен. Исключительно справедлив. Водители и побаивались его, и любили. Машины он жалел больше, чем собственное сердце. Начальником снабжения работал честнейший человек Абрам Исаакович Виленов. Выдержанный, голоса ни на кого не повысит. Каждая доска у него была учтена. Если у подчиненных что-нибудь прилипало к рукам, места себе не находил. В этих случаях виноватым считал себя, – не доглядел.

Лучшие бригады получали подарки. Не велик был подарок, но ценно внимание. Каждому члену победившей бригады вручался пакет, а в нем – две пачки чаю, полкило сахару, полкило печенья, два куска мыла. Вручая подарки, представитель администрации говорил: «Спасибо вам, вы прекрасно поработали!» Для себя люди в то время ничего не просили, и это внимание их трогало до глубины души. Мне запомнился такой эпизод. Шоферу-рекордсмену – фамилию его я, к сожалению, не запомнил, жена выносила обед прямо на дорогу. Расстилала на обочине дастархан, он выходил из кабины и принимался за еду, а она занимала его место и, пока он обедал, делала две-три ходки. Сдала экзамены на водительские права, все было честь по чести. Машина не стояла ни минуты.

В новогоднюю ночь 1941 года началось наполнение водохранилища. Первая попытка была неудачной, – прорвало подводящий канал. Этого следовало ожидать, канал был единственным слабым звеном. Мы ликвидировали аварию, и заполнение чаши продолжилось. Тысячи людей из Самаркандской и Бухарской областей приехали посмотреть, как наполняется рукотворное море. Я видел слезы на лицах аксакалов. Такое не забудешь. До начала отечественной войны на водохранилище были построены подводящий канал с концевым сооружением, плотина на сто миллионов кубометров воды, башенный водовыпуск, отводящий канал. Весной 1941 года эксплуатационники приступили к исполнению своих обязанностей. Работы первой очереди были в основном завершены. Работы второй очереди с доведением емкости водохранилища до 350 миллионов кубометров планировалось завершить к маю 1942 года, работы третьей очереди, с доведением емкости до 660 миллионов кубометров – к маю 1943 года.

Война вынудила перенести эти планы на будущее. После победы Советского Союза над гитлеровской Германией работы по достройке водохранилища были возобновлены.

В годы войны

Заслуженный ирригатор Узбекистана Фахритдин Наджимов не высок, юношески подтянут, остролиц. Его лицо и фигура не несут на себе печати возраста. И только совершенно седые волосы говорят о том, что за плечами у него ой как немало лет, и прожиты они честно и с большой пользой. В годы войны он был начальником Зарафшанского управления оросительных систем, а сейчас преподает в ирригационном институте. Это специалист широкого профиля, он хорошо знает не только мелиорацию и гидротехническое строительство, но и хлопководство. В должности управляющего трестом «Узбекгидрострой» Наджимов руководил работами по реконструкции подводящего канала Каттакурганского водохранилища (1951 – 1955 годы). Целью этих мероприятий было увеличение пропускной способности канала до ста кубических метров воды в секунду и облицовка его русла бетоном для сокращения фильтрационных потерь.

Рассказывает Ф. Н. Наджимов:

- В конце тридцатых годов я принимал участие в ревизии проекта Каттакурганского водохранилища. Над проектом работали компетентные специалисты. Меня увлекла новизна принятых решений, особенно лессовая, очень высокая по тому времени плотина. Консультантов для этой плотины не нашли ни в Москве, ни за границей. Мне запомнился энтузиазм, с которым работали проектировщики. Вторгаясь в неведомое, они радовались, как только могут радоваться первооткрыватели. Смелость и дерзость счастливо уживались в них с осмотрительностью, трезвым расчетом. Ответственность была очень велика. Не семь – семьдесят семь раз все отмерялось, прежде чем становилось техническим решением. Главный

инженер института Лебедев обладал способностью спланировать людей. Но тут вдохновляла и спланировала сама идея, сами масштабы готовившегося вторжения в мастерскую природы.

Летом 1942 года по Заравшану прошел катастрофический паводок, и пострадали многие сооружения, даже Первомайская плотина. В этих условиях новое водохранилище не раскрыло своих возможностей. А в последующие военные годы оно не раз выручало колхозников Самаркандской и особенно Бухарской областей. Это видно по следующим данным. Если в 1941 году, тоже многоводном, из чаши было взято 60 миллионов кубометров, а в 1942 – 133 миллиона, то в 1943 году – 178 миллионов кубометров.

Впервые я увидел заполненную чашу водохранилища осенью 1942 года. Состояние плотины было хорошим, только крепление напорного откоса бутовым камнем кое-где подверглось разрушению. Эксплуатация первой очереди водохранилища подтвердила правильность принятых решений. Службой эксплуатации в те годы руководил Закир Ашурматов, один из первых инженеров-узбеков. Вдумчивый гидротехник, он прекрасно поставил натурные наблюдения за сооружениями гидроузла: тщательно измерял фильтрацию через тело плотины, осадку. Проектировщики получали все интересовавшие их данные о поведении плотины. Это был отличный исходный материал для строек будущего. В годы, когда сток Заравшана превышал среднемноголетний, Закир часто звонил мне, спрашивал: «Ну, почему вы не берете нашу воду? Возьмите, пожалуйста!» Его «пожалуйста» своими интонациями запомнилось мне на всю жизнь.

После окончания войны возобновились работы по строительству второй очереди водохранилища, а когда емкость чаши достигла запланированной, встал вопрос об увеличении пропускной способности подводящего канала. Этот канал пересекал массу водотоков, саев, а в весенние грозы селевые потоки достигали внушительной силы. Это тоже прибавляло забот. Не один раз вода находила лазейку и вырывалась на простор. Канал пустел, заливались поля, погибал хлопчатник, колхозы несли убытки.

От этого следовало надежно защититься. Но бетонирование русла большого канала – дорогостоящее мероприятие. Средства нашли, хотя и не сразу. Реконструкцию подводящего канала возглавил Петр Степанович Василенко. При бетонной облицовке канала широко применялись механизмы. Время уже было другое, страна стала богаче. Но мы не раз обращались за помощью к колхозникам, к народу. Так что и эти работы можно рассматривать, как продолжение народной стройки. Дело в том, что подводящий каналы был действующей артерией, и для работ на нем открывалось не так уж много окон. И когда приближалось очередное окно, а расчеты показывали, что наличных сил маловато, мы опять приглашали колхозников.

Вместе с подводящим каналом был реконструирован водовыпуск. Он представлял собой трехчковую железобетонную трубу, каждая нить которой могла пропустить 40 кубометров воды в секунду. Тридцатиметровый напор рождал высокие скорости, возникала кавитация, бетон не выдерживал и разрушался. Тогда внутри бетонных труб мы положили трубы стальные. Причем, бетон не был облицован сталью в прямом смысле. Между бетоном и стальной трубой оставалось пространство.

Эпопея строительства водохранилища запомнилась мне массовым патриотизмом. Вспомним гражданскую войну. У красноармейца винтовка и шинель, ему и голодно, и холодно, и вши одолевают. А он за советскую власть идет в огонь и воду. И побеждает, сильный духом и революционной своей идеей. Что-то похожее было и тут. Вооруженные кетменями, колхозники работали самозабвенно, а в обед довольствовались миской шурпы и лепешкой. Спали на кошме, на соломе, укрывшись полами халата, но верили в насущность того, что делали. На своем горьком опыте они знали, то такое маловодье. Уважаемые люди сказали им: «Построим водный амбар, – покончим с маловодьем, заживем богаче». И они откликнулись, как один, и работали с воодушевлением, поражавшим мир. Тут, пожалуй, уместно сравнение с энергетикой. Водоохранилище покрывает пиковые нагрузки, как и резервные мощности в энергосистеме. Открыл затворы, вода пошла, и ею управляешь, и маловодье уже не властно над тобой.

Преодоление разлуки

В августе 1946 года была построена первая очередь узбекского металлургического завода, – дал продукцию только что смонтированный прокатный стан. На глазах тысяч людей вышедшая из нагревательной печи розовая заготовка прошла через быстро вращающиеся валки и стала арматурной проволокой. Состоялся грандиозный митинг. Разделить с жителями Бекабада их праздник приехали лучшие артисты Ташкента. В адрес начальника строительства Айтметова поступило более двухсот поздравительных телеграмм. Одна из них была подписана Сталиным.

Едва закончились пусковые торжества, Айтметова вызвали в Ташкент. В кабинете Юсупова он первым делом обратил внимание на огромную карту Каттакурганского водохранилища, которая лежала на его столе. В кабинете сидели известные гидротехники Виктор Васильевич Поплавский и Иосиф Дмитриевич Лебедев. «Шамет! – сказал Юсупов без предисловия. – Раз ты не захотел стать директором первого нашего металлургического завода, поедешь строить это водохранилище. Подойди-ка к столу!»

Айтметов, смотря на план водохранилища, подумал, что оно похоже на лист клена. Только цвет у листа не зеленый, а синий. Все четверо склонились над картой.

- Надо хорошо подготовиться к массовому выходу колхозников в будущем году, - сказал Юсупов. – Уложите в плотину 1,2 миллиона кубометров грунта, – будет то, что надо. Но по карте не определить первоочередные нужды стройки. Шамет, поезжай на место, осмотришь, а потом выскажешь нам свое мнение.

Айтметов поблагодарил за доверие, сел на поезд и отбыл в Каттакурган.

Рассказывает Ш. Ч. Айтметов:

- В Каттакургане никто меня не встречал. Я вышел на вокзальную площадь, нанял извозчика. Едем. Скрипят колеса, дорога пахнет пылью и навозом. И вот я на новом, как принято у строителей говорить, объекте. Солнечно, ветрено и удивительно тихо. Одинокий сторож, несколько человек эксплуатационного персонала, с десятков ремонтных рабочих. И все. Я знал, что еду на законсервированный объект, что война подчистую вымела отсюда всю технику, все оставшиеся материалы. Но картина запустения, которую я застал, превзошла мои ожидания. Я вспомнил Бекабад, где руководил многотысячным коллективом. Там все кипело. И вдруг - полнейшая заброшенность. Это надо было увидеть, пережить. Я стоял, страшно удрученный. Плотина была поднята на десять метров и могла удержать сто миллионов кубометров воды, но сейчас в чаше воды было меньше. Подводящий и отводящий каналы кое-где оплыли и нуждались в ремонте. Всюду, куда я обращал взор, царили запустение и разруха. Даже вода, отливавшая сталью, казалась застоявшейся и несвежей. Перед плотиной стояла бывшая контора строительства – полуразрушенный маленький домик. Все деревянное из него унесли на дрова. Штукатурка облупилась, на стенах подтеки – крыша прохудилась. Дизельная электростанция раскулачена. Столовая в таком же состоянии, как и контора. Я подумал, что снова вдохнуть жизнь в эту стройку будет очень не легко.

Прежде строители каждой из областей жили в отдельных городках, слева и справа от плотины. Бухарский городок был совсем не пригоден для жилья, крыши землянок обрушились. А городок самаркандских строителей сохранился отлично. Здесь можно было быстро и с немалыми по тем временам удобствами разместить технический персонал, контингент рабочих. Этот городок мог сослужить службу плацдарма. Вплотную к плотине подступал тракторный парк. Там остался только полуразрушенный навес. Двор не был заасфальтирован, под навесом стояли ржавые остовы тракторов разных марок. В мастерских чудом уцелели станки сверлильный, токарный и фрезерный. В кузнечном цехе полуразвалившийся горн был одет в паутину. На складе запасных частей – шаром покати. Такая же картина на автобазе. Но технику сюда уже свозили, нашу и трофейную, и американскую, поставленную по ленд-лизу. Отдельно стояли танки Т-34 со снятым вооружением. Их направил нам Туркестанский военный округ. У кого-то возникла идея использовать списанные танки при производстве земляных работ.

От станции к створу плотины вело одно земляное полотно, рельсы со шпалами были отсюда вывезены. А скоро должны были начать поступать грузы, в частности, бутовый камень для крепления напорного откоса плотины. Значит, и ветка к плотине была первоочередным объектом восстановления. От маслоэкстракционного завода на створ до войны шла линия электропередачи. От нее не осталось ни столбов, ни проводов. Карьеры справа и слева от плотины заросли бурьяном. Для замочки в них суглинка их надо было очистить от растительности, выкопать сотни колодцев. Это тоже была первоочередная задача. Насосное хозяйство для подачи воды в карьеры также находилось в плачевном состоянии. Не убергли от раскулачивания и транспортеры. Резиновая лента, как я догадался, пошла на подметки. Все эти механизмы предстояло доукомплектовать и пустить. Отсутствовал и принадлежавший управлению строительства подвижной железнодорожный состав. Пока мы могли воспользоваться только несколькими двухосными платформами и одним паровозом серии ОВ, в народе называемым «овечкой».

Как много здесь надо было создавать заново. Не было на площадке и телефонной связи. На плотине было много бахромы, надо было снимать верхний растительный слой, заново крепить напорный откос. Чем ближе я знакомился со своим новым хозяйством, тем тяжелее становилось на душе. Впечатление было такое, что и тут прошла война. Да, эта война была для страны тяжелейшим испытанием, тыл отдал фронту все. Увиденное потрясло меня. Начинать предстояло с нуля, другого выхода не было. То, что имелось из техники, восстановлению почти не подлежало и не могло приниматься в расчет. Кроме того, следовало быстрее позаботиться о приеме на работу специалистов, водителей, слесарей – постоянно персонала стройки.

«Откажусь!» – думал я по дороге в Ташкент. Я серьезно собирался доложить, что при таком состоянии дел невозможно выполнить решение правительства, которое предусматривало за два сезона накопить в чаше водохранилища полмиллиарда кубометров воды. В расстроенных чувствах вошел я в кабинет первого секретаря ЦК, был краток. Машин нет, кадров нет, ничего нет, работать нечем и не с кем. И тут Юсупов преподал мне хороший урок принципиальности. Он выслушал мое пессимистическое сообщение и сказал, – в словах его были и ирония, и участие:

- Испугался? Ты боишься, – признайся честно! Ты говоришь не о том, о чем следует здесь говорить. Ты говори, что тебе надо, чтобы развернуться. Проси помощи, поддержки! Мы тебе поможем.

- Усман Юсупович, к вам один вопрос. Вы давно были на месте? Поезжайте, убедитесь в правильности моей информации. А после этого помогите мне!

- Нет, ты честно скажи – боишься?

Я сказал, что самому мне просить неудобно, слишком велик список самого необходимого и мои требования могут показаться завышенными. Предложил послать на место начальника строительства Фархадской ГЭС Акопа Абрамовича Саркисова. То, что Саркисов попросит для стройки, и следует выделить, ибо он попросит ровно столько, сколько надо. Я работал с ним рука об руку в Бекабаде и знал, что на его мнение можно положиться. Сколько раз мы выручали друг друга! Было решено, что Саркисов поедет со мной и внесет свои предложения.

- Без воды нам не поднять сельское хозяйство, - вскоре напутствовал нас Юсупов. – Заравшанский оазис благоприятен для хлопководства. Почему в Ферганской долине урожаи выше? Потому что там достаточно воды. Дайте и заравшанским хозяйствам воду по потребности! Шамет, учти: то, что мы поручаем тебе, для республики так же важно, как и твой металлургический завод в Бекабаде. Даже более важно. Узбекистан, в общесоюзном разделении труда, отвечает в первую очередь за хлопок. Металл стране дадут и другие области. Хлопка, кроме нас, не даст никто.

С этим напутствием мы уехали. Саркисов, как и я, обошел все объекты водохранилища. Для этого ему понадобился всего один день. Но в мои нужды вник, словно это были его нужды. Пришли домой, и он сказал: «Да, тут вариант может быть только один – начинать сначала! Не тужи, Шамет! И тут ты развернешься, как в Бекабаде. Давай сюда свои предложения, я их подпишу. А теперь организуй, пожалуйста, рыбалочку. Я отдохну у тебя пару деньков. Пять лет, понимаешь, не отдыхал!»

Рыбалкой он остался доволен, пойманным сазанам радовался, как мальчик. Уху варил сам, пропах дымом, рыбой и луком. Когда вернулись в Ташкент, я сказал ему: «Акоп, докладывать будешь ты, а я буду помалкивать. Ты человек объективный, а меня Юсупов опять назовет трусом». Саркисов доложил все обстоятельно, с присущей ему деловитостью. Все свои предложения он аргументировал цифрами. Он просил много. Но он не попросил ничего лишнего. И он просил для меня ровно столько, сколько понадобилось бы ему самому, если бы не меня, а его назначили начальником этой стройки.

- Вы правы, - сказал Юсупов, не возразив ни одному доводу - Айтметов, твои потребности будут удовлетворены. Финансирование строительства возложим на министерство водного хозяйства республики. Получите также 50 грузовиков, горючее, запасные части. Водителей принимайте по двое на машину. Надо, чтобы к началу основных работ у вас было не меньше двухсот машин. Области тоже пусть вам помогут. Из Ташкента направим к вам слесарей, механиков. Пусть починят все, что можно, приведут в порядок мастерские. Дадим вам второй паровоз, думпкары. Но, Шамет, имей в виду: миллион двести тысяч кубометров грунта надо уложить в тело плотины в следующем году. Это программа-минимум, о ее невыполнении не может быть и речи. Информировать нас оперативно о своих трудностях, – всегда поможем!

Вскоре было принято соответствующее решение правительства. Мы получили все, что просили, и стройка стала быстро оживать. В наш адрес стали прибывать тракторы и лес, цемент и стальной прокат. Над кузницей за клубился дымок. В мастерских стали хозяйничать слесари. Трактористы и водители вскоре навели порядок в тракторном и автомобильном парках. В конторе управления зазвонил телефон. К шелканью счет присоединилась его веселая трель, возвещающая о приобщении к цивилизации. Работать уже было можно. И было можно выполнять план. Началась замочка суглинка в карьерах, на плотину выползли тракторы. Там, где еще вчера царило запустение, затеплилась жизнь, и пульс ее становился все более полным.

Администрация разработала широкую программу подготовительных работ. Приказ, где все они подробно излагались, занял более десяти страниц машинописи. Возобновлялся выпуск многотиражной газеты «Катта-кургон ховузи» («Каттакурганское водохранилище»). Заработали столовая, пекарня. Налаживалось и рабочее снабжение. Управление создало свое крупное подсобное хозяйство.

В марте 1947 года стройку посетил Юсупов. Его сопровождали министры, многие видные гидростроители, заведующий отделом ирригации ЦК Федор Трофимов. А в моем кабинете – трехногий стол, облупившиеся стены, потолок, с которого капает (шел дождь) и ни одного стула. Срочно внесли скамейки. И Юсупов провел первое послевоенное заседание штаба стройки. Первое не вообще, а с его участием. Юсупова это убожество покорило.

- Из этого сарая контору управления убрать в подходящее помещение, - распорядился он. – Срок исполнения – сутки!

После этого совещание вошло в нормальную колею. Министры получали конкретные задания. Юсупов просил особенно позаботиться о командированных специалистах, создать им нормальные бытовые условия, чтобы люди легче переносили оторванность от дома. К ночи обсудили все. Тогда я сказал, что у меня нет заместителя, нет начальника отдела кадров. Должности это ответственные, с улицы людей на них не пригласишь. Юсупов широко развел руками и сказал: «Вот твои кадры, Шамет! Бери, кого хочешь!»

Мне, значит, давалось право пригласить на эти должности любого из присутствовавших на совещании товарищей. Мне стало очень неудобно. Мало того, что все эти уважаемые люди руководили республикой, то есть их должности были выше моей – все они сейчас были моими гостями. Юсупов увидел

мое замешательство. Он повысил голос: «Я не шучу, мне нужно водохранилище!» Тогда я показал на Малика Набиева, он был заместителем председателя госплана республики. Юсупов спросил его:

- Как вы смотрите на то, чтобы остаться строить водохранилище? Сейчас это важнее, чем все остальное.

- Готов пойти туда, где я нужнее, - ответил Набиев.

- Шамет, заместитель у тебя есть, - сказал Юсупов. – Кого берешь начальником отдела кадров?

- Разрешите товарища Трофимова!

- Как ваше мнение, товарищ Трофимов?

- Как прикажете, Усман Юсупович!

- Решено, вы остаетесь здесь.

Сейчас я вижу, что это не лучший метод укомплектования кадрами большой стройки. Умелые, опытные работники перемещались с высших должностей на низшие, сужалась сфера приложения их сил. Но в тот момент я вздохнул с облегчением. У меня появились отличные помощники. Набиев оказался превосходным организатором. Никто не умел так обстоятельно, вникая во все детали, разговаривать с колхозниками, с районными уполномоченными, воодушевлять их. Он был на ногах день и ночь и делал очень много. Вероятно, ему было достаточно для сна пяти-шести часов.

Инженер-ирригатор Федор Трофимов прекрасно знал узбекский язык, склад ума имел критический, то есть к недостаткам был непримирим. Устраняя недостатки, он проявлял завидную энергию и принципиальность. Он постоянно находился в людской гуще, хотя, казалось бы, кадры – кабинетная работа.

В Самаркандской и Бухарской областях были созданы штабы по строительству водохранилища. Их возглавляли областные уполномоченные. Начальников штабов в брезентовых куртках и кирзовых сапогах часто можно было встретить на плотине, в землянках. Не хуже меня они торопили прорабов: «Быстрее! Быстрее!» Я хорошо понимал их особую заинтересованность в том, чтобы каждый автомобиль и трактор эксплуатировался с максимальной отдачей. Только техника могла вытеснить ручной труд. Ведь после войны трудоспособных мужчин было намного меньше, чем в 1940 году.

Юсупов приезжал на стройку не как гость. Он приезжал решать на месте неотложные вопросы, помогать, ускорять дело. Каждый его приезд заставлял нас подтягиваться. Одно это уже было неоценимой помощью. Правильно говорят: воодушеви исполнителя, и он способен на трудовой подвиг. Помню, на одном партийном собрании Юсупов привел слова Карла Маркса о том, что судьба урожая в Азии зависит от дурного или хорошего правителя в той же мере, в какой в Европе она зависит от дурной или хорошей погоды. Это значит, что мы должны как можно быстрее построить водохранилище, наполнить его, заставить работать на урожай. Ибо народ считает нас, коммунистов, хорошими правителями, и мы должны постоянно оправдывать доверие народа.

Он кратко, образно и эмоционально обрисовал значение водохранилища для земледельцев долины Заравшана. У него была яркая, но простая речь. Слова шли от сердца, доходили до каждого и рождали созвучный отклик. Выступая в тот майский вечер, он поставил задачу накопить в чаше к августу 200 миллионов кубометров воды и направить ее на поля в самое горячее и ответственное время. Тогда же он сказал, что долина Заравшана в состоянии получать такие же высокие урожаи хлопка, какие выращивают в богатой Фергане. Дело не в недостатке опыта или умения, а в нехватке воды. Посмотрите, воскликнул он, какие крепкие, здоровые дети рождаются в Фергане! Там много овощей и фруктов и люди получают достаточно витаминов. А посмотрите, какие дети рождаются в Кашкадарьинской области! Худые, анемичные. Там мало воды, мало садов и огородов. Юсупов, конечно, не собирался обижать кашкадарьинцев, он агитировал за крутой подъем сельского хозяйства, а путь к такому изобилию в условиях Узбекистана один – мелиорация земель, широкое водохозяйственное строительство. Все вопросы в его присутствии решались оперативно и надежно. Он был замечательным и дальновидным организатором, масштабным руководителем. Он умел выделить решающее звено в комплексе задач, стоящих перед республикой, и сосредоточить на этом решающем участке необходимые силы и средства.

Посередине четырехкилометровой плотины, на двадцатом пикете, рядом с башенным водовыпуском стояла деревянная будка, а в будке – стол, стулья, телефон. В этой будке, наверное, я провел половину своего рабочего времени. Из окон, выходящих на все четыре стороны света, отлично обозревались и самаркандский, и бухарский участки. Если я хотел разглядеть детали на расстоянии, к моим услугам был бинокль. Эту будку любил и Амин Эрматович Ниязов. Он проводил в ней целые дни, наблюдая, как стратег, за развернувшимся строительным сражением. Первокласный инженер, выпускник Промышленной академии, он был не только редким знатоком строительного дела, но и отличным рационализатором. При его участии управление разработало меры по моральному и материальному стимулированию передовиков труда. Мы использовали многие его предложения при оформлении досок почета, диаграмм, поясняющих ход соревнования между областями.

Я очень любил эту неказистую будку. Вокруг все кипело, сновали машины, грейдеры равняли грунт, тракторы укатывали его кулачковыми катками. Люди старались, и я радовался высокому ритму работ. В

воскресенье, когда все вдруг затихало, не мог найти себе места. Тишина выходного дня заставляла меня врасплох. Просыпаясь в тишине, я спрашивал себя, почему это на плотине так тихо? И через мгновение, все вспомнив, сам себе отвечал: да, сегодня же воскресенье! Ни одна машина не работала, молчали паровозные гудки. Я чувствовал себя как бы отстраненным от дел, и это было непривычное, почти болезненное состояние. Мне не хватало бешеного ритма стройки, водоворота дел, не хватало напряжения. Думал: когда выйду на пенсию, неужели вокруг меня будет такая тишина? Я с этим не соглашался. Маялся, страдал и с нетерпением ждал понедельника.

Крылья соревнования

Зимой и весной управление энергично готовилось к достройке плотины и других объектов водохранилища. По технологии, укладку суглинка следовало вести только в теплое время года, с середины мая до середины октября. Начинать раньше не позволяли два обстоятельства – сев хлопчатника и весенние довольно частые дожди, заставлявшие технику буксовать. Дожди нарушали оптимальную влажность укапываемого грунта. Переувлажненный грунт поддавался уплотнению очень плохо. К маю удалось восстановить и бухарский городок – отремонтировать землянки, пустить на полную мощность пекарню, открыть столовую, магазин. Были восстановлены железнодорожная ветка и автомобильные дороги от карьеров к плотине, линия электропередачи, смонтировано семь километров транспортеров. Ожили мастерские, в которых теперь было 50 металлорежущих станков. В хорошее помещение переехала контора управления. Итак, все было готово к встрече людей.

Приехали руководители областей, все проверили, во все вникли – и остались довольны. Каждый колхоз должен был направить на стройку 15 – 20 человек, снабдить их продуктами питания. Этим людям предстояло работать два месяца, то есть выполнить 50 норм. Затем их сменяли. Район, таким образом, выставлял около 300 человек, область – 3000. Кроме того, областные организации и предприятия направляли на стройку инженеров, водителей, слесарей, рабочих тех профессий, в которых мы нуждались.

Тут уместно подчеркнуть, что по сравнению с довоенным временем менялся сам характер работ. Теперь большую их часть предстояло выполнить механизированным способом. Если в марте 1940 года на объекты водохранилища сразу вышло сто тысяч человек, если тогда все или почти все делалось вручную и на ишаках и арбах вывозилось больше грунта, чем на автомобилях, то теперь планировалось одновременно привлекать на работу примерно пять тысяч колхозников – в двадцать раз меньше. Это говорило о растущих возможностях государства, о том, что в скором времени метод народной стройки исчерпает себя, ибо государство будет в полном объеме финансировать возведение всех крупных ирригационных объектов.

Вручную в 1947 году планировалось выполнить следующие работы: погрузку грунта на автомашины в карьерах и его разгрузку на плотине; крепление рваным камнем напорного откоса плотины; устройство дренажной призмы; погрузку рваного камня в карьерах на транспортные средства. Итак, несмотря на опустошительную войну, ручной труд в стране при производстве строительных работ энергично вытеснялся механизированным. В первую очередь это касалось земляных работ.

Когда тысячи колхозников прибыли на плотину, в полный рост встал вопрос, как сделать, чтобы эти люди работали с наибольшей отдачей. Как поощрять их за ударную работу. Стремление стать первым в работе, в любимом деле несет в себе элемент состязательности. Состязательность – естественное свойство человека. Состязательность, введенная в четкие организационные рамки, и есть социалистическое соревнование. Оно придает монотонной работе всю прелесть яркого состязания. Оно рождает энтузиазм, его девиз – творить, выдумывать, пробовать, обгонять время. Рождает соревнование и своих героев. Чествуя их, мы стремимся, чтобы их высоты стали доступны многим.

В предвоенные годы новым в соревновании было стахановское движение. Применив новаторские методы труда, забойщик донецкой шахты «Центральная-Ирмино» Алексей Григорьевич Стаханов 31 августа 1935 года за шестичасовую смену вырубил 102 тонны угля, превысив норму в 14 раз. Он взял от техники все. Так было положено начало массовому движению за овладение техникой, – его назвали стахановским. Оно буквально всколыхнуло страну. Кузнец горьковского автомобильного завода Бусыгин превзошел лучшие достижения американских кузнецов. Ивановские ткачихи Евдокия и Мария Виноградовы впервые в мировой практике перешли на обслуживание ста станков. Ибрагим Рахманов стал инициатором движения за стоцентнеровые урожаи хлопка-сырца. Стахановцы добивались невиданной производительности труда, и достижения лучших вскоре повторялись миллионами.

«Чего я стремился достичь в жизни? – писал Стаханов в своей автобиографии. – На первых порах – быть сытым. Далее – хорошо зарабатывать. Затем – достичь человеческого уважения. С развитием классового самосознания возникло желание доказать, что без меня не может обойтись шахта. А в конце концов выработалось понимание быть лучше и выше самого себя». Это уже целая жизненная программа. Желание быть лучше и выше самого себя не позволяет в какой-то момент остановиться и сказать, что всего достиг. А дальше тогда что? Непрерывное самосовершенствование – вот стержень жизненной программы Стаханова. Сегодня так думают многие. Кого сегодня устроит высокий заработок без уважения товарищей,

без авторитета в коллективе? Стаханов был популярным человеком в Каттакургане. Человеком, которому стремились подражать тысячи.

Организуя соревнование, первым делом следовало обобщить опыт предшественников – участников строительства водохранилища 1940 – 41 годов. Уже март 1940 года дал стройке первых ударников. Первый рекорд принадлежал Ирисмету Маханову из Зааминского района. На проходке подводящего канала он выполнил восемь норм. Его примеру последовал односельчанин Ишан Шарипов. Вдвоем за полтора дня они выполнили половину месячного задания. Молодые, энергичные, они брали силой, задором, неутомимостью и, конечно, умением. Рекорд Маханова вскоре побил Алтынбай Утяганов из Митанского района. Он превзошел дневное задание в 11 раз. А еще через несколько дней пожилой колхозник Исмаил Милибаев из Ургутского района выполнил за день 15 норм. Затем колхозник Ядгар Ямимов из Ромитанского района побил все предыдущие рекорды. Он работал не просто красиво и вдохновенно, он работал талантливо.

Мы хотели использовать этот опыт. Мы хотели, чтобы в соревновании участвовали все – рабочие, водители, трактористы, ремонтники, инженеры. Мы хотели массовости и ежедневного подведения хотя бы такого показателя, как количество уложенного грунта. Мы хотели поощрять победителей тут же и по возможности торжественно. Четырехкилометровая плотина была поделена пополам. Двадцать пикетов отсыпали самаркандцы, и столько же – бухарцы. Области соревновались за переходящее красное знамя. На самаркандском и бухарском участках были установлены флагштоки двадцатиметровой высоты. Та из областей, которая за истекший день добивалась лучших показателей, поднимала на своем флагштоке береговое красное знамя. Реюшее высоко над плотиной, оно было видно каждому. Результаты работы за минувший день несколько раз транслировались по радиосети. Назывались лучшие звенья на погрузке и разгрузке грунта, на креплении напорного откоса плотины, лучшие водители, механизаторы. Вечером для лучших производственников передавались граммофонные записи – песни в исполнении известных артистов.

Замечательное достижение на погрузке грунта в карьере установило звено 63-летнего колхозника из Гиждуванского района Мавляна Гафурова. Вся стройка звала его Мавлян-богатырь. Хотя, худощавый и невысокий, он был вовсе не богатырского телосложения. То есть, богатырем звали Мавляна не за силу, а за удаль и смекалку в работе. Сохранились его воспоминания:

«Я прекрасно помню, как нам жилось до Октября. За воду боролись, воду старались вырвать друг у друга, и тогда узбек поднимал руку на узбека. Водой торговали, на воде наживались. Вода, как средство производства, служила в первую очередь богатым людям. В самых нижних районах, Агатском и Каракульском, воды не хватало даже людям для питья. Бывали годы, когда главное водохранилище Бухары Ляби-хауз наполнялось только два-три раза. И жители Бухары пили эту застоявшуюся, гнилую воду.

Семья отца состояла из десяти душ. Сыновей было шестеро, землю арендовали у бая. Работали всей семьей круглый год, но того, что получали, не хватало до нового урожая. Когда продукты кончались, отец шел на поклон к баю. И тот, ссужая в долг мешок пшеницы, просил возвратить два с зерном нового урожая. День, когда отец готовил плов, запоминался, как большой праздник. И большой праздник был, когда мы сбрасывали старую одежду и надевали новую. То, как мы живем сегодня, не идет ни в какое сравнение с прошлым. Советская власть дала нам землю и воду, прислала учителей и врачей. Водоохранилище, которое мы строим, нужно советской власти. Значит, оно нужно всем нам».

27 августа 1947 года звено Мавляна из семи человек загрузило грунтом 257 трехтонных автомашин, перевыполнив норму выработки в десять раз. Столько делал экскаватор. Мавляна Гафурова чествовала вся стройка. В самом деле, кем был бы Алексей Стаханов без многомиллионного стахановского движения? Администрация премировала всех членов звена тысячью рублями и талонами на промышленные товары. Ведь тогда и ситец, и кирзовые сапоги были дефицитом. После митинга в честь рекордсменов был дан большой концерт силами артистов Гиждуванского театра.

Но как удалось Мавляну установить свой рекорд? Он применил новый тип забоя. Сначала в карьере выкапывалась траншея по ширине грузовика. Глубина ее равнялась глубине увлажненного слоя. Когда в такую траншею задним ходом въезжал грузовик, в него сверху насыпать грунт было очень удобно. Ведь три четверти разрабатываемого грунта было выше уровня кузова. Был использован и кетмень особой формы – погрузочный. Вскоре Гафуров перешел на инструкторскую работу, стал, как сейчас принято говорить, наставником молодежи. Его опыт сослужил добрую службу. Экскаваторов на стройке было еще мало, а выемка грунта и его погрузка вручную – операция трудоемкая. Если экскаватор загружал грузовик полминуты, то звено грузчиков, по нормам – десять минут. И водители с явной неохотой направляли свои машины в ручные забой. А в забоях Гафурова машины стояли под погрузкой совсем недолго. Когда рекорд Гафурова был перекрыт звеном из Ургутского района, и перекрыт намного – ургутцы загрузили за день 403 грузовика, Мавлян снова собрал свое звено и добился того, что оно загрузило 444 машины. И первенство осталось за народным умельцем из Гиждувана.

Звеньевой, люди которого намного перекрывали норму, носил на руке красную повязку. И всем было видно: это уважаемый человек, стройка им гордится. Как и до войны, лучшим звеньям вручались подарки – чай, сахар, мыло. Ежедневно начальник стройки или лицо, его представляющее, вручало 50 – 60 таких

подарков. Лучших работников поощряли также районные уполномоченные. Действовало правило: на стройке все должны были быть вовлечены в соревнование. На стройке не должно быть передовика труда, обойденного вниманием, премией. Каждому колхознику управление выдавало справку о проделанной работе. Она одновременно являлась и характеристикой. Если колхозник работал хорошо, администрация сообщала об этом правлению колхоза. Председатель райисполкома посылал этому человеку приветственную телеграмму. То есть, формы поощрения передовиков труда были гибкими, многообразными и потому очень действенными.

После войны более трех четвертей грунта на плотину доставлялось автотранспортом. Автомобилей не хватало. Естественно, было важно использовать грузовики как можно лучше. Машины в автопарке были самые разные: ЗИС-5, японские «Нисан», американские «Студебеккеры». Иностранные автомобили оказались малопригодны для условий Средней Азии, и их пришлось вскоре снять с эксплуатации. А грузовики отечественного производства показали свою эффективность. На крутых подъемах двигатель работал на пределе, и при полной загрузке часто скручивались полуоси, выкрашивались шестерни редукторов. Тогда нагрузку уменьшили на 15 процентов. Этого оказалось достаточно для резкого сокращения аварий. Автопарк стройки был сосредоточен в одной мощной хозрасчетной автобазе. Все нужное для автомобилей было сосредоточено в одном месте. Ремонтная служба располагала добротными станками. Выполнив дневное задание, водитель имел право прикрепить к радиатору своей машины красный флажок. На машинах многих водителей красовалось по два вымпела. Такие же вымпелы вручались за хорошую работу бульдозеристам (колхозники называли бульдозеры «палван»-машиной).

Если водитель выполнял месячное задание, на дверце его машины рисовали звезду. На многих автомобилях было по 5 – 10 звезд. Норма была 19 рейсов в день. Ее выполняли почти все водители. Эта норма учитывала средние и ниже средних условия работы. Расчет времени был таков: ручная погрузка – 8 минут, разгрузка – 3 минуты, путь к плотине и обратно – 10 минут. Но скоростные приемы позволяли загружать машину за три минуты, разгружать – за полторы. На дорогах, ведущих к плотине, ввели одностороннее движение, что повысило скорость машин до 40 – 50 километров в час. Средний пробег в один конец, – а это два километра – занимал при этом три минуты. А при полуторакилометровом плече – две минуты. Все это позволяло совершать одну ходку за 10 – 12 минут.

Колхозники стремились быстрее вернуться к своим семьям и работали от зари и до зари. И просили, чтобы водители тоже работали весь световой день. Нередко можно было наблюдать такую картину: звено грузчиков готовило плов и приглашало бригаду водителей, которую обслуживало. Просьба к водителям была одна: выходите пораньше, уважаемые! Водители шли навстречу таким пожеланиям. Если бы при производстве земляных работ стройка довольствовалась только техническими нормами, ей бы потребовалось в два раза больше машин. Столько машин выделить стройке республика просто не могла.

Новые, реальные нормы были в два раза выше технических. Сорок рейсов в день! Такую задачу администрация ставила перед каждым водителем. Но она требовала очень интенсивной работы водителя, четкой согласованности действий всех, кто обслуживал машины. Выполнение такой нормы стимулировалось очень хорошо. Управление строительства приобрело баранов, коров. Специально нанятый пастух пас это стадо неподалеку от плотины. У всех на виду. Водителям объявили, что тот, кто выполнит за месяц 800 ходок, получит в премию барана, 1200 ходок – корову. Водители стали выезжать из гаража в четыре утра. А светало только в начале шестого. В конце дня водитель сдавал диспетчеру путевой лист и талоны по числу ходок. Диспетчер записывал в путевой лист количество ходок. Если ходок было 40 или больше, он тут же вручал водителю большой арбуз или ароматную ананасную дыню. И от имени начальника строительства благодарил водителя.

А дома водителя ждали дети. Он говорил: «Знаете, что у меня в кузове? Полезайте, посмотрите!» Ребята находили в кузове арбуз или дыню и громко выражали свой восторг: «Мама, папа сделал сегодня сорок ходок, машина его не подвела!» Но бывало, что рейсов оказывалось меньше, дети не находили в кузове арбуза или дыню, к наличию которых успевали привыкнуть, и напускались на отца: «Ай-я-яй, папа! Ты что, сегодня шину проколол?» И водитель очень старался сделать сорок ходок, за которые ему полагалась премия. Был введен такой порядок: машины лучших водителей заправлялись и ремонтировались в первую очередь. Фамилии лучших водителей и механизаторов диктор радиоузла произносил особенно торжественно, и не один раз в день.

Премии, баранов и коров, вручали в особо торжественной обстановке, на сцене летнего театра, при большом стечении народа. Чтобы кабина хорошо проветривалась, водители часто вынимали обе дверцы и раздевались до трусов. Перейти дорогу, по которой машины шли к плотине сплошным потоком, было не легко. Можно было простоять десять минут и не дожидаться окна, таким интенсивным было движение.

Водитель Раим Халиков, живущий сейчас в Ташкенте, строил Каттакурганское водохранилище и до войны, и в послевоенный период. Когда я встретился с ним, он был свеж и бодр, и если бы не седина и морщины, его легко можно было принять за человека средних лет. Пенсионер, он только что вернулся из Ялты и искренне радовался родному городу и тем, кто ему был здесь дорог.

Рассказывает Р. Халиков:

- До войны я работал шофером на хлопкоочистительном заводе в Каттакургане. На строительство водохранилища меня мобилизовали вместе с грузовиком. Сначала я возил на стройку людей с вокзала. Народу приехало много. Даже из Чарджоу приезжали, хотя, казалось бы, какое дело этому туркменскому городу до Каттакурганского водохранилища? Казахи тоже приезжали на верблюдах. Они выделялись своими национальными костюмами. Начало было такое: машин мало, а людей много. Я, шофер, был на стройке главным человеком, мне и внимание, и почет, если я хорошо работаю.

На плотине грунт все время поливали, и он пружинил под колесами. Впечатление такое: едешь по мягкому и вот-вот провалишься. Загружали нас вручную, но быстро. Как только машина доезжала до отведенного ей участка, разгружать ее бросалась целая бригада. Помню, один молодой колхозник в спешке споткнулся о кетмень, упал и оказался чуть ли не под колесами. Я нажал на тормоз. Когда убедился, что он цел, отлегло от сердца. Но за мной уже стояла колонна машин. Колхозника хотели обвинить во вредительстве и арестовать, но я вступился, сказал, что в его оплошности нет злого умысла.

Когда началась война, в Каттакургане разместилось Гомельское пехотное училище. Два года я обслуживал это училище, затем был отправлен на фронт. Войну начал в Калужской области. На всю жизнь запомнил леса и дороги из лежневок, тряские невероятно. И бомбежки запомнил, и артиллерийские обстрелы. Но нам уже было куда легче, чем тем, кто встретил врага в 1941 году. После демобилизации и возобновления строительства я снова возил грунт на плотину. Техники заметно прибавилось, а людей убавилось. Однажды в сильный ливень моя машина перевернулась на косогоре. Лежит вверх колесами, колеса крутятся. Сбежали люди, облили меня водой. Я открыл глаза, ощупал себя: кажется, цел. Люди поставили машину на колеса, я переоделся в чистый комбинезон и поехал.

За ударный труд администрация стройки премировала меня часами, костюмом. После войны меня дважды премировал сам Айтметов. Как-то, когда было особенно трудно с продуктами, я пожаловался Шамету Чикаевичу. Через неделю он выписал мне мешок муки и сказал, чтобы я не беспокоился за семью. После войны со мной в кабине ездил сын. Я думал, что он станет шофером, а он пошел дальше, стал инженером. Помнит, как я привозил в кузове дыни и арбузы за выполнение дневной нормы, и что хлеб в кабине всегда пах бензином. А чем ему еще было пахнуть? Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что лучшей работы у меня не было. Горжусь своим участием в этой замечательной стройке.

Для транспортировки грунта в тело плотины использовался и железнодорожный транспорт – платформы, в том числе и саморазгружающиеся. Ветку восстановили к весне 1947 года. Уложили рельсы-коротышки длиной 3 – 6 метров, других не было. Шпалы тоже применили самодельные. Путь от карьера до плотины имел протяженность 1800 метров. Платформы разгружали вручную, и это была трудоемкая операция. В целом, железнодорожный транспорт оказался громоздким и неэффективным. При неразвитом автомобильном транспорте он еще имел право на жизнь, а конкуренции автомобиля не выдерживал. Автомобиль гораздо маневреннее, и привезенный им грунт был дешевле.

В начале 1947 года на стройку стали прибывать, в разобранном виде, экскаваторы из Германии. Это были репарационные поставки. Экскаваторы были электрические, одни с ковшом емкостью 2,5 кубометра, другие роторные. К месту сборки этих машин тяжелые детали волокли тракторами на стальных листах. Особенно тяжелые узлы везли сцепы из двух-трех тракторов. Монтировали их долго, не было опыта. К тому же часть деталей потерялась в пути. Два экскаватора впоследствии работали бесперебойно, два других, сильно изношенные, часто ломались и пользы не принесли. Все же с помощью экскаваторов было погружено более миллиона кубометров грунта.

Совместно с экскаваторами было решено использовать транспортеры. Но ширина их ленты была всего 500 миллиметров, и их приходилось загружать вручную. А электроэнергию отключали часто. По этим причинам большой пользы стройке транспортеры не принесли. То же можно сказать и о танках со снятыми башнями. На танки устанавливали двухкамерный стальной кузов, имеющий вид переметных сум. Землю в эти камеры загружали вручную, а разгрузка производилась без особых усилий. Стоило открыть дверцы камер, и грунт ссыпался сам. Танки перевезли всего десять тысяч кубометров грунта, и с экономической точки зрения их использование было невыгодно совершенно. Танкам требовался высокооктановый бензин, которым стройка не располагала. Кубометр грунта, перевозимый танками, обходился стройке в 15 раз дороже, чем при перевозке автотранспортом. К тому же, эти машины, уже отслужившие свое, были крайне изношены, а отремонтировать их было негде. И все 39 танков вскоре были отправлены в металллом, на переплавку. Но моральный эффект от использования танков был большой. Глядя на танки, занятые мирной работой, люди испытывали прилив сил. Вступал в действие психологический фактор. Эти стальные машины как бы подчеркивали то большое значение, которое страна придавала стройке.

Почти каждый вечер давали концерты коллективы артистов, художественной самодеятельности. Число зрителей часто достигало нескольких тысяч. Ташкент посылал в Каттакурган лучших своих артистов – Халиму Насырову, Муккарам Тургунбаеву. Приезд мастеров искусств всегда был большим праздником. Артисты шли в землянки, где жили лучшие бригады. Если выступление состоялось в летнем театре,

стахановцам, как почетным гостям, предоставляли первые ряды, поближе к сцене. Многие концерты целиком посвящались стахановцам. Людям оказывался заслуженный почет, и им было приятно.

От этих незабываемых дней страну отделяет уже тридцать лет. Мы стали богаче, и сейчас иное вознаграждение за труд. Иным стал и сам труд, намного выросла его эффективность. Ушло в прошлое время, когда государство предоставляло для ведения работ только проектную документацию, минимум техники и материалов, а рабочую силу за свой счет поставляли колхозы. Строительное производство развивалось по линии комплексной механизации работ, по линии специализации строительных и монтажных коллективов. Вручную землю на больших наших стройках давно уже не копают. Но связь времен, счастливая преемственность поколений сохранились, как и ответственность за порученное дело. Сегодня, к примеру, для строительства такого водохранилища потребовалось бы раз в десять меньше рабочих, 400 – 500 человек. Сегодня машины заслоняют людей. Люди в кабинах, машины на виду. Но если серьезно задуматься над этими вопросами, если сопоставить факты, не трудно прийти к выводу: энтузиазм тех суровых лет, тех народных строек живет и сейчас, но под ним уже совсем другой фундамент. Энтузиазм сегодняшнего строителя не лежит на поверхности, и потому увидеть его не просто. За эти годы он стал чертой характера советского человека. А то, что вошло в нашу плоть и кровь, стало нормой поведения, нормой жизни, что вовсе не обязательно выставлять напоказ.

На стройке два раза в неделю выходила многотиражная газета, в ее редакции работали три человека. С ее страниц не сходили критические статьи. Был у нас и свой мощный радиоузел, по которому утром, в обед и вечером передавались последние известия. Причем, равное время отводилось передачам о жизни страны и жизни стройки. Критика в адрес нерадивых и отстающих всегда приносила пользу. Она заставляла людей подтягиваться, строже к себе относиться.

На стройке было 15 первичных партийных организаций. Каждая из них выпускала свою стенную газету. На специальных витринах вывешивались фотографии передовиков. В стенных газетах шрифтом и цветом выделялись победители соревнования и отстающие. Людям было неприятно находиться в отстающих, и они делали все, чтобы исправить положение. В жилых городках были красные уголки, читальни, клубы. Администрация стремилась к тому, чтобы на стройке строго соблюдался сухой закон, чтобы спиртные напитки не расхолаживали людей. Принцип «пей да дело разумей» нам не подходил. Обилие спиртного на стройке – это обилие невыполненной работы, прогулы, хулиганство и драки. От пьяниц стройка избавлялась самым решительным образом.

Партийную организацию стройки возглавлял парторг Саттар Яхшиев. Простота и скромность в сочетании с глубоким, пронзительным умом и недюжинными организаторскими способностями делали его личностью заметной и обаятельной. В кабинете он не засиживался. Он любил быть в людской гуще, там, где выковывался успех. Очень серьезно относился к критическим замечаниям и предложениям коммунистов. Считал, что чем больше таких предложений, тем заметнее влияние партийной организации на трудовой коллектив. Он лично участвовал в разработке мероприятий по выполнению таких предложений.

Ш. Ч. Айтметов о Яхшиеве:

- Мне кажется, что он легко находил путь к сердцу каждого. Добрым ли словом, личным ли примером быстро располагал к себе людей, зажигал поставленной задачей. В спешке, от стремления везде поспеть самому, я часто допускал ошибки. Саттар терпеливо объяснял мне промахи. Критиковал он жестко, но одновременно и доброжелательно. Сначала я ершился, но он доказывал свою правоту, выдвигал убедительные аргументы. Тогда я поднимал вверх руки и говорил: «Сдаюсь!» Это был честный человек, с трезвыми взглядами на жизнь. Вожак масс. Работать с ним было легко. Поблажек он не давал, но позволял на себя опереться. Даже любил, когда на него опирались. Помогал во всем, не проводил границы между своими прямыми обязанностями и тем, что в них не входило. Много времени он уделял работе с отстающими участками. Вывести отстающих хотя бы в середняки – как от этого выиграет стройка! Он приглашал отстающие бригады к себе, говорил с каждым колхозником. Разговор начинал в традиционной восточной манере, неторопливо, но так умел повернуть его, что создавалось впечатление, что именно сейчас на нас смотрит вся страна, ждет от нас выполнения принятых обязательств. А обязательства – это как дом. Каждый должен положить в него свой кирпич, если этот дом возводится методом народной стройки. И беседы Яхшиева глубоко западали в сердца людей. Разве можно отставать, когда на тебя смотрит страна? Он умел дойти до каждого человека.

На плотину часто приезжали руководители Самаркандской и Бухарской областей Насыр Махмудов и Ариф Алимов. Их главная задача была поднимать дух людей, реагировать на нужды стройки. Вечерами они беседовали с колхозниками в землянках, иногда там и ночевали. Постоянным уполномоченным Бухарской области на стройке был заместитель председателя исполкома Али Мамедов. Ему было тридцать лет. Он отличался кипучей энергией. Дисциплина на его участке была исключительная, и не случайно, что среди бухарских колхозников было так много рекордсменов. Он считал, что дисциплина – залог всех успехов, и для ее поддержания на должной высоте порой прибегал к жестким мерам. Но и он предпочитал, чтобы люди сознательно поддерживали дисциплину, выполняли свои обязанности по велению сердца. Он отправил в

колхозы области сотни телеграмм. В каждой из них выражалась благодарность правлению колхоза за добросовестную работу такого-то члена сельскохозяйственной артели. Его помощником был Саид Шарипов, он выполнял роль инструктора. В кирзовых сапогах и брезентовой куртке, он знакомил вновь прибывших с передовыми приемами труда, позволившими их предшественникам добиться высокой выработки.

Стройка постоянно находилась в поле зрения руководителей Узбекистана. Кроме Юсупова, к нам часто приезжал председатель президиума Верховного Совета республики Амин Ниязов. У нас его называли идеологом социалистического соревнования. Предложенные им формы социалистического соревнования применялись до самого окончания работ. Его отличало особое чувство такта, что роднило его с Юлдашем Ахунбабаевым. Когда он просил руководителей отстающих районов увеличить вклад в строительство водохранилища, он говорил об этом спокойно. Именно просил, не приказывал. Но к его просьбам относились серьезно. Только чрезвычайные обстоятельства могли помешать выполнению того, о чем просил Ниязов. Память о нем у строителей водохранилища осталась самая добрая.

Вспоминает Ш. Ч. Айтметов:

- Да, строительство металлургического завода в Бекабаде и Каттакурганского водохранилища – это еще две академии, оконченные мною, помимо Промышленной. Я увидел силу и возможности народа, строящего новую жизнь, понял его душу. Горжусь тем, что по сей день тысячи людей вспоминают добрым словом эти стройки и свое в них участие. Наша молодежь должна знать, от отцов и дедов, как создавалось наше сегодняшнее благополучие. Не знаю, доходит ли до нынешних молодых людей сама суть народных строек. Ведь им не дано эти стройки увидеть, разве что в кино, не дано работать на них. Разница с днем нынешним очень велика. Порой даже спрашиваю себя: да было ли все это? Но фотографии, пожелтевшие газеты тех времен беспристрастны. Да, все это было, все это теперь наше прошлое, мое и страны. Наша память. Огромный труд миллионов вложен в то, что сейчас есть у нас, что мы зовем нашим национальным достоянием. Этим мы заслуженно гордимся.

Технология

Специалисты, проектировавшие и строившие водохранилище, единодушно отмечали сложность встававших перед ними задач. И это понятно. Лессовая плотина таких размеров возводилась впервые в мире. Идея, однако, себя оправдала целиком и полностью. Натурные наблюдения за плотиной подтвердили правильность принятых решений и абсолютную надежность самой плотины. И тогда от Каттакургана инженеры проторили дорогу к Чарваку и Нуреку, к уникальным высотным плотинам этих гидроузлов. Бесценный опыт был приобретен нами в Каттакургане.

Об особенностях технологии возведения плотины рассказывает главный инженер управления Василий Федорович Шпотин:

- Вначале я должен остановиться на гидрогеологических условиях. В котловине, которой суждено было стать ложем водохранилища, на глубине 35 метров залегают третичные песчаные глины мощностью 40 метров. На этом пласте лежат отложения из лессовидных суглинков и супесей с прослойками песка. Глубина грунтовых вод – полметра. Грунт основания плотины минерализован слабо, содержание в нем легкорастворимых солей не превышает одного процента. Верхний же слой на дне котловины сильно минерализован и содержит до 37 процентов гипса. Коэффициент фильтрации грунтов низкий, не более 0,01 метра в сутки.

Подготовка основания плотины производилась так. Под наблюдением геолога был удален весь записированный слой толщиной 3,5 метра. При разработке котлована был применен водоотлив. Грунт из котлована выбирали вручную, выносили и вывозили на носилках, в мешках, на арбах. Этот грунт складывали в призмы пригрузки по обе стороны котлована шириной 100 – 150 метров.

Свойства местных грунтов мы знали слабо. Их просадочность обнаружили так. В городке бухарских колхозников выкопали бассейн для питьевой воды. Наполнили его, и вскоре вокруг него обнаружили просадочные трещины. Несколько позже это явление дало себя знать в карьере при замочке грунта. Мы насторожились. С просадочными грунтами шутки плохи, тут следует проявлять максимальную осторожность. Мы решили замочить борта плотины, чтобы обезопасить себя от неожиданностей. Замочили весь котлован, а также ближайшие к нему пятьдесят метров. Для этого провели специальный водовод, все основание изрыли палами. В палах вода стояла больше месяца. После возобновления работ в 1947 году снова провели замочки. На подводящем канале просадки были особенно коварны и не раз приводили к авариям. Вода пошла по этому каналу в 1941 году, просадки же продолжались вплоть до 1950 года.

Весной 1949 года на плотине были обнаружены поперечные трещины. Они были просадочного происхождения. Мы забились тревогой. Там, где плотину пронзали трещины, грунт вырубали и заменяли новым. При проектировании встал вопрос: до какой плотности уплотнять грунт? Правильный ответ должны были дать лабораторные исследования. Оптимальная влажность укатываемого грунта была определена в 16 – 17 процентов, плотность – 1,75. При такой влажности грунт в нижних слоях доуплотнялся еще на два

процента за счет последующего уплотнения верхних слоев. Недостаточная влажность грунта или, напротив, его переувлажнение очень усложняли укатку и получение расчетной плотности грунта ядра плотины.

Отсыпка плотины находилась под постоянным надзором производителей работ и инспекторов грунтовой лаборатории. На отсыпку следующего слоя разрешение давалось только после того, когда грунт был уплотнен до проектной плотности. Периодически качество работ проверяли специальные технические и правительственные комиссии. Всего до 1950 года в тело плотины было уложено 4,5 миллиона кубометров грунта. Погрузка и разгрузка грунта в бортовые машины осуществлялась вручную, звеньями по 6 – 7 человек, за две – три минуты. Мы пробовали ставить на кузова бортовых машин самопрокидывающиеся ящики, но в наших мастерских трудно было добиться их высокого качества, и это дело не пошло. Зато когда прибыли самосвалы ЗИС-585, мы не могли нарадоваться на эти машины. Рассчитанные на тяжелые условия работы, они показали себя очень хорошо.

Мы заботились о хорошем сопряжении блоков, чтобы секции плотины являли собой монолит. Когда в 1947 году работы были возобновлены, по гребню плотины первой очереди был проложен арык для замочки. Кое-где вода стала уходить по трещинам. Особенно много их было на сухом откосе. Они были усадочного происхождения, глубиной до 2,5 метра. Для хорошего сопряжения вновь отсыпаемого слоя с плотинной весь покрытый трещинами участок плотины пришлось вырубить и заменить новым. Слой, который сопрягался с укатываемым, замачивали. В этом случае не образовывалось никаких швов.

Проект предусматривал крепление напорного откоса плотины камнем для защиты от волн. Заложение напорного откоса было переменным, от 5 : 1 до 3 : 1. Первоначальная технология укладки крепления здесь была такова: на полотно откоса отсыпался фильтр – слой песка толщиной 15 сантиметров, слой гравия такой же толщины, затем укладывались слой осоки или камыша толщиной 10 сантиметров и каменная отмостка в 40 сантиметров. Такое крепление было выполнено до войны и размыву не подвергалось. Не нуждалось оно и в ремонте. Так был укреплен откос 5 : 1. Крепление следующего откоса решили упростить. Гравий для фильтра не сортировали, не покрывали соломой или камышом. И ветры, а их скорость превышала 20 метров в секунду, вскоре разрушили такую отмостку. Волны вымыли песок и мелкий гравий, и крепление поползло. А сделанное по всем правилам крепление выдерживало и очень высокие волны при скорости ветра 25 метров в секунду.

На транспортировке грунта эффективно показал себя только автомобильный транспорт. В апреле 1948 года на площадку поступили канадские скреперы. Но у них была занижена мощность двигателя, что не позволяло им заполнять ковш грунтом самостоятельно. Они нуждались в буксире. Эту роль исполнял трактор С-80. Мы загружали скреперы и с помощью экскаватора. Скорость их движения с грунтом была 15 километров в час. Но скреперов было всего три, и они не показали высокой эффективности, скорее всего, потому, что из них нельзя было создать самостоятельный поток. А на общих дорогах с автомобилями они снижали скорость их движения, так как широкие скреперы трудно было объехать.

Временные дороги к плотине, гравийные и грейдерные, оказались дорогими в эксплуатации. Трехразового их полива было мало. Капитальные дороги, в конечном итоге, обошлись бы стройке много дешевле. Они не нуждались бы в сложном уходе и частом восстановлении, и скорость движения машин по ним была бы выше.

Итак, 30 лет назад в тело плотины Каттакурганского водохранилища было уложено 4,5 миллиона кубометров грунта. От этой плотины, как мы уже отметили, пролегла прямая дорога к самой высокой в мире (в десять раз выше!) плотине с суглинистым ядром в Нуреке. Как изменилась за эти годы технология укладки грунта в столь ответственные сооружения? Разительных перемен нет, принципиально новых методов инженеры не предложили. Но существовавшие способы производства работ усовершенствовали основательно. Многие дали нам изучение механизма грунтов. Там, где мы шли на ощупь и свое незнание компенсировали созданием большого запаса прочности, теперь идем с открытыми глазами. Теперь нам понятна механика лессовых грунтов, их поведение при увлажнении и под нагрузкой. Мы знаем, какими слоями и до какой плотности укатывать их при укладке в плотину. При производстве земляных работ совсем исключен ручной труд. Экскаваторы, 25 и 40-тонные самосвалы, бульдозеры, катки и тракторные трамбовки, капитальные бетонные дороги от карьеров к плотине – это день сегодняшний. Могучая землеройная и транспортная техника позволяет в сжатые сроки выполнять большие объемы работ.

Сегодня нельзя вспоминать без улыбки, что до Каттакурганского водохранилища использовать лессовый грунт для постройки плотин просто боялись. Лесс считался загадочным материалом. В воде он быстро размокал, и боялись, что под ее напором (вода себе лазеечку найдет!) лесс расплзется. А нет нужды объяснять, какое бедствие несет с собой разрушение даже небольшой плотины. Стопроцентная надежность – вот первое из требований, предъявляемых к сооружениям такого рода. Но построили несколько средних плотин на Бозсуйском ирригационно-энергетическом тракте, построили Каттакурганское водохранилище, и ничего страшного не произошло, лесс вел себя в уплотненном виде отлично, не размокал, не расплзался, отлично выдержал экзамен и на водонепроницаемость, и на прочность. Строить из лесса было можно. И его стали широко применять при возведении плотин, благо распространен он почти повсеместно. В грунтовых

лабораториях ученые определили все свойства лесса, интересующие практику. Вам надо ответить на вопрос, как лесс сжимается, каков коэффициент фильтрации в зависимости от плотности, каково сопротивление сдвигу при разной плотности, – пожалуйста! К вашим услугам и формулы, и сотни, тысячи таблиц. Найденные зависимости исключали любую случайность. Так, прежде считалось, что чем больше каток проходит по одному месту, тем лучше. Что кашу маслом не испортишь. Оказалось, что лишнее масло в этом случае кашу портит, и портит сильно. Существует оптимальное число проходов катка по одному месту, и больше – не лучше, а хуже: дальнейшее уплотнение ухудшает свойства грунта. И сегодня инженеры знают, что ни 150-метровый напор воды, как на Чарваке, ни 300-метровый, как в Нуреке, не страшны плотине, ядро которой сложено из лесса, укатанного до оптимальной плотности.

Сопоставляя новейшие рекомендации с практикой строительства плотины в Каттакургане, можно сделать интересные выводы. Когда грунт замачивался непосредственно на плотине (первая стадия работ, поиск оптимальной технологии), катки проходили по одному следу 20 раз. А когда суглинок стали увлажнять в карьере, его укатка облегчилась, и достаточно было уже 6 – 8 проходов катка по одному месту. Требуемая плотность достигалась. Она была очень близка к той плотности, которая сегодня считается оптимальной. Технология укладки лессовидного суглинка в плотину на завершающей стадии работ оказалась весьма близка к той, которую ученые рекомендуют сегодня. Это делает честь инженерам, этими работами руководившими, в частности, В. Ф. Шпотину. Да, в Каттакургане советские гидротехники приобрели ценнейший опыт. Он очень содействовал тому, что сегодня советская гидротехническая школа является одной из ведущих в мире.

Судьбы. Эпизоды.

Рассказывает Ш. Ч. Айтметов:

- В 1950 году, когда работы по завершению строительства водохранилища близились к завершению, на стройку прибыли ревизоры. Я отдал приказ о содействии этим людям, и ревизия началась. Она продолжалась три месяца. Ни один финансовый документ, ни одно распоряжение администрации не укрылись от бдительного ока проверяющих. Материалы ревизии заняли четыре тома. Главным из того, что нам вменили в вину, было: недостача 1900 тонн бурого угля, ста тонн бензина, 69 кубометров пиленого леса, неисправность 60 автомобилей. Сделав такое заключение, проверяющие отбыли в Ташкент.

Через неделю меня пригласил секретарь Каттакурганского горкома партии Григорий Гоксадзе. Я попросил его провести экспертизу. Он согласился и отдал необходимые распоряжения. Была быстро собрана группа экспертов. Они работали не три месяца, а куда меньше. Ибо подошли к делу не формально. Уже через день мне доложили, что все нашли. «Что нашли?» – не понял я.

Первое – недостача угля. Его мы оприходовали по весу. Но в сопровождающих документах указывалось, что влажность ангреновского угля 30 процентов, содержание несгораемых пород три процента. Когда все это суммировали, оказалось, что никакой недостачи угля нет, а есть экономия.

Второе – недостача бензина. Для ускорения процесса заправки на автобазе был установлен самодельный тарировочный бак. Считалось, что его емкость 40 литров. Из него и переливали бензин в баки машин. Для тщательного тарирования бака был вызван представитель Госстандарта, который установил, что емкость бака - 42 литра. Отсюда и перерасход горючего. С другой стороны, в парке скопилось 70 тонн сэкономленного бензина. Когда водители узнали, в чем дело, они отказались от премии за экономию горючего. Третье – нехватка пиломатериала. На лесоскладе отдела снабжения стояла пиломатериала. Предельный диаметр бревен, который она пропускала – 45 сантиметров. А бревна поступали диаметров до метра. Они через пиломатериала не проходили, и пиломатериалщики стесывали излишек, а стес не оприходовали, как дрова. Когда эти дрова обмерили и учли, все встало на свое место. Третья недостача отпала, как и две первые. Были приведены в порядок и 60 автомобилей. У одной машины не хватало аккумулятора, у другой – кабины, у третьей – шин. Машины восстановили полностью. После этого мы официально обратились в комитет народного контроля республики с просьбой проверить, что сделано по устранению недостатков, выявленных ревизорами. Контролеры были дотошны, подошли к стоянке автомобилей, сказали: «Заведите эту машину! И эту! И эту!» На ходу были все 60 машин. Не устраненных недостатков не осталось, и об этом доложили правительству республики. Правительство ограничилось тем, что мне указали на небрежность и упущения при ведении учета и отчетности. Министр водного хозяйства Фахритдин Шамсутдинов, ожидавший неприятностей, вздохнул с облегчением.

Я и другие инженеры управления сделали для себя должные выводы: во всем том, что касается приема, учета, хранения, использования материальных ценностей, поступающих в распоряжение строителей, должен быть образцовый порядок. Малейшая халатность, небрежность – и отчетность уже запутана, неизбежны неприятности. Я, например, полученный урок запомнил на всю жизнь.

Эпизод второй. Рассказывает Ш. Ч. Айтметов:

- Однажды мне докладывают: авария, перевернулся грузовик, который вез людей. Я выехал на место происшествия. Предчувствия самые горькие. Человеку стороннему тяжело наблюдать аварии, а

руководителю надо еще и отвечать за них. Подъезжаю, – у дорожного полотна лежит машина колесами вверх. Словно черепаху перевернули на спину, – сама встать не может. Ну, думаю, все полегли. Кричу: «Есть кто живой?» Из-под кузова – голоса. Тут медики подъехали, руками и рычагами поставили машину на колеса. И люди, которых накрыло кузовом, вскочили на ноги. Все они были с кетменями, держали их рукоятками вверх. И деревянные рукоятки приняли на себя тяжесть грузовика и силу удара, а люди не пострадали. А водителя и пассажира, сидевшего в кабине, пришлось госпитализировать. Жертв же, к счастью, не было ни одной.

Эпизод третий.

Профессор Дмитрий Коржавин и инженер Сапар Азизов доставили из Германии экскаваторы. Лишенные балансов, экскаваторы часто ломались. Долгое время на стройке не могли объяснить причину этих поломок. А когда пришли к выводу, что только в сбалансированном виде экскаваторы работоспособны, когда докопались до этой технической тонкости, изготовили балансы, и экскаваторы заработали нормально. Расчеты балансов произвел Азизов. Он вообще показал себя сведущим специалистом. Например, экскаватор, на котором машинистом работал Борис Тихомиров, впоследствии избранный депутатом Верховного Совета СССР, нуждался в балансе весом 16 тонн 320 килограммов.

Эпизод четвертый. Рассказывает В. Ф. Шпотин:

- Еще на Фархадстрое приходит ко мне плюгавый мальчик. Кто такой? Что надо?
- Я трудармеец.
- Не может быть! Тебе мало лет!
- Я в трудовую армию попал потому, что я немец. Можно, я буду переводить?
- Переводи. – Мальчиком этим был Андрей Крайз, быстро ставший прекрасным строителем.

Толковый, любознательный, он налету схватывал азы строительного дела. Вскоре я поставил его мастером. Если задача была ему понятна, можно было не сомневаться, – выполнит. Когда меня переводили на Каттакурганское водохранилище, он попросил взять его с собой. Здесь он стал начальником участка. Белобрысый, подвижный, смысленый, исполнительный. Хватка – железная. Его очень любил Ниязов. Я поручал ему самые сложные участки, аварийные работы. Он быстро окреп физически, окончил школу, строительный техникум. Встал на ноги. Любо было посмотреть: и собой видный, и дело разумеет.

Эпизод пятый. Рассказывает Ш. Ч. Айтметов:

- Летом 1948 года при первом пуске воды произошла авария на Нарпайском узле сооружений, там, где отводящий канал впадает в канал Нарпай. Рухнули плита быстротока и крепление нижнего бьефа. Даже смотровой мостик не уцелел. Когда стало ясно, что авария серьезная, я доложил о ней Юсупову. Он попросил самого подробного доклада. Он был очень расстроен. Несколько раз переспросил: «Что, и смотровой мостик снесло?» Наконец, тяжело вздохнул и отдал распоряжение: «Аварию ликвидируйте как можно быстрее. Если не назначу конкретного срока, провозитесь долго. Даю срок 10 дней, работы возглавите лично». Я отправил на ликвидацию аварии триста человек. Попросил разрешение кормить их бесплатно. Люди работали, не считаясь со временем. Но за десять дней поставить новое сооружение мы не могли. Надо было срочно искать временное решение. Маловодье диктовало нам жесткие сроки. Решение подсказал инженер Евгений Иванович Озерский, впоследствии лауреат Ленинской премии. На отводящем канале мы быстро поставили сипайную перемычку, в левой дамбе выкопали новое русло канала, с большим уклоном, выстлали его камнем и фашинами и по нему пустили воду в обход разрушенного сооружения. Вода снова пошла на поля. А на полную ликвидацию аварии понадобился год.

Победители

По объему работ Каттакурганское водохранилище превосходило Большой Ферганский канал. Уже в 1948 году хлопкоробы долины получили из чаши воду на 2,5 полива. Маловодье на долгое время покинуло долину Заравшана. В конце 1949 года Узбекская ССР торжественно праздновала свое двадцатипятилетие. К этой дате и было решено завершить отсыпку плотины, оставив на 1950 год ее отделку. Задача оказалась коллективу по плечу. Битва за большую воду для долины Заравшана была выиграна, емкость водохранилища доведена до 660 миллионов кубометров. Были большие пусковые торжества, которые запомнились. Была великая радость людей, воочию увидевших плоды своего труда.

Стройка была начата руками, многими тысячами рук. Тысячи колхозников пришли сюда, как на праздник труда. После войны на стройку прибыли машины – грузовики, экскаваторы, бульдозеры, тракторы. Платформы на железной дороге заменили думпкары. Техника изменила лик стройки. Каждый строитель стал сильнее во много раз. Вот бульдозер, один из многих, работавших на плотине. В руках мастеров эта машина творила чудеса: загружала грунт в думпкары, разравнивала его на плотине, копала котлованы, строила дороги. Его сменная производительность – 500 кубометров, но наши бульдозеристы, как правило, вырабатывали больше. Еще не так давно инженеры хвалили трехтонный грузовик ЗИС-5, обгонявший в карьерах и на плотине все испробованные иностранные марки. Но гораздо удобнее и экономичнее оказался

отечественный самосвал ГАЗ-93. Рабочие говорили о нем: «Удивительная машина. Приделать к ней когти – она и на столбы полезет».

За спиной строителей были годы, наполненные неустанным трудом. Рукотворное озеро уже поило хлопчатник. Теперь оно будет это делать в течение многих десятилетий. Со времени пуска водохранилища прошло тридцать лет. Это были годы мира и созидания, годы становления развитого социалистического общества. Преобразования во всех сферах жизни были большие. Много изменилось и в долине Заравшана. Бухарский оазис теперь наполовину орошается водами из Амударьи, а Заравшан делится частью своей воды с соседней Кашкадарьинской областью, с которой его соединил канал имени Москвы. Разработана и строится автоматизированная система управления всем водохозяйственным комплексом реки Заравшан. Она включает в себя информационно-вычислительный центр, диспетчерский пункт в Самарканде, линии связи. А ведь еще в год запуска первого искусственного спутника Земли все затворы на каналах Средней Азии поднимали и опускали вручную.

Главный элемент этой автоматизированной системы управления – электронно-вычислительная машина – уже действует. Пока она анализирует стоимость поливной воды по конечному результату ее использования в хозяйствах. Скоро она начнет выдавать диспетчеру рекомендации по оптимальному использованию воды. Она помнит массу сведений: расход воды в Заравшане, прогноз по стоку, запасы в водохранилище. Таким образом, системе по силам решать задачи как краткосрочного, так и долгосрочного распределения воды в бассейне Заравшана. Это уже предвещает день завтрашний. Ибо подобных систем управления в нашей стране пока нет. Представьте себе: вы стоите на плотине Каттакурганского водохранилища и смотрите на провода, убегающие в даль. Прямо перед вами высится башня водовыпуска. Человек в Самарканде нажимает на кнопку, и в недрах этой массивной башни поднимается затвор – на заданную величину. Завтра эту операцию, но еще более четко, выполнит электронно-вычислительная машина. Да, прогресс непрерывен, неодолим. А тридцать лет назад на этой плотине сверкали кетмени в мозолистых руках энтузиастов...

Изменились и колхозы Заравшанской долины. Нормой здесь стали 30 и 35-центнеровые урожаи. Высокие доходы от хлопководства преобразуют кишлаки. В Бухарской области идет широкое освоение целинных земель, строится разветвленная система вертикального дренажа. Это значит, что поля здесь будут избавлены от засоления. В долине Заравшана уже несколько лет собирают более миллиона тонн хлопка-сырца. То есть, за тридцать лет после полного ввода в эксплуатацию Каттакурганского водохранилища производство хлопка в долине выросло втрое. Это, конечно же, большое достижение.

Маневр водой

Маневрировать водой, как маневрируют электроэнергией, – заманчивая идея, всегда привлекавшая инженеров. Кольцевание источников орошения, подпитка слабых источников, аккумулярование зимнего стока. Вода, в нужном количестве и в нужное время поданная в заданное место – это огромная производительная сила. Но вода и близко не электрический ток. Она течет под уклон, повинуюсь не разности потенциалов, а силе тяжести. И чтобы ею маневрировать, чтобы направить ее из одного источника в другой, нужны большие емкости, мощные насосные станции и мощные источники энергии. И нужны соединительные русла каналов. Построенные в последние годы каналы Амубухарский и имени Москвы существенно облегчили маневр водой. Но это не ослабило ведущей роли Каттакурганского водохранилища в обеспечении водой Заравшанского оазиса. Амударьинская вода пришла на помощь Заравшану, а Заравшан пришел на помощь Кашкадарье. Такова хозяйственная необходимость, так нам было надо.

Вода в пустыне зрелище всегда удивительное. Барханы, ползучая растительность, солнцем пропитаны воздух и песок. И вода все время видится впереди на дороге, – прозрачные лужи, которые горячий воздух отодвигает все дальше и дальше. Солнце в пустыне рождает миражи. И вдруг – настоящая вода, которая не исчезает при приближении человека, голубая, приведенная сюда за сотни километров. Воочию видишь, какой это великий труд – канал в пустыне. И какое это великое благо. Дикая природа отступает, воля человека торжествует. Видеть это – большая радость. Стократ радостнее, думается мне, быть причастным к этим свершениям.

За древней Бухарой, по дороге в красавец Навои словно небо опустилось на землю – блестит, искрится чаша Куюмазарского водохранилища объемом в 300 миллионов кубометров. Амударьинская вода пришла сюда более чем за двести километров по ступенькам насосных станций. Бухарский оазис все более переходит на орошение из Амударьи. Заравшан малосилен, а Амударья велика и обильна. И не с Заравшаном – с Амударьей теперь связано будущее Бухарского оазиса. Связывающая нить – русло Амубухарского канала с пятью насосными станциями. В 1974 году, неблагоприятном по водности, Заравшан дал Бухаре всего 60 кубических метров воды в секунду, а Амударья – 210 кубометров. А в последующие годы соотношение было еще больше в пользу Амударьи.

Вспомним сделанное за последние годы в Голодной степи, в Каршинской степи, в Центральной Фергане, в Хорезмском оазисе и Каракалпакии, где создается крупный район рисосеяния. Вспомним

Каршинский магистральный, Большой Наманганский и Большой Андижанский каналы. Амубухарский канал стоит в одном ряду с этими величественными творениями рук человеческих. Узбекистан остается передним краем мелиоративного строительства. Вспомним, что опыт комплексного освоения целинных земель, полученный нами в Голодной степи, берет на вооружение вся страна, углубляя его и развивая.

Насосные станции Амубухарского канала – это настоящие самоцветы в оправе из барханов. На этих станциях можно остановить взгляд не только на массивном железобетоне. Мозаичные полы, облицовочные камни облагораживают машинные залы. Можно спросить: зачем здесь, среди песков, улучшенная отделка, мрамор и паркет? Но ведь то, что мы строим и передаем нашим детям, мы обязаны строить и по законам красоты. Не случайно мы и сегодня поклоняемся древним зодчим Самарканда, не случайно и «в наши дни вошел водопровод, сработанный еще рабами Рима». Это естественно и правильно.

Эпопея сооружения Амубухарского канала близка к завершению. Сделанное сродни подвигу. В обыденной жизни мы стараемся обойти это слово. Впереди большая работа по улучшению мелиоративного состояния земель Бухарского оазиса. Канал, как мощный ствол дерева. Теперь предстоит растечься по дереву, по его ветвям, дойти до каждого поля, поднять урожайную силу древнего оазиса. Вода подана в нужное место. Но многое надо приложить к ней, чтобы полезная отдача была максимальной. Решающее слово тут за мелиораторами: надо бетонировать оросители, строить скважины вертикального дренажа. А канал – голубое русло в пустыне, удивительное детище человека и живое свидетельство наших возможностей, еще и залог наших завтрашних достижений. Ибо воду, с таким трудом приведенную в пустыню, нельзя использовать абы как, непродуктивно.

И сегодня мы прибегаем к методу народной стройки, хотя и крайне редко. Так решено было поступить при реконструкции Эскиангарского канала, переименованного в канал имени Москвы. В феврале 1972 года газета «Правда Востока» опубликовала репортаж «Новое русло Эскиангара». Я приведу выдержки, а читатель пусть сам сделает сопоставления.

«Над отрогами Заравшанского хребта медленно поднимается красное солнце, метет поземка. Вдали ухают взрывы. А справа и слева по всей трассе строящегося канала ревет техника. За рычагами экскаваторов и бульдозеров, за баранками самосвалов сидят румяные от мороза парни. Рождается 43-километровое русло еще одной искусственной реки. Рыжую толщу суглинка рассекает выемка глубиной до сорока метров. В саях строят дюкеры и селепропускающие сооружения.

Этот небольшой по протяженности, но трудный по профилю отрезок канала стал народной стройкой недавно. Проект и смета были рассчитаны на 3,5 года. И не вина инженеров «Узгипроводхоза», что жизнь внесла в эти сроки свои коррективы. Предыдущие годы были крайне маловодные, и Кашкадарьинская область недобрала много хлопка-сырца. Плантации получили по три полива вместо оптимальных пяти. Еще больший ущерб маловодье нанесло другим сельскохозяйственным культурам. Маловодье угрожает нам снова. Что же, опять недобирать урожай?

В области решили иначе. Решающий удар по маловодью должно было нанести новое спрямленное русло канала Эскиангар с расходом 50 кубометров в секунду. То есть, в бассейн Кашкадарьи будет направлено 200 миллионов кубометров заравшанской воды. Столь широкий маневр водой в интересах кашкадарьинских хлопкоробов будет проведен впервые. Он позволит если не полностью ликвидировать последствия маловодья, то в огромной мере смягчить их. Причем, помощь получают верхние районы, которые не смогут, по условиям рельефа, в будущем получать воду из Каршинского магистрального канала.

Для того, чтобы дерзкий план дал ожидаемый эффект, требовалось одно: проложить новое русло Эскиангарского канала не за 3,5 года, а за пять месяцев. 3,5 года и пять месяцев. В восемь раз быстрее проектных наметок. Выход мог быть только один – народная стройка. Объем работ выглядел так: предстояло переместить 13 миллионов кубометров грунта, одеть в бетонную рубашку 25-километровый участок канала, возвести более сорока гидротехнических сооружений, в том числе дюкер длиной 560 метров через глубокий сай в начале трассы. Но внушительными были и силы строителей: сотни экскаваторов, бульдозеров, скреперов, 600 автомашин, 30 бетоносмесительных установок. В отдельные дни на бетонировании канала работало шесть тысяч колхозников. Они укладывали в облицовку канала и сооружения до четырех тысяч кубометров бетонной смеси в день. В дело сразу шел железнодорожный состав цемента. Такая интенсивность бетонных работ ранее была достигнута разве что на строительстве Братской ГЭС.

День и ночь кипит ударная работа на новой трассе канала Эскиангар. Когда видишь напряжение и радость, с какой прокладывают еще одну искусственную реку, не только веришь, что работы будут завершены в срок. Чувствуешь кровное родство с людьми, вышедшими на трассу, и желаешь им всяческих удач. И, конечно, в первую очередь желаешь им большой воды в сроки, намеченные ими».

Я привел выдержки из этого репортажа для того, чтобы показать преемственность усилий во времени, непрерывность преобразований, а также важность традиций народныхстроек и в наше время. Пришедшие на стройку колхозники и присланная республикой мощная техника позволили за пять месяцев выполнить грандиозный объем работ, не только проложить новое русло канала, но и одеть его в бетон и возвести все сооружения. По сравнению с народными стройками сороковых годов привлеченные силы

колхозников были сравнительно невелики, всего шесть тысяч человек. Эти люди работали, конечно, не вручную и жили не в землянках. Они принимали и укладывали бетонную смесь, все же земляные работы выполнялись с помощью механизмов. И, в отличие от довоенного времени и первых послевоенных лет, труд этих людей оплачивался сполна. Дух же народной стройки, ее атмосфера были прежние.

Мы становимся богаче

Мы становимся богаче. Вот и нынешняя осень демонстрирует это и яркими, масштабными деталями, и тысячью менее приметных штрихов, которые радуют нас сначала тем, что вчера их еще не было, и сразу же – нашей причастностью к их появлению. Богатство можно оценивать по-разному: рублями, тоннами зерна, стали, хлопка, количеством машин, экземплярами книг. Но как бы мы его ни оценивали, как ни взвешивали, самые разные цифры говорят об одном и том же: мы становимся богаче.

Высокий уровень жизни – это, прежде всего, гармоничное и всестороннее развитие производительных сил. Это сосредоточение больших сил на решении узловых проблем и быстрое достижение успеха. Это упорное преодоление трудностей.

Становится богаче нам помогают машины. Ежегодно в уборочную страду на полях Узбекистана работает 30 тысяч хлопкоуборочных машин, которые собирают три миллиона тонн сырца, или две трети урожая. Некоторые хозяйства научились убирать хлопок без затрат ручного труда, только машинами. Техника прочно вошла в жизнь села, – ее безраздельно полюбили мальчишки. Они днюют и ночуют у тракторов, они умоляют взрослых посадить их в водительское кресло, потом – показать, что к чему, потом – дать попробовать, потом... Потом они в считанные месяцы становятся отличными механизаторами.

Техника непрерывно совершенствуется. На испытания в целинные хозяйства отправлены новые тракторы. Построенные в Ташкенте, они названы распространенными узбекскими именами «Расул», «Мансур», «Шараф». К своим новым тракторам ташкентцы относятся с обыденной, исключаяющей восторг деловитостью. Вот самолет «Антей» – это величина. А трактор, конечно, важная машина. Да, на уровне мировых образцов. Но чего вы хотите? Ведь он сделан в крупном индустриальном центре, в индустриальной республике. А это были первые экземпляры тракторов завтрашнего дня. Об их родстве с техникой завтрашнего дня говорили, однако, не размеры и не возросшая мощность двигателей, что важно само по себе, и даже не совершенные пропорции, а необычные надстройки над белыми, герметически запирающимися кабинами. В этих надстройках помещались кондиционеры. Значит, в кабинах будет комфорт. Что жара, что пыль против добросовестности кондиционера? Тракторист – а сегодня им часто становится и женщина – защищенный от перегрева, пыли, шума и вибрации двигателя, сможет гораздо полнее использовать все то, что инженеры заложили в новые машины.

А индустриальные комплексы по производству мяса, молока, яиц? Это настоящие заводы стоимостью в два, в десять миллионов рублей, с заводской организацией труда и нормированным рабочим днем. Но заводы сельские, которые становятся как бы частью совхоза, колхоза, замыкают соответствующий технологический поток.

Наше село сейчас строится и перестраивается так стремительно, что исторического аналога этому процессу не существует. Целинные поселки концентрируют в себе все положительное, что мы накопили в сельском строительстве. В каждом из них есть все необходимое для высокопроизводительного труда и культурного досуга, в каждом соблюдены пропорции, рекомендованные градостроительной наукой. И потому они удобны для жизни, хотя и не во всем привычны новоселам. Переселенцы быстро подмечают все это и, гостя в родных местах, корректно утверждают: «А у нас лучше, у нас, как в городе: и ванная, и телефон, и встроенная мебель». Они могут назвать, конечно, многое другое в спорах, когда целью одной стороны является возвышение целины, а целью другой – отстаивание достоинств родных мест, которые кажутся ей незыблемыми. И целинники называют: поля по двести гектаров, на которых великий простор машинам, и лотковую оросительную сеть, из которой впусую не просачивается ни капли воды, и капроновые шланги, вчетверо повысившие производительность труда поливальщика, и системы закрытого и вертикального дренажа, победившие нашествие вредных солей. Обобщая, новоселы сводят все это в аргумент внушительной силы: у нас, говорят они, на хлопкороба приходится и восемь, и десять гектаров, вручную у нас не работают, один человек производит по двадцать тонн хлопка-сырца! И чаша весов, на которую положена такая гиря, стремительно идет вниз.

Но отсюда отнюдь не следует, что в староорошаемых районах существуют застойные явления и жизнь медлит с выходом на новые рубежи. Именно эти районы – рекорсмены по урожайности, именно здесь хлопковый конвейер функционирует с поразительной точностью. Здесь тоже упор делается на лучшее, передовое. Но целинники имеют счастливую возможность решать все свои проблемы комплексно, в полной увязке друг с другом и перспективой. И это дает им осозаемые преимущества. Недаром впечатляет та графа в их деятельности, в которой стоит надпись «производительность труда». Но и в Хорезме, и в Ферганской долине привычной стала такая картина: рядом со старыми, часто еще добротными домами, поднялись и поднимаются новые, еще более подробные, а расторопные подростки крепят на крышах растяжками мачты

телевизионных антенн. Ибо телевизор сегодня – это окно в мир, без которого нельзя. И мы с гордостью подводим итог: да, мы достигли такого уровня развития, когда труженник села получает возможность из хорошего дома переехать в лучший, когда его начинают по-настоящему привлекать все виды городского благоустройства. Идет энергичное выравнивание уровня жизни города и деревни.

Лет десять назад, когда на селе бездумно внедряли многоэтажные дома, а критиков этих домов записывали в консерваторы, опытейший земледелец, председатель колхоза «Политотдел» Тимофей Григорьевич Хван сказал: «Надо проводить четкую параллель между рабочим, скажем, автомобильного завода, и рабочим совхоза. Первый с охотой пойдет жить хоть на девятый этаж, второй, крестьянин по натуре, хочет твердо стоять на земле. Поэтому лучший тип жилья для него – коттедж». В «Политотделе» строят только коттеджи.

Ошибки хороши лишь одним: они позволяют извлекать уроки. Архитекторы скоро отказались от многоквартирных домов на селе, сочли их бесперспективными. Жизнь внесла сюда и другие коррективы. В частности, выяснилось, что размер приусадебного участка никак не должен быть меньше 800 квадратных метров, что на нем должны быть хозяйственные постройки. Шло накопление знаний и опыта. После того, как с корректировками согласились, целинные поселки, освободившиеся от многоквартирных гигантов, но сохранившие все виды благоустройства, стали прообразом агротехнических городов будущего.

Освоенная земля при рачительном хозяйствовании становится в один ряд с самыми высокопродуктивными почвами мира. Вот свидетельство известного почвовода академика Сергея Николаевича Рыжкова: «В тридцатые годы мы провели сплошную почвенную съемку территории Средней Азии и недавно эту работу повторили. Во всех оазисах плодородие почв существенно повысилось. Влияние человека, влияние возросшей культуры земледелия на этот процесс столь очевидно, что мы выделили наши орошаемые почвы в отдельный самостоятельный пункт. Накопление плодородия – естественное следствие на почву орошения, удобрений, передовой агротехники.

Итак, за 60 советских лет плодородие наших почв заметно увеличилось. Вот и такая, казалось бы, далекая от социальных проблем наука, как почвоведение, установила видимую связь между социальными преобразованиями в стране и ростом продуктивности земель.

На обширных просторах Голодной степи, Хорезмского, Заравшанского оазисов мы провели тяжелую борьбу с солью – и вышли победителями. Наука о дренаже, можно сказать, сложилась в Голодной степи, и сегодня мы вооружены точными, проверенными практикой знаниями, как лечить почву от засоления. Сто лет назад Энгельс писал: «Урожайность земли может быть бесконечно повышена приложением труда, капитала и науки». Сегодня, как никогда прежде, три эти фактора влияют на прогресс нашего земледелия.

Подземное, или капельное орошение, поле без поливальщика. Фантастика? Нет, объект исследований. Уже есть поля, где под каждым рядком хлопчатника проложена гибкая перфорированная трубка. Сигнал датчика, поворот вентиля, и поле увлажняется до оптимальной величины. Гидропоника указала нам потенциальные возможности хлопчатника – до 150 центнеров с гектара. Перед селекционерами была поставлена задача вывести средневолокнистые сорта хлопчатника с урожайностью 70 центнеров с гектара и тонковолокнистые с урожайностью 40 центнеров.

В свое время эффективным оказался переход на широкие, в 90 сантиметров, междурядья. А если ввести рядковую культуру хлопчатника, сделать 180-сантиметровые междурядья и высевать хлопчатник сразу с двух сторон рядки? Преимущества: весной рядки скорее прогреваются, можно раньше сеять, сокращается число культиваций, растениям обеспечиваются лучшие условия. Это тоже стало предметом глубокого изучения ученых. Что ж, резервов повышения урожайности еще много.

Давно переселились в этнографические музеи ручная прялка, ручной ткацкий станок, зернотерка. Туда же скоро перейдут кетмень и фартук сборщика хлопка, арыки низовой разводящей сети, верой и правдой служившие земледельцу тысячелетия. Кетмень и фартук вытесняет комплексная механизация хлопководства, арыки – лотковые оросители и асбоцементные трубопроводы, а также гибкие капроновые шланги. Обобщая, можно сказать: вытеснение кетменя, фартука и арыка – процесс единый. И, как следствие, ученые констатируют растущее плодородие нашей орошаемой пашни, большую, чем прежде, щедрость земли к своему новому хозяину – советскому человеку.

За 60 лет до Октября на территории Узбекистана было произведено немногим более восьми миллионов тонн хлопка-сырца, за 60 советских лет – 130 миллионов тонн. Рубеж, намеченный на 1980 год – 5,8 миллиона тонн. Встречный план республики – шесть миллионов тонн. Это предложение аккумулировало в себя и бесценный народный опыт, и горячее стремление сделать как можно больше для родной страны. Нынешний расцвет мелиоративного строительства, нынешнее стремительное преобразование села – залог того, что наше сельское хозяйство будет развиваться успешно, что завтра нашим земледельцам будут по плечу рубежи, еще вчера казавшиеся недостижимыми. Ибо все по плечам человеку, крепко стоящему на родной земле.

Но, с улыбкой констатируя растущее наше богатство, радуясь обилию машин на наших полях и новостройках, мы не забываем и о том, что Большой Ферганский канал, Каттакурганское водохранилище и десятки других объектов построены нами вручную.

Именно таким было начало.

Послесловие

Этот развернутый и во многом восторженный очерк я набирал на компьютер через четверть века после того, как он был написан. Наивность милая нетронутая души! Я был сыном страны и гордился этим. Я вырос на ее идеологических ценностях, и они были дороги мне. За это время произошли события, которые тогда нельзя было предвидеть. Эти события не могли присниться даже в дурном сне: неожиданная, как коллапс, недееспособность великой страны и последовавший за этим скорый ее распад, суверенитет союзных республик, возвращение, непродуманное и не просчитанное, спонтанно-стихийное, к частной собственности и рыночной экономике. И, как итог, торжество правды белых над правдой красных, бескровное, неожиданное и полное. Ну, а конец семидесятых и начало восьмидесятых годов совсем не предвещали распада страны и угасания социализма. Но семена, заложенные в поле Сталиным, в третьем и четвертом поколениях не могли дать тех всходов, на которые рассчитывал великий вождь и учитель. Они дали совсем другие всходы, и великий вождь и учитель был назван великим тираном и кровопускателем, кем он и был на самом деле.

Почему же я все-таки набрал этот очерк, а не выбросил его в корзину? Значит, чем-то, все-таки, он мне дорог. В те годы идеи Октября обладали большой притягательной силой; мы на них выросли, и мы в них верили. Казалось, еще немного, еще несколько заметных шагов вперед, и лучшая, достойная человека жизнь станет наградой всем за участие в великом коммунистическом эксперименте. Большой Ферганский канал и Каттакурганское водохранилище были шагами к лучшей жизни. Люди верили, и люди хотели, а бесплатный труд – не такая тяжкая повинность, когда ты поверил в завтрашний достаток. Я вспоминаю, сколько лет нас, студентов, а потом уже и не студентов, посылали на сбор хлопка. Ничего, работали, и месяц, и два жили в сараях и спали на земле, рядом с мышами, и это была не самая худшая из работ, выпадавших на нашу долю. Затем нам говорили: «Спасибо!» И этого хватало. Потом что мы любили свою страну и верили, что ей уготовано большое будущее.

На склоне лет многое поменялось, по нашей и не по нашей воле. Осталась только вера в страну, которую зовут Россия.

ТУПОЛАНГСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ

Еще одна большая стройка

Мне нужно написать книгу о строителях Туполангского водохранилища. Чтобы книга эта, в которой ничего нельзя выдумывать, а можно использовать только материал, предоставляемый самой жизнью, - чтобы книга эта нашла дорогу к сердцу читателя, нужна стойкая душевная приязнь к людям, о которых я поведу разговор. Это есть. Я чувствую, что люди, о которых пойдет речь, мне глубоко симпатичны, а некоторых из них я давно знаю и люблю. Значит, можно пускаться в эту неблизкую дорогу.

Итак, стройка и ее люди. Большая стройка на реке Туполанг, правом притоке Сурхандарьи, и люди, которые ставят плотину поперек реки в горной теснине, самой природой приспособленной для этой цели: надежны скалы внизу, справа и слева, и так же надежны люди, вознамерившиеся между двумя горами поставить третью – вершиной вниз, под названием плотина.

У каждой большой стройки свое лицо, свое прошлое, настоящее и будущее. Я помню рассказы ветеранов (никого из них уже не осталось в живых), как прокладывали Большой Ферганский канал, строили Фархадскую ГЭС, Каттакурганское водохранилище. Кинорежиссер Малик Каюмов запечатлел слезы на глазах аксакала, который плакал от обиды, потому что его не взяли на строительство Большого Ферганского канала по старости, и слезы на глазах подростка, которого не взяли строить этот канал по причине малолетства. Так было, режиссер ничего не приукрасил, люди гордились своей причастностью к большим делам, стремительно изменявшим облик древней страны. Я помню, как осваивалась Голодная, затем Каршинская степь, возводились Чарвакская, Токтогульская, Нурекская гидроэлектростанции. Ни одна из этих удивительных строек не повторяла другую, хотя общей была необходимость преодолевать трудности – кадровые, снабженческие, технические, финансовые и многие другие.

Все эти стройки были великолепной жизненной школой. Они учили вчерашних дехкан новым профессиям. Они закаляли характеры и выявляли способности. Они показывали человеку, как широки его возможности. Они же учили человека жить в мире и согласии с природой, не вредить ей необдуманно, грубым вмешательством, но улучшать, облагораживать ее вмешательством умным и добрым, в расчете на счастливую жизнь детей и внуков.

Туполанг – это нечто волка в овечьей шкуре. Возможно непредвиденное, непредсказуемое, взрыв страстей, мятеж и буйство. В буквальном переводе это свара, раздор, разрушение. Когда где-нибудь происходит заварушка на грани скандала и войны, узбеки говорят «туполанг». Реке дали это имя не случайно. Тихая, прозрачная в межень (всего двадцать кубических метров в секунду), она стремительна и страшна в паводок, когда несет, катя огромные валуны и слизывая берега, и 500, и 700 кубических метров воды в секунду. На защиту берегов Туполанга от размыва уже давно тратились миллионы и миллионы. И, тем не менее, случалось, что под натиском реки гибли кишлаки, смывались поля. На дороге Денау – Сариассия каждый может увидеть рухнувшие в русло пролеты старого моста, не деревянного – железобетонного – рядом с новым, более надежным.

Туполангское водохранилище должно благотворно повлиять на нрав реки, смягчить его за счет того, что паводок любой силы будет усмирен плотиной, а в нижний бьеф будет направлено ровно столько воды, сколько нужно человеку. Воды Туполанга способны оросить 40 тысяч гектаров плодородных земель в Сурхандарьинской области, и водохранилище будет способствовать тому, чтобы вода в нужное время подавалась в нужное место и в потребном количестве. И здесь будет вырабатываться 300 – 500 миллионов киловатт-часов электроэнергии в год, в зависимости от стока.

Сегодня, на рубеже 1994 – 1995 годов, высотная плотина отсыпана почти наполовину, то есть сделать предстоит еще столько же, сколько сделано. К обычным сложностям, которые управление строительства преодолевать научилось, прибавились необычные. Стройка начиналась, когда Узбекистан входил в состав Советского Союза и все нужное получал методом плановых, централизованных поставок. Завершается же она, когда Узбекистан, как и другие бывшие союзные республики, стал независимым государством. Старые хозяйственные связи рухнули, новые еще не образовались, и трудности снабженческие затмили собой все остальные. Во что обусть тридцатитонные минские самосвалы и что заливать в их баки? К ним прибавились трудности финансовые. Став независимой, республика столкнулась с острой нехваткой средств на все самое насущное: очень многие заводы остановились, перестали подпитывать своей продукцией валовой национальный продукт. Время покажет, как долго продлятся эти трудности. Но стройка живет и в этих условиях, ибо трудности, созданные людьми, людьми и преодолеваются. В карьере гремят взрывы, самосвалы везут на плотину суглинок и рваный камень, и плотина растет в среднем на три сантиметра в сутки. А каждый метр ее роста увеличивает емкость водохранилища.

На стройке занято около семисот человек. В прошлые годы персонал насчитывал около двух тысяч строителей, но финансирование сократилось, и сейчас столько людей стройке не нужно. Естественно, сказать доброе слово персонально о каждом строителе я не смогу, и многие не будут упомянуты. От этого их вклад в общее дело не будет меньше. Но, думаю, доброе слово обо всех, кто возводит этот уникальный объект, услышит каждый из его создателей. Не буду, как в прежние времена, называть эту работу подвигом, обойдусь обыкновенными словами. У каждого из тех, кто здесь работает, свои нужды и свои интересы, и их работа – лишь средство для удовлетворения этих нужд и интересов.

В написании этой книги мне очень помогли директор строящегося водохранилища Радик Фасхиевич Мифтахов, начальник СМУ «Туполанггидрострой» Абдугани Абдурахманович Сангинов, управляющий терстом «Туполанггидрострой» Евгений Петрович Захаров, а также многие строители и проектировщики гидроузла, за что я выражаю им признательность. Десятки создателей водохранилища рассказали о себе, о товарищах по работе. Их жизнь, их судьба и стали страницами этой книги. Диапазон их надежд широк и многообразен. Но есть одна, которая постоянно повторяется. Они хотят, чтобы наш общий дом, имя которому – Республика Узбекистан, имел надежные стены, чтобы в нем царил согласие и был достаток.

Эту стройку, как и все другие стройки такого масштаба, открывал 12 лет назад Шараф Рашидов, первый секретарь ЦК компартии Узбекистана. В капсулу из нержавеющей стали было вложено послание к потомкам, с наказом вскрыть через тысячу лет. 12 лет капсула уже пролежала, и ей осталось лежать каких-нибудь 988 лет. Как воспримут люди конца третьего тысячелетия адресованное им письмо? Скорее всего, без улыбки превосходства. Ибо связь времен не прерывается никогда, и доходящие до нас атрибуты других веков и других культур не кажутся нам наивными. Более того, они – составная часть нашего века и нашей культуры. По ним мы заключаем, какими были люди тогда, как жили, во что верили. Они – наши предки, и что-то от них нам передалось и в нас сохранилось.

Плотина. Первое знакомство.

Конец осени, канун зимы. В Сурхандарье осень кончается позже, чем в Ташкентском оазисе. Зима же может вообще не прийти, снег покроет окрестные горы, а в долине так и не ляжет. 600 километров к югу что-то значат. Поезд в Сариассию идет двадцать часов, пересекает две трети республики. И везде глаза радуют постройки последних лет, просторные и добротные, часто – из жженого кирпича, оштукатуренные мраморной крошкой, украшенные резьбой по дереву, алебастру.

Сариассия – типичный районный центр, каких на периферии десятки. Видно, по облику городка, что в нем мало промышленных предприятий, что его градообразующая база невелика. Центр непритязателен, одноэтажные дома словно выросли в землю. Выделяется городок водников со своими коттеджами, со школой, в которую приятно войти. Это первое впечатление, и завтрашний день покажет, правильно ли оно.

С директором строящегося водохранилища Радиком Фасхиевичем Мифтаховым едем на створ. Для друзей и близких он просто Радик, опытный инженер с тридцатилетним стажем. Для меня – тем более Радик, ведь он муж моей сестры Ольги. Водитель Джуракул осторожен на перекрестках, но там, где дорога позволяет, быстр, как и положено профессионалу. Он здесь вырос, и Радик тоже здесь вырос. И я понимаю, как близка им эта земля, как глубоки уходящие в нее корни.

Дорога к водохранилищу проложена по правому берегу реки. Справа – канал в бетонных берегах. Затем – только река, зажатая горами. Слева – поля, вспаханные под зябь, после хлопчатника и кукурузы. Кишлак промелькнул, последний перед сужением, невзрачный в своей основе. Но и в нем есть дома, построенные после недавнего наделения землей молодых семей. Среди них есть добротные, есть и скромные, но почти все они лучше, просторнее старых. Большинство – под шиферной кровлей, но на некоторых посверкивает и оцинкованная жесь.

Дорога втягивается в сай, борта которого испещрены овечьими тропками. Зелень выгорела. Вода в реке кристальной чистоты, и видно, что в паводок ее уровень был на полтора метра выше. Вот и поселок гидростроителей: двухэтажные компактно поставленные дома, часть из которых пустует. Стройке сегодня не нужно столько людей, сколько требовалось вчера. Стройка сегодня опирается на местные кадры.

На далеких пиках свежий снег, вестник близкой зимы. Небо синее-синее, воздух прозрачен. Внизу не ощущаешь, как далеко простирается горная страна. Но я знаю, что она простирается далеко, Памир переходит в Тянь-Шань, Гиндукуш, Гималаи, Тибет. За поселком строителей гараж, ремонтные мастерские, другие объекты производственной базы. Здесь и контора. Отсюда хорошо видна плотина, до нее менее километра. «Приехали!» – говорит Радик. Оглядываюсь. Горы как горы, летом – зеленые, сейчас блеклые, серые, угрюмые. Люди приветливо здороваются. Они подтянуты и опрятны, не видно пренебрежения к одежде, свойственного многим рабочим на крупных стройках. Звучит таджикская, узбекская и много реже – русская речь. Преобладание местных кадров среди персонала заметно уже на пороге конторы.

В кабинете Мифтахова – генеральный план, разрезы плотины. Для тех, кто не очень сведущ в строительном деле, поясню, что на любой стройке есть подрядчик, который выполняет работы за счет государственного или иного источника финансирования, и есть заказчик, который этот источник

финансирования представляет, контролирует освоение средств и качество выполняемых работ, контролирует, в интересах дела, все действия подрядчика. Функции заказчика и выполняет дирекция строящегося предприятия. Они, конечно, более многообразны, и ниже можно будет остановиться на них подробнее. Дирекция невелика, всего несколько человек, но среди них должен быть хотя бы один, весьма сведущий в строительном деле. Таким человеком и был Радик Фасхиевич. Его возраст приближался к тому рубежу, когда мужчина, если хочет, может выйти на заслуженный отдых (сколько строек за плечами, сколько могучих плотин!), а может работать дальше. И чаще всего он так и поступает, особенно если занят любимым делом. Мне кажется, Радик давно избрал второй вариант, но держит свое решение про себя, ведь обстоятельства могут сложиться и неудачно, а объявлять о своем решении заблаговременно нет нужды.

Радик среднего роста, несуетен, зорек и обстоятелен. Богатый опыт и широкий инженерный кругозор позволяют ему находить верные решения в сложных и запутанных ситуациях (не скрою, в такие моменты на него с надеждой поглядывает руководство стройки). Случается ему и вспылить, резко отчитать провинившегося – но для этого всегда есть серьезное основание. Остывает же он быстро и зла не держит, но полагается, естественно, на тех, кто не подводит. На его облик наложила отпечаток принадлежность к тюркскому племени, к его казанской ветви. Но родился он здесь, в Сурхандарье, и здесь живут его мать Фатима, недавно овдовевшая, брат Рауф с семьей, тоже гидротехник, и сестра Неля.

Едем наверх. И вот она, матушка-плотина, вот ее низовой откос из тех же скальных пород, что и окрестные горы, только раздробленных взрывчаткой. Это так называемая призма пригрузки. Поток смиренно вытекает из туннеля, гасители энергии в нижнем бьефе при пропуске меженных расходов не нужны. Какой узкий створ! Самой природой он предназначен для высотной плотины. Дорога вскарабкалась наверх, открылся верхний бьеф с зеленым озером перед плотинной, с рекой, змеящейся вдали, с горными хребтами, которые окутывает легкая сиреневая дымка. Открылось суглинистое водонепроницаемое ядро плотины, предмет самых тщательных забот строителей. Ядро это не должно пропускать воду, и его делают таким, чтобы оно не пропускало воду, – укатывают тяжелыми катками при оптимальной влажности грунта, а плотность каждого слоя контролирует лаборатория. Под ядром, в месте сопряжения со скалой, я знаю, проходит потерна – туннель такой железобетонный, предназначенный для выполнения цементационной завесы и установки контрольно-измерительных приборов. Не только ядру плотины, но и его основанию, испещренному мельчайшими трещинами, строители придают свойство водонепроницаемости. Поэтому ничего плохого не случается с нашими плотинами, а среди них и Нурекская, трехсотметровая, и Токтогульская, на 80 метров ниже, бетонная, и Андижанская, и хорошо знакомая ташкентцам Чарвакская, стосемидесятиметровая, близкая по параметрам к Туполангской. И не случится с ними ничего, этого можно не опасаться. У наших гидротехников прекрасная репутация, и очень не хотелось бы, чтобы в нынешнее непростое время их колоссальный опыт, их уникальные наработки остались невостребованными.

Едем еще выше, по бетонной дороге, основательно стертой шинами большегрузных самосвалов. Она ведет в карьер, где разрабатывается скальный грунт для призм пригрузки. Эти призмы, верховая и низовая, куда объемнее суглинистого ядра, сравнительно узкого. Верхний откос плотины закладывается с соотношением 1 : 3 и более полог, чем нижний, заложение которого 1 : 2,5. То есть, ширина плотины в шесть раз больше ее высоты. Мимо несутся тяжелые самосвалы, с шапкой загруженные рваным камнем. Каждый из них обдает волной туго спрессованного воздуха, щедро сдобренного пылью и сизой гарью сторевшей солярки. Водителя почти не видно. Есть и шестидесятитонные самосвалы, и еще более крупные, с кузовом на два, на три вагона. Но они – для других, рудных карьеров, для золотых приисков Мурунтау, например.

Вот и сам карьер. Это обширное хозяйство, совсем непростое, со своими буровыми станками и электрическими экскаваторами, которые оборудованы ковшами «прямая лопата» емкостью пять кубометров. Четыре ковшика насыпает этот уральский землеройный механизм в кузов белорусского самосвала, и огромная машина словно припадает на задние лапы, приседая под тяжестью груза. На место отъехавшей машины тотчас становится порожня. И все повторяется. Слаженно работает техника в умелых руках. Виден почерк профессионалов. Но это уже свои, доморожденные профессионалы. Если раньше на такие стройки устремлялась вольница со всего Союза, если здесь начало и было таким, то теперь положение изменилось. Напуганная развалом Союза и кровавыми таджикскими событиями, вольница здесь не стала задерживаться, хотя какого-либо дискриминационного давления на нее не было. Но опыт свой в обращении со сложными механизмами успела передать местной молодежи, и она теперь – хозяйка положения.

За один прием взрывники дробят 30 – 40 тысяч кубометров скалы. Этого хватает на три-четыре недели работы. Затем цикл повторяется. Каждый взрыв готовится кропотливо. Бурятся скважины, заполняются взрывчатым веществом. Отводится техника – и содрогается земля. Но это взрывы не на выброс, а на дробление скалы. Карьера работает в две смены. Прежде было три смены, и карьер не знал покоя ни днем, ни ночью. Но с тех пор темпы отсыпки плотины понизились, и стало хватать дня.

Подходим к краю карьера. Обращаю внимание, что деревянные столбы, несущие провода, покоятся на массивных стальных салазках. Их перемещают волоком, а перед взрывом оттягивают прочь. А за экскаваторами и буровыми станками тянется черный бронированный кабель. За карьером – ущелье. Оно

просматривается далеко вверх и далеко вниз. В верховьях Туполанга тоже есть кишлаки, но их скрывают горные склоны. Видно, что к осени в водохранилище осталось немного воды, то, что называют мертвым объемом. Летом воды было раз в десять больше. Волновое воздействие на берег было выше метров на тридцать. Такова глубина сработки водохранилища. От действия волн берега стали ступенчатыми. Одинокая алюминиевая лодка лежит на низовом откосе плотины. Видно, как с гор спускаются в долину отары.

К кишлакам, скрытым в горных распадках, будет проложена нормальная дорога. Она уже начата, и одинокий бульдозер стоит там, где прервались работы. Не во всех кишлаках эта дорога желанна. В одном из них боятся, что она нарушит привычный уклад жизни. И это тоже приходится учитывать.

Возвращаемся вниз. Большегрузные самосвалы, несмотря на внушительные габариты, маневренны и стремительны, у них сильные двигатели. На подъем идут, как легковые автомобили.

- К этим машинам бы шины, запчасти и горючее, и здесь все закрутилось бы в прежнем темпе, - сказал Мифтахов. - Ну, и финансирование, конечно. Но что было, то сплыло. Теперь мы идем своим нетореным путем, в надежде на свое Эльдorado. Только вот где оно? Видишь, сколько техники стоит?

Сверху это видно прекрасно. Асфальтированный квадрат гаража заставлен самосвалами, которые свое отслужили. Их задранные вверх кузова, похоже, кому-то салютуют. Неужели все это повезут в мартены Бекабада? И во дворе «Гидроспецстроя» полно неработающей техники, и у ворот ремонтных мастерских.

Снова обращаю внимание на то, что среди водителей, экскаваторщиков, бурильщиков и взрывников почти нет европейцев. Техником управляют вчерашние чабаны и хлопкоробы. Они делают здесь буквально все: бурят, взрывают, зачищают скалу, кладут бетонную смесь, грузят, возят, отсыпают плотину. Стройка дала им прекрасные рабочие профессии. Об этом еще предстоит рассказать. На всех больших стройках, - а я поездил по ним немало, - местные кадры прежде составляли меньшинство.

Еще раз окидываю взглядом плотину. Все, как на ладони, или как на генеральном плане. Собственно, то, что я вижу, и является планом, то есть видом сверху. Как распластана плотина, как она массивна! В ширину - метров девятьсот. Длина же по гребню пока метров триста. По мере отсыпки ширина будет оставаться неизменной, длина же все время будет увеличиваться, ведь с каждым метром подъема ущелье расширяется. В верхнем бьефе над водной гладью торчит башня водоприемника. Внизу из-под плотины выходит голубой поток. Лениво изливается из туннеля. Конструкции водовыпуска отсюда не видно.

Да, это большая стройка. Многолетняя. Тысячи людей вложили сюда свой труд, и вместе с ним и часть души, конечно. Но столько же еще предстоит сделать, если не больше. Ведь плотина должна подняться еще почти на сто метров, до бетонной тумбы на левом берегу. А до нее ой как далеко! И совсем недавно принято решение о том, что в состав гидроузла войдет электростанция мощностью 175 тысяч киловатт. А это дополнительные объекты и дополнительные затраты, которые затем окупятся сторицей. Не поздно ли спохватились в инстанциях, принимающих решения? Понятно, что при дешевых энергоресурсах и при поставках по себестоимости энергии Нурекской ГЭС раскладка была одна, а при повышении цен на газ и на электричество из соседней страны до мировых она уже другая. Высокие цены на энергоносители и подсказали: электростанции при высотной плотине быть!

На гребне плотины экзотическая группа: цыгане! Черные окладистые бороды, яркие одежды, бронзовые лица. Настоящие сыновья солнца и ветра. Женщины-цыганки держатся особняком. Они красивы, пока молоды, и раскованы - это в любом возрасте, от молодого до преклонного. Откуда они здесь? Что им надо? Тоже сорваны с мест войной в соседнем Таджикистане?

- У каждого народа есть свои цыгане, и у таджиков тоже, - говорит Мифтахов. - Откуда они пришли и куда держат путь, не знаю, не поинтересовался. Но знаю, что они стоят здесь табором неделями и ловят дикобразов. Наверное, это прибыльно. И собаки у них натасканы на дикобразов. Жир дикобразов помогает при болезнях легких и потому стоит дорого. Отсюда и интерес цыган к этим животным.

Еще раз оглядываю цыган. Они чувствуют себя, как дома. Свободны, как перекасти-поле. Но счастливы ли? Этого за них сказать не могу. К тому же, у них свое представление о счастье. Это люди из другого мира, и мои мерки к ним не подходят.

Спускаемся к бетонной башне водоприемника. Вертикальная стена делит ее на две половины. Левое отверстие прикрыто плоским стальным затвором, массивным и надежным. В правое с шумом низвергается вода. Бетонная башня не дрожит, не вибрирует. Еще бы: через нее проходил и паводковый, во много раз более сильный поток. Туннель, в который ведет водоприемник, тоже поделен на две части стеночкой выше человеческого роста. Разделительная эта стенка нужна для того, чтобы, переключив небольшой зимний расход на одну сторону, осмотреть вторую сторону туннеля и, если надо, подшопать, отремонтировать ее, а потом, переключив расход на отремонтированную половину, устранить неисправности в другой части туннеля. Сейчас пришло время все это проделать, для этого и закрыли затвором левое отверстие. Затвор, однако, лег не совсем плотно на бетонный порог, и в зазор шириной два сантиметра хлестала вода.

- Резиновая прокладка опять не держит! - удивился Абдугани Сангинов, начальник СМУ «Туполанггидрострой». - Ладно, в прошлом году хлестало, - мы думали, потому, что затвор сделан не по проекту. Ладно, думали мы, - отступили от проекта и сами себя наказали. Теперь все сделали по проекту, -

откуда тогда щель? Придется опять затыкать мешковиной и присыпать грунтом. Тогда уж ни капли не просочится! Сейчас пригоню сюда экскаватор, и к вечеру мы задавим щель!

- Это потому, что резиновая прокладка слишком груба, неэластична. Будь напор посильнее, ее прижало бы к порогу. А теперь опять мешковина и суглинок, опять дополнительные расходы, - говорит Мифтахов. Его слушают, как человека, который знает, что говорит.

Щель эту зловредную действительно вскоре заткнули мешковиной, и руководители стройки решили спуститься в туннель, провести ревизию. Осмотрели, ощупали принесенные им резиновые сапоги и надели их – кто на портянки, кто на носки, и по ржавым стремянкам спустились во временную камеру управления затворами. До этой камеры туннель работает в напорном режиме, за ней в безнапорном. Так он сконструирован. Теперь, после первых лет эксплуатации водохранилища, предстояло эту временную камеру затворов упразднить, то есть демонтировать, а отверстия, этими затворами перекрываемые, расширить, чтобы они могли пропустить и катастрофический паводок, такой, какой может случиться раз в тысячу лет. Ибо при паводке любой силы вода перелиться через верх плотины не должна. Нелегко будет выжечь стальную облицовку камеры затворов и вырубить прочнейший железобетон. Но без этого не обойтись, проектировщики не пришли к другому решению. Возможно, его и не было, иначе мировая практика гидротехнического строительства его бы подсказала. Какая, однако, это будет трудная, неблагодарная работа! Адский труд.

Однако у всех в памяти пример Рогунской ГЭС, котлован которой оказался затоплен могучим паводком 1993 года. Сколько дорогостоящей техники ушло под воду, сколько уникального оборудования, только что доставленного из Петербурга! Пусть то, что произошло в Рогуне, объясняется самой неблагоприятной комбинацией многих неблагоприятных обстоятельств (отъезд специалистов, напуганных гражданской войной, сход селевого потока, закупорившего выходной портал строительного туннеля, плюс паводок небывалой силы). Но и в Чернобыле мы столкнулись именно с такой комбинацией неблагоприятных обстоятельств, и теплоход «Адмирал Нахимов» пошел ко дну тоже потому, что неблагоприятные причины наслонились одна на другую. Черное к черному, и снова черное – вот и катастрофа. Человеку надо идти впереди обстоятельств, чтобы руководить ими.

Я тоже надеваю резиновые сапоги и лезу вниз. Серая бетонная стена, естественно, ползет вверх. Скоро она становится мокрой. Чем ниже, тем чаще плачут стыки. Но это семечки в сравнении с тем, что ожидает нас в туннеле. Привыкаем к темноте. Только у двоих из нас слабые фонарики, дающие узко сфокусированный луч. В туннеле завалы из камней, которые принесла и оставила большая паводковая вода.

Перед каждым завалом маленькое озерко. Где – по колено, где и поглубже. Прикатились валунчики и по сто килограммов. С ними придется повозиться. Справа, за стенкой парашета, шумит Туполанг. Если пойдет дождь, воды прибавится, и поток начнет перехлестывать через парашет (вскоре так и произойдет, и работы придется временно приостановить). А стоило проектировщикам прибавить к разделительной стеночке еще полметра, и осенний дождь не смог бы стать досадной помехой.

Нас обдувает промозглый ветер. То тут, то там льется сверху. Но это мелочи. Бетонный пол туннеля под водой – в нормальном состоянии, раковин и других повреждений нет. Впрочем, детальный осмотр впереди. А убрать камни не составит особого труда. Сангинов опять вспоминает туннель в Рогуне. Туда затянуло слишком много камней. А тут еще сель подпер нижний бьеф. Никто его, естественно, не ожидал. Это было, как наказание свыше за гражданскую войну. Вода сначала полилась через перемычку, а затем срезала ее, как ножом. А ведь и турбина уже прибыла на площадку, и генератор. И трансформатор успели затащить на фундамент. Все замерло теперь в Рогуне, и надолго. А Таджикистан уже рассчитывал на энергию Рогунской ГЭС. Десять миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год – это много, очень много. Таджикистан смог бы расплачиваться ею за поставки узбекского газа. Более близкая ташкентцам Чарвакская ГЭС по мощности впятеро уступает Рогунской.

Продвигаемся вперед, держась стены. Неосмотрительный шаг, и мой сапог заливают вода. Еще одно неосторожное движение, и полон второй сапог. Это надо рассматривать, как плату за журналистское любопытство. Теперь бояться нечего и можно идти быстрее. Хуже уже не будет. Вот и свет впереди. Это конец туннеля. Свет в конце туннеля – действительно, яркий образ. Надо будет поднять оставшиеся шандоры. Часть воды стечет сразу, и в туннеле можно будет работать.

На выходе из туннеля установлены конусные затворы. Представьте себе трубу, из которой под хорошим напором вырывается вода. Если в такую трубу двигать конус, поток начнет расщепляться веерообразно, струя перестанет быть компактной, и ее размывающая способность резко снизится. Я видел, как работают такие затворы – на одном из водохранилищ в Чуйской долине. С их помощью осуществляется идеальное расщепление потока, от компактной струи остается лишь веер брызг. И – никакого размыва дна в нижнем бьефе, минимальные затраты на защиту от размыва.

Теперь – скорее наверх. Скорее переобуться и согреться. Действительно, назад ноги словно несут сами. У вагончика сидят рабочие, курят дешевые сигареты без фильтра, переговариваются. Ждут, что скажет

руководство, во сколько оценит предстоящую работу. Прикидывают, можно ли будет заработать. Пока стройка заработком не балует. Может быть, сейчас подвернется счастливый случай?

- Нет, меньше чем за миллион я в эту трубу не полезу, - говорит скалолаз-бородач из кишлака Хуфар, который за хребтом, что справа. Благодатное, кстати, место этот кишлак, чистое, с кристальными родниками. – За миллион я один все камни вынесу, а которые не подниму, те выкачу.

- Миллион! Чего захотел! – говорит совсем молодой бородач из другого горного кишлака. – Возблагодарим Аллаха, если всей бригаде за эту работу миллион дадут.

Я снимаю сапоги, выливаю из них воду, возвращаю хозяину. Выжимаю носки.

- Вот, и ноги заодно помыл! – говорит третий бородач.

- И носочки постирал! – вторит ему первый. Все правильно: и ножки помыл, и носки постирал. Под такие шуточки не простудишься, это исключено. Наконец, наверх поднимается руководство: Сангинов, Мифтахов, управляющий трестом «Туполанггидрострой» Евгений Петрович Захаров, начальник участка «Гидроспецстроя» Мавлес Рубенович Багдасаров.

- Слава Богу, ничего страшного! – говорит Багдасаров. – Я беспокоился напрасно.

- Хорошо строишь, Мавлес! – улыбается Захаров.

На глазок прикидывается объем работ, их стоимость. Обговаривается срок – две недели. Если более детальный осмотр не выявит разрушений бетонной рубашки туннеля.

А на плотину идут самосвалы. Спускаются сверху, на тормозах. Везут рваную скалу. Она светлая, синеватого цвета. Суглинок же в ядро пока не отсыпается. Ведется зачистка скалы на левом берегу и ее цементация. Сначала с помощью взрывов убирается верхний трещиноватый слой, затем бурятся скважины, и в них нагнетается цементный раствор. Чтобы закрыть путь воде через мельчайшие трещины. Чтобы между скалой и суглинком (а сопряжение разнородных материалов всегда уязвимое место) вода не нашла себе лазейки. Это будничная работа. Не всегда она видна. Например, абсолютно не видно, поставлена цементационная завеса или нет, – все это скрыто в земной тверди. Но, видимая или нет, делается вся работа, которую нужно сделать, чтобы гидроузел приобрел проектные очертания и проектную надежность. Надежность для такого объекта – дело первостепенное. От прорыва такой плотины может пострадать больше людей, чем от разрушительного землетрясения. Но еще ни одна плотина, построенная в Средней Азии, не была прорвана. Ни одна! Сложностей же сегодня на этой, как и на других строительных площадках республики, много, как никогда.

Абдугани Сангинов

На любом трудовом коллективе сказывается личность его руководителя. Так и здесь. Руководитель не только распоряжается, взыскивает за нерадивость. На нем лежит бремя ответственности за порученное дело. Спрашивая с подчиненных, он знает: спросят и с него. И спросят более строго.

Стройкой на реке Туполанг руководит инженер-гидротехник Абдугани Сангинов. У него открытое крутолобое лицо, цепкий взгляд, крутые плечи, приспособленные для нелегкой ноши. Как относятся к нему на стройке? С достаточным, замечу, уважением. В этом я смог убедиться лично. Я разговаривал со многими людьми, и не только с его подчиненными. Никто не сказал в его адрес недоброго слова, никто не заявил, что он не на месте. Никто не сказал: «Вот такой-то повел бы дело лучше». Да, молод и эмоционален. Но стремится поступать по справедливости. А справедливость – это то, что понимает и ценит каждый.

Несколько раз он приезжал на стройку совсем больной, с раздувшейся от флюса щекой и слезящимися глазами. Он не хотел, чтобы дела обтекали его стороной. Хотя прекрасно знал своих людей, знал, что ему есть на кого положиться. Уважали его, как я понял, и потому, что он не давил на подчиненных (если нужно, было и это, но в последнюю очередь, после того, когда он убеждался в неэффективности других средств воздействия), оставлял им место для инициативы, самостоятельности. Не последнюю роль в авторитете Сангинова играет и то, что он – свой по происхождению, карьере (рос на глазах), обращению.

Но познакомимся с ним поближе.

Рассказывает А. Сангинов: «Родился я в семье служащих. Отец Абдурахман работает главным агрономом в колхозе имени Юлдаша Ахунбабаева. Работой своей доволен. Люди к нему прислушиваются, в кишлаке это главное. Человеческое уважение и есть признание заслуг. Если бы меня спросили, что такое для меня пример оцта, в чем он выражается, я бы сказал – в постоянстве интересов, привязанностей, симпатий. Моя мать Саидбиби Махмудова всю жизнь проработала дояркой. Рано вставала, и весь день, как маятник: дом – ферма, дом – ферма. У меня четыре брата и две сестры. Нормально. Для русских такая семья тоже была нормой в начале века. В такой семье дом не может лежать на одной матери, она просто не вытянет этой колоссальной нагрузки, особенно если она еще и работает. И мы, мальчики, и сестры быстро становились помощниками взрослых. Нам всю жизнь помогала бабушка, ее я видел даже чаще, чем мать. Две недели назад она умерла. Ей было 78 лет. Она прожила прекрасную жизнь, но почему-то осознание этого не облегчает утраты. Сейчас бабушка в садах Аллаха. За все то замечательное, что она сделала для нас, для

меня лично, я говорю ей: «Спасибо!» Спасибо ей за то, что она была, и за то, что любила нас. Такая любовь незаметна, как воздух, зато заметно ее отсутствие: вдруг не хватает воздуха, и задыхаешься.

Отец мой по своему характеру труженик. Он сизмальства приучал нас к труду. Его девиз: без трудолюбия нет ни благополучия, ни семейного счастья. Он учил нас: рубль лежит в земле на глубине в один метр. Смысл: копай, возделывай землю, она отблагодарит сторицей. У нас дома ухоженный огород, парники, теплица. Я рано узнал, как выращивать капусту, помидоры, морковь, что надо делать, чтобы корова давала много молока, а куры хорошо неслись. А на школьной скамье я познакомился с хлопковым полем. Каждая осень – это хлопковая страда, это трехмесячный урок труда. Сурхандарья, в отличие от Ташкентского оазиса, в уборке хлопка всегда больше полагалась на руки, чем на машины. Хотя по сводкам и доля машин в уборке урожая была достаточно высока, не хуже, чем у соседей. Ну, а чьи руки собирают хлопок? Руки детей и женщин. С их помощью и убирался урожай, всегда высокий, до последней коробочки. Я рос, у меня были свои обязанности, я выполнял их и никакого внутреннего сопротивления не испытывал. Я был в семье старший, братья и сестры меня слушались».

- Так вот где начало ваших командирских навыков! – говорю я.

- Очень даже может быть. Командирские навыки приобретаются не в стенах института, они закладываются в человеке много раньше. Четыре младших брата, две сестры – это уже бригада. Каждому надо дать дело по силам, по навыкам, чтобы нравилось. Аналогия с бригадой, конечно, не прямая, но общего не мало. У каждого свой характер, своя реакция на команду. Я это учитываю, ищу к каждому индивидуальный подход. Тогда, конечно, про индивидуальный подход я не слышал, теперь знаю, как это называется. Вообще же, счастливое это было время – детство, юность. Меня любили, мир открывался мне. Да, золотое было время, неповторимое. Жизнь взрослых все-таки не так эмоциональна и непосредственна.

После школы я с первого захода в институт не поступил. Узнал из газеты, что управлению «Туполанггидрострой» требуются рабочие. Я пошел, год проработал на изысканиях. Второй заход в институт был удачный. Знаний по школьной программе у меня не прибавилось, но жизненный опыт стал богаче. Я стал студентом гидротехнического факультета таджикского сельскохозяйственного института. Какие это чудесные годы, вы знаете. Лекции, курсовые проекты, сессии, практика. И огромное желание познать мир. Будущее казалось прекрасным, ведь мы жили в лучшей в мире стране, у нас был лучший общественный строй. Но не мною сказано, не мной открыто: все хорошее быстро кончается. Быстро пролетели и студенческие годы. В 1982 году я вернулся сюда, уже с дипломом инженера. Начальником управления тогда был Юлдаш Рахимов. Он направил меня в строительную лабораторию. Там я откровенно скучал, но год выдержал. И попросился на более живое дело. В 1984 году у меня уже был участок.

К стройке я привыкал долго. Я попал к самому началу. Кругом все голое, ни одной столовой. Набегаешься, намотаешься, накричишься, и негде передохнуть, прийти в себя. Дорога на створ отнимала два часа. Да и к горам я не привык, мне более по душе равнина, открытый горизонт. Ущелье на меня давило. Нет, думаю, не приживусь, уйду, что-нибудь поищу другое, зачем себя неволить? Спасибо Захарову. Евгений Петрович уговаривал, доказывал, что как раз на таких стройках формируется настоящий мужской характер. Еще он учил меня думать по инженерному, отвечать за людей, за порученное дело. По этой части институт не дает почти никаких знаний, тут все решает практика. И вдруг я смотрю – пошло у меня. Я втянулся, привык, приклеился, и другая работа, другие возможности перестали меня привлекать. Перелом произошел, когда мне поручили ведение бетонных работ. Эти работы внешне просты: ставь опалубку, ставь арматурные каркасы, заливай в опалубку бетонную смесь, а потом опалубку разбирай. Но бетонные работы очень трудоемки и своеобразны, достаточно специфичны. Ну, смешал в заданной пропорции цемент, песок, щебень и воду, уложил в опалубку, дал затвердеть – и готово. Оно и так, и не совсем так. Требований к бетону много, но одно из них главное – плотность. Уплотнил как следует бетонную смесь вибраторами, выжал из нее весь воздух, и почти автоматически удовлетворяются все другие требования – водонепроницаемость, морозостойкость, прочность. Это тяжелый вид работ. Это настоящее мужское дело, как добыча угля и плавка стали. Провести в блоке бетонирования восемь часов с вибратором в руках по силам только физически крепкому, уравновешенному человеку, которого с детства приучили не ловчить, свою ношу нести самому. Экипировка – резиновые сапоги, брезентовая роба, рукавицы. И я в этой гуще, я отвечаю за бетонные сооружения, которым стоять века. Я веду самые ответственные работы. Об этом периоде моей жизни можно рассказать и больше, но я не говорю, затащить меня на трибуну трудно. Длинных тостов я тоже не люблю, хотя посидеть с друзьями за достарханом – что может быть лучше?

- Есть хороший снимок, сделанный в день перекрытия Туполанга. Вы там в центре, в белом плаще, как главнокомандующий, - говорю я. И достаю эту фотографию. Абдугани смотри на нее с чувством глубокого удовлетворения. Вспоминает, как все тогда было – месяцы аврального напряжения, затем завершающий рывок – перекрытие! – и банкет, венчающий успех.

- Белый плащ! – вспоминает он. – Вот ведь как это можно истолковать. Да, я любил этот плащ, он шел мне. Но командовал тогда Евгений Петрович, и командовал грамотно, так что реку мы направили в туннель, словно послушную девочку мать повела в школу. Бульдозеры легко засыпали проран. Тогда по реке

шло двадцать кубометров в секунду. Разве это серьезный расход? Помню, по мусульманскому обычаю мы тогда зарезали корову, ее кровь спустили в реку. Осветили это событие. Потом был той. А я в своей памяти сделал еще одну зарубку: очень важно, чтобы люди, с которыми ты работаешь и за которых отвечаешь, были довольны. Да, перекрытие в истории такой стройки, как наше – это событие этапное. Стройка как бы вступает в пору зрелости. Ибо начинается главное – отсыпка плотины.

- То, что вы в день перекрытия зарезали корову и спустили в воду ее кровь, зафиксировали средства массовой информации? – спросил я, улыбаясь.

- Что вы! Есть внешняя сторона дела, открытая для всех, а есть и сокровенная сторона, увидеть которую дозволяется не каждому. Тогда мусульманские обычаи выполнялись негласно, не афишировались. У руководства могли быть неприятности. После перекрытия встретили новый год, и я как бы заново родился на свет. Словно второе дыхание появилось. Хотелось работать, многое успеть. Мы огородили котлован перемычками, поставили насосы, откачали воду, стали выбирать грунт. Ведь ядро плотины должно плотно прилегать к скале, к скальному основанию. Первыми в котлован спустились маленькие экскаваторы, с ковшом емкостью 1,25 кубометра. Затем загнали карьерные экскаваторы, с ковшом емкостью 5,5 кубометра. Это электрические машины, они боятся воды и не могут работать, если вода поднимается выше, чем на полметра. Тогда вода замыкает их электрические системы. Насосы работали непрерывно, и выемка грунта шла гладко. Все ладно, хоть кино снимай. А долго так не бывает. Всегда что-нибудь приключится. И приключилось. Из ковша карьерного экскаватора выпал камушек кубометра на два. И прямо на магистральную трубу водоотлива. И перебил ее. Фонтан! Чрезвычайное происшествие. А я в это время сижу на партийном собрании. Собрание свернули в пять секунд, все помчались в котлован. Из трубы хлещет, вода прибывает. Стемнело, но домой никто не едет. Насосы остановили, воду спустили, поврежденный кусок магистрали вырезали, заменили. И что запомнилось – людей в котловане много, а суеты, нерасторопности нет. Слаженно действовали. Вновь пустили насосы, и отлегло от сердца. Вот вам чрезвычайное происшествие, но без серьезных последствий. А промедли мы, и залило бы котлован, технику.

- Как в Рогуне?

- Что вы! Там беда превратилась в бедствие. Там одно наслоилось на другое. У нас же была обычная авария, без вмешательства стихии. На стройках такого масштаба это не редкость. Позже, когда мы расчистили котлован, вода еще долго преследовала нас по пятам. Мы вели бетонирование концевых сооружений. Иной раз за сутки укладывали по шестьсот кубометров бетона. Это, еще раз повторяю, мужская работа. Все наши концевые сооружения на водовыпусках стоят на свайных основаниях. Сваи глубиной 16 метров, буронабивные, их ставил «Гидроспецстрой». Свою работу и они, и мы сделали на совесть.

- Теперь в составе гидроузла появилась гидростанция, - напомнил я. – Когда плата за топливо приближается к мировым ценам, отношение к гидроэнергетике меняется. Ведь вода, накопленная за плотиной, относится к тем природным ресурсам, которые возобновляются.

- Вот именно! ГЭС в составе гидроузла - это, прежде всего, работа. Это водоводы, пробитые в скале. Это здание станции, оборудование – турбины, генераторы, трансформаторы, линия электропередачи. Это и хозяйский подход республики к своим природным ресурсам.

- Выходит, прежние цены на нефть и газ, почти в десять раз ниже мировых, делали гидростанцию при Туполангском водохранилище нерентабельной? – спросил я.

- Недостаточно рентабельной, - поправил меня Сангинов. – Сейчас ситуация изменилась. Ведь за электричество Нурека Узбекистан будет платить по мировым ценам, а прежде мы брали ее почти по себестоимости.

- Понятно.

- То, что мы делаем, абсолютно надежно. Весной 1993 года прошел очень сильный паводок. Приток в чашу водохранилища превышал 350 кубометров в секунду. Мы наблюдали: за час вода сначала поднималась на один метр, потом на полметра, потом на тридцать сантиметров. Мы накопили в чаше более пятидесяти миллионов кубометров. Потом паводок пошел на убыль. Все сооружения показали себя хорошо. В нижний бьеф шло 175 кубометров в секунду. Наша плотина в состоянии выдержать подземные толчки силой 9 – 10 баллов...

У Абдугани Сангинова шестеро детей, из них пятеро – сыновья. Старший ходит в седьмой класс.

Проект гидроузла

Туполангское водохранилище проектирует институт «Узгипроводхоз», старейший в Узбекистане. Опытных специалистов ему не занимать. Вообще, ташкентская школа гидротехнического строительства хорошо известна в мире, особенно в странах Ближнего и Среднего Востока. Но время сейчас не простое, безденежное, и заказы на проектную документацию резко сократились. Начался отток специалистов.

- У меня одна забота – сохранить костяк института, его интеллектуальный потенциал, - говорит директор института Тургун Джураевич Абидов. – На скорый бум в водохозяйственном строительстве мы не рассчитываем, но ирригация и сельское хозяйство в нашем краю нераздельны, и я оптимистически смотрю в

завтрашний день. Полагаю, что наше сельское хозяйство будет меняться в лучшую сторону. На селе столько инициативных, трудолюбивых людей! И скоро Узбекистан будет знаменит не одним хлопком.

Но Тургуну Джураевичу некогда долго растекаться мыслью по древу. Спускаемся на грешную землю. Рабочие чертежи на стройку поступают по графику, все вопросы с подрядчиком и заказчиком решаются конструктивно, как и положено. Правда, прежний главный инженер проекта Евгений Ткаченко проявил строптивость и уволился, его заменил Ресхиходжа Азаматов. Он хорошо знает объект, молод, контактен, деликатен, имеет надежный теоретический и практический багаж. Должность, как полагал Абидов, ему по силам. Люди, которые с ним работают, знают свое дело, так что за Туполанг он спокоен.

Азаматов, как мне показалось, отвечал характеристике, данной ему Абидовым. Он говорил спокойно и основательно, и негромкий голос его, однако, оставлял впечатление уверенности и силы. В глазах же его не гасла печаль; скорее всего, они всегда были такими. Азаматов тоже коснулся ухода Ткаченко. Да, был конфликт с подрядчиком и заказчиком, да, Ткаченко встал на дыбы. Но ни одна большая стройка не обходится без того, чтобы временами не осложнились отношения между теми, кто проектирует, и теми, кто строит. В данном случае, взаимопонимание достигнуто не было.

Что ж, большие стройки нигде не ведутся бесконфликтно. Естественно стремление строителей что-то упростить, а что-то усовершенствовать, рационализировать, подвести под свои возможности, которые не всегда отвечают замыслам проектировщиков. И отступления от проекта по первой и по второй причинам не так уж редки. Нельзя исключать и откровенного брака, когда только и остается сломать сделанное неправильно и сделать правильно. В любом деле есть свои сложности, и жизнь диктует, как поступить в каждом конкретном случае. Это и есть самый правильный критерий.

Я соглашаюсь с Ресхиходжой: жизнь научит, и жизнь рассудит.

Рассказывает Р. Азаматов: «Темпы возведения Туполангского гидроузла зависят от состояния экономики республики, от ее экспортных возможностей. Многие на стройку поступает из России, из других бывших союзных республик, которые теперь суверенные государства. Наши только местные материалы, цемент и арматурная сталь. Настроение неважное. Неразбериха – худшее из зол. Наш гидроузел уникален по своим характеристикам, таких объектов в бывшем Союзе совсем немного. Высокой стала текучесть кадров, я имею в виду и институт, и стройку. Мы теряем специалистов, опыт которых нарабатывался десятилетиями. Я бы хотел, чтобы наши специалисты раскрывали себя здесь, на своей родине, а не за тридевять земель отсюда. Отношения со строителями и с заказчиком складываются нормально. Столкновение мнений при этом явление тоже нормальное, и это не должно перерастать во взаимную неприязнь. Как теперь выясняется, на створе недостаточно подробно была проработана геология. Сейчас выявлены линзы, инновключения, о которых мы не знали. Люди стараются, но не все у них получается, – потому что не все от них зависит. Перспективы не ясны. Хотелось бы, чтобы экономика быстрее пошла в гору. Заработают заводы, построенные старшим поколением, – всем станет легче.

Из того, чем живет сейчас наш институт, отмечу возвращение к малым ГЭС. Одно время мы о них забыли. Мы и слышать о них не хотели. А теперь дорогие энергоносители заставляют считать копейку. Ведь было: давай гиганты! Теперь если есть перепад в пять – пятнадцать метров, если есть расход в пять кубометров в секунду, надо ставить малую гидростанцию. Она себя окупит. Я уверен, Узбекистан будет не только страной сельскохозяйственной, но и индустриальной. Ирригация – тоже индустрия, ей остро нужна новая техника. В Израиле какая-нибудь девочка управляет посевами хлопчатника на площади в сто гектаров, и эта технология называется капельным орошением. Нам остро нужны принципиально новые водосберегающие технологии».

Это все, что мне удалось услышать от молодого главного инженера проекта. Наводящие вопросы мало что прояснили. Я еще на пять минут отвлек директора Т. Д. Абидова от основных дел. Он сказал, что сейчас институту дышится легче, чем в прошлом году, но потеряна половина людей, из полутора тысяч человек осталось семьсот. К сожалению, ушли не одни пенсионеры, среди которых тоже много первоклассных специалистов. Ушло много перспективных инженеров. «Наверное, такие институты, как наш, должны быть бюджетными, а не хоздоговорными, – рассуждает он. – Опыт, наработанный за десятилетия, мы не должны терять, это наше национальное богатство. Было бы хорошо, если бы правительство подумало, как социально защитить специалистов, как востребовать их высочайший творческий потенциал».

Заместитель главного инженера проекта Виктор Алексеевич Егорушкин работает в институте двадцать третий год. И пока у него только одна запись в трудовой книжке – о поступлении на работу. Он однолюб в том, что касается работы. Возможно, он однолюб и в личной жизни, но этой темы мы не касаемся. Роста он выше среднего, лицо открытое, взгляд прямой, острый. Выпячиваться не привык, но своим возможностям цену знает.

- Чем запомнилась мне работа по проектированию водохранилища? – переспрашивает он. – В этой работе было куда больше борьбы, чем удовольствия. – Он смотрит на меня и ждет реакции на его слова.

- Значит, была борьба? Из чего же она состояла? Не из одного столкновения мнений?

- Мнений было много, - замечает Егорушкин. – А работа у меня интересная, на другую не променяю. Я рисую, кто-то строит. И сразу видна отдача. Гидротехником я стал потому, что вырос на воде, в Чарджоу, на берегу Амударьи. Насмотрелся, как река слизывала берега, поля. Все это ухало в мутную амударьинскую воду, как в бездну. Было, – и нет, одно воспоминание. Я говорил себе, что если научусь умирять воду, принесу людям пользу. Это впечатления детских лет, я давно уже не рассуждаю так прямолинейно. Но все годы работы в стенах этого института я веду борьбу за реализацию проекта. Чтобы СМУ «Туполанггидрострой» не отступало от проекта.

«Борьба! – подумал я. – Запрограммированы мы на нее, что ли? Или иначе не поработаешь в свое удовольствие?» А спросил совсем о другом: «Каким было начало?»

- На такие стройки первыми приходят изыскатели. Изучают один возможный створ, второй, третий, сопоставляют варианты. Наконец, одному из вариантов отдается предпочтение, и он прорабатывается более глубоко. Изыскатели назвали нам два створа: дальше смотрите сами. Геологи обследовали основание. Оно оказалось надежным, для высотной плотины это – главное. У створа, который мы выбрали (за него высказалась экспертиза), есть свои нюансы. Есть разломы, но они старые. Есть малоизученные грунты – гипсовые прослойки на глубине сто метров и глубже. Как они поведут себя при проектном напоре? На всесоюзном конкурсе наш проект получил первую премию. Мы тогда чуть с ума не посходили от радости. А потом пошла проза буден. Для плотины тоже просчитали варианты: бетонная гравитационная, бетонная арочная и так далее. Когда доказываешь и видишь, что с твоими доводами считаются, это приносит удовлетворение.

Стройка – сложный, живой организм. Первое требование к проекту, к подрядчику – высокое качество. Это первооснова, фундамент. Должен сказать, что требования наши в основном выдерживаются. Но сейчас все усложнилось. Уходят, бегут специалисты. Как их удержать, чем заинтересовать? Возможностей института для этого явно недостаточно. К объемам водохозяйственного строительства, которые существовали в советское время, в восьмидесятые годы, Узбекистан возвратится не скоро. Первый главный инженер проекта Ткаченко ушел, не выдержав тяжести борьбы. А таких специалистов, как Ткаченко, в Узбекистане два-три, не больше.

- Виктор Алексеевич, вы опять употребили слово «борьба». Вы бесконечно боретесь. Ткаченко боролся и ушел - «не вынесла душа поэта...» В то же время вы отметили, что строители работают надежно. Не создан ли и не поддерживается ли у вас искусственно культ борьбы? От нормальной работы, как я понимаю, получаешь удовлетворение. А как получать удовлетворение от нескончаемой борьбы?

- Нас не всегда понимают.

- Но это жизнь. Ведь вы имеете дело с людьми, опыт которых сложился в несколько иных условиях, нежели ваш – в условиях строительной практики. Отсюда и несколько иные критерии в оценках ситуации. В конце концов, вы как-то защищаете свою точку зрения. Ведь так?

- Путь к согласию лежит через борьбу.

- Представляю, сколько в этой борьбе искусственного, наносного. Амбициозного. Наверное, у строителей нервы крепче, и они чаще настаивают на своем. Так или нет?

- Вы угадали.

- Мне много лет, вот я и угадал. Мой вам совет: поменьше боритесь со своими.

Не знаю, последует ли уважаемый Егорушкин этому совету. Сам я в каких только жизненных ситуациях не разбирался! И смею утверждать: понять человека, внять доводам второй стороны вовсе не означает потерять собственное лицо. Напротив, это куда чаще укрепляет авторитет, чем подрывает его.

Наверное, читателю этой книги будут интересны некоторые выдержки из проекта Туполангского водохранилища. Вот они. Полная емкость водохранилища – 500 миллионов кубометров, полезная – 470 миллионов. Орошаемая площадь на базе водохранилища: новое орошение – 37 тысяч гектаров, повышение водообеспеченности существующих оросительных систем – 90 тысяч гектаров. Основные параметры реки Туполанг: среднегодовой сток – 1524 миллиона кубометров, среднегодовой расход – 50,5 кубометра в секунду, расчетный максимальный расход 0,01 процента обеспеченности – 708 кубометров в секунду (паводок такой силы по теории вероятности может случиться раз в десять тысяч лет), расчетный максимальный строительный расход 1-процентной обеспеченности – 465 кубометров в секунду. Параметры гидроузла: высота плотины из местных материалов – 188 метров, водовыпуск туннельного типа, расчетный расход 125 кубометров в секунду, максимальный – 300 кубометров в секунду, водосброс – туннельный, с поверхностным водозабором. Класс капитальности плотины и всех сооружений – первый. Объемы основных строительных работ: земляные – 17 миллионов кубометров, бетонные – 160 тысяч кубометров, цементация основания – 234 тысячи метров; вес технологического оборудования и металлоконструкций – 3,5 тысячи тонн. Капитальные затраты – 257 миллионов рублей (примерно 257 миллионов долларов). Срок окупаемости капиталовложений – четыре года.

Существующее положение в сельском хозяйстве. Сурхандарьинская область площадью 20 тысяч квадратных километров – самая южная в Узбекистане. Климатические условия здесь благоприятны для

возделывания всех сельскохозяйственных культур, районированных в Средней Азии, в том числе тонковолокнистого хлопчатника. Население области 900 тысяч человек, из них сельское – 720 тысяч. В сельском хозяйстве занято 135 тысяч работников. Земледелие базируется на орошении. Земли южной зоны области орошаются из Южносурханского и Учкызылского водохранилищ. Их водообеспеченность удовлетворительная. Иное положение в северной зоне, где источниками орошения являются правые притоки реки Сурхандарья, в том числе и Туполанг. Земли северной зоны испытывают постоянный недостаток в воде, особенно в последние месяцы вегетации (август – сентябрь). Это сказывается на урожае. При относительно высокой урожайности хлопчатника продуктивность остальных культур низкая. В маловодные годы подсушиваются сады, виноградники. Скучной остается кормовая база животноводства.

В питании реки Туполанг преобладают талые воды сезонных снегов, влияние высокогорных снежников и ледников невелико. Неравномерность стока ведет к низкой водообеспеченности орошаемых земель. Всего в зоне влияния Туполангского водохранилища 127,4 тысячи гектаров.

Вариант с плотиной из местных материалов. Ядро плотины центральное, вертикальное, симметричного сечения, из суглинка, объем 1930 тысяч кубометров, ширина поверху шесть метров, по основанию – 102 метра. Переходные зоны обеспечивают сопряжение ядра с боковыми упорными призмами. Учитывая высоту плотины, крутые борта каньона и опасность трещинообразования в ядре, переходные зоны намечены двухслойные, с толщиной слоев три – четыре метра. Упорные призмы возводятся из горной массы, общий объем насыпи 10,2 миллиона кубометров. Откосы упорных призм пригружаются крупным камнем, толщина пригрузки десять метров. Заложение верхового откоса 2,3, низового – 2,1. Гребень плотины имеет ширину 10 метров, из условий обеспечения проезда. Для уменьшения фильтрационных характеристик пород основания плотины и бортов предусмотрена глубокая цементационная завеса.

Просчитывался также вариант гидроузла с арочной плотиной и с плотиной, возводимой методом направленных массовых взрывов. Оба эти варианта оказались заметно дороже первого, и предпочтение эксперты отдали плотине из местных материалов. Кстати, плотины этого типа наиболее у нас распространенные.

Производство строительных работ.

В течение первых двух лет строительства пропуск расходов реки Туполанг производится по руслу реки. В это время пробивается строительный водопропускной туннель и начинается разработка береговых участков котлована плотины. В начале третьего года воды реки перепускаются в строительный туннель и выполняются работы по расчистке основания и последующему возведению плотины, водосброса. Паводок восьмого года пропускается через водосброс и водовыпуск, что позволит наполнить водохранилище до отметки нормального подпертого уровня.

Проект – это чертежи и пояснения к ним. Во многих томах, на тысячах листах. Это концентрат творчества многих инженеров. В проекте зафиксировано умение специалистов рассчитывать и предвидеть. Того, что они должны предусмотреть, мне и не перечислить. Да и скучно это будет для непосвященного читателя. Ибо большая часть технических подробностей понятна только специалисту. Другое дело человеческие отношения. Они всем понятны, а на больших стройках яркие и выпуклые, вбирают в себя и индивидуальное, идущее от конкретной личности, и общее, идущее от потребностей страны.

Проект гидростанции

Когда-то «Средазгидропроект» был отделением всесоюзного ордена Ленина проектно-исследовательского и научно-исследовательского института «Гидропроект» имени Жука, затем отпочковался от него, сохранив творческие связи. Это очень серьезная, сильная проектная организация. В его кабинетах родились чертежи нурекской гидроэлектростанции с самой высокой в мире плотиной. Его специалисты спроектировали десятки ГЭС в Средней Азии и за ее пределами. Опыт его инженеров бесценен, он сродни свободно конвертируемой валюте. Его специалисты, волею судьбы попавшие в Израиль, США, Германию, и там были быстро замечены, быстро попали в соответствующие проектные конторы и получили там первые роли. Интеллект в современном мире ценится не наравне с золотом, а выше и в шкале ценностей стоит впереди него. Помню, наши хлебосольные сибиряки, принимая гостей из Японии, долго перечисляли им богатства своего края: это и нефть, и газ, и лес, и вся таблица Менделеева в рудах и россыпях, и рыба, и меха. Японцы терпеливо слушали, затем один из них сказал: «А у нас тут, тут богатство!» И постучал себя пальцем по выпуклому лбу. Все остальное, сказал он, мы покупаем.

Узбекская школа гидротехников и ирригаторов располагает кадрами высшей квалификации. Это уникальные специалисты, их опыт и знания пополнялись десятилетиями. Начиная с Большого Ферганского канала, который был прорыт кетменями всего за сорок дней, не было года, чтобы в Узбекистане не закладывали очередной крупный водохозяйственный объект. Ну, а опыт и качество неразделимы. Каждый новый канал или гидростанция – это всегда и новый шаг в деле накопления опыта.

Заведующий отделом перспективного проектирования института Владимир Поликарпович Никаноров – старейший специалист. Это эмоциональный человек высокого роста и спортивного сложения.

Умелый рассказчик, из массы фактов отбирает самые весомые. Его обобщения строятся на глубоком знании экономики и хозяйственных проблем.

- Границы между бывшими союзными республиками, а ныне суверенными государствами обозначены четко, - говорит Никаноров. – Но на высоковольтных линиях электропередачи они не сказались. И плохо, если скажутся. Объединенная энергосистема Средней Азии и Южного Казахстана функционирует четко и себя оправдывает. Восемьдесят процентов наших генерирующих мощностей – это тепловые электростанции, которые работают в основном на природном газе. Двадцать процентов электроэнергии вырабатывают гидравлические станции. В Киргизии и Таджикистане почти вся электроэнергия производится ими. Только пограничный Пяндж, если на нем построить все гидростанции, намеченные схемой комплексного использования водных ресурсов Амударьи, способен вырабатывать 90 миллиардов киловатт-часов электроэнергии в год. Конечно, до осуществления этой перспективы страшно далеко, сначала на афганскую землю должен прийти мир. Немало гидроресурсов и у Киргизии. Нарын по своему энергетическому потенциалу лишь немного уступает Волге. И Таджикистан, и Киргизия крайне бедны энергоносителями и могут уповать только на энергию своих горных рек. А это, кстати, экологически самый чистый источник энергии. У нашего института одно время сложились неплохие отношения с китайскими проектировщиками. Но когда Союз распался, их интерес к нам погас, ведь они искали не столько оригинальных проектных решений, сколько льготных кредитов. В Иране, куда американцам доступ пока закрыт, почти все реки оседлали немцы и японцы. Япония предоставила Ирану шестимиллиардный кредит и забрала себе все его реки. Мы сейчас оторваны от своих московских, петербургских, киевских коллег. У нас накоплен богатейший опыт. Но он сейчас почти не реализуется. Специалисты видят это и уходят. Им тяжело, ведь они уходят от любимого дела.

- Простите, Владимир Поликарпович, что перебиваю вас. Вы сказали, что Япония дала Ираку многомиллиардный кредит, в том числе и на развитие ирригации, и сама же его реализует. Ее компании взяли себе все заказы. А где конкуренция?

- Кто платит, тот диктует условия. Взаимоотношения между государствами куда более прагматичны, чем нам кажется. Институт почти лишился молодежи до 40 лет. Как быть? Я скажу. Гидроэнергетику нельзя отодвигать на второй план. Газ, нефть, уголь – ресурсы не возобновляемые. Вода же в наших реках течет постоянно. Кто-то ратует за использование нетрадиционных источников энергии – солнца, ветра. Но пока все это ближе к чистой науке, чем к практике. Стоимость электричества, которое вырабатывают солнечные батареи или ветряные двигатели, в десять раз выше, чем на тепловых или гидравлических станциях. Мы предложили построить гидростанции на Гиссаракском, Сохском и Туполангском водохранилищах. В этом плане Туполанг – настоящая изюминка. Станция будет вырабатывать 500 миллионов киловатт-часов электроэнергии в средний по водности год. Проект ГЭС уже выполнен и утвержден Кабинетом министров. Сложности, которые ждут нас на Туполанге – это большой объем проходческих работ. Сейчас мы бьемся над тем, чтобы их уменьшить.

Что еще делает институт? Работает над Пскемом. Пскем – целиком узбекская река, и никто не может запретить нам строить на ней гидростанции. Ведь киргизское правительство сколько лет противилось возведению каскада чаткальских ГЭС! Мол, водохранилища затопят их угодья!

- Старый аргумент, а какой живучий. Был я в этом году на Чаткале, выше урочища Найза. Киргизы даже скота не выпасали там, травы были выше человеческого роста. Но все равно не разрешают.

- Отношение киргизского правительства к строительству каскада чаткальских ГЭС не столь негативное, как раньше, - продолжает Никаноров. – Уверен, что нам удастся использовать Чаткал совместно. Пока же мы прорабатываем экономическое обоснование Пскемского гидроузла. Среднегодовой расход Пскема 60 кубометров в секунду, Чаткала – вдвое больше. Значит, электростанции на Чаткале будут вдвое дешевле. Если мы не временщики и как следует подумаем о наших детях, мы будем строить гидравлические станции. Кстати, говоря о Чаткале, где собирались создать большой заповедник, один киргизский академик сказал: «Давайте несколько потесним оленей, медведей и кабанов и хотя бы немного улучшим жизнь людям». Симптоматичное заявление. Да, жизнь – великий учитель, никто лучше нее не учит сотрудничеству. Чтобы что-то купить у соседа, ему надо что-то продать. А электрическая энергия – прекрасный товар. У нас любят кричать: не портите наши реки, перегораживая их плотинами! Но почему не пишут о том, что как ни сильны экологические общества в Скандинавии, там не осталось ни одной мало-мальски большой реки, сток которой не был бы использован для выработки электроэнергии. Каждая река в Скандинавии – это непрерывный каскад водохранилищ с электростанциями. И никакого шума по этому поводу: экономическая целесообразность! Рашидов всего на один год не успел: мы бы сейчас имели на реке Чирчик на один миллион киловатт энергетических мощностей больше.

Пскем и Чаткал – последние крупные резервы Узбекистана в области гидроэнергетики. В долине Чаткала люди стали селиться очень давно. Археологи обнаружили здесь древние поселения. Сегодня только в Ташкенте живет два миллиона человек, и столько же – в Ташкентской области. Нагрузка на реку очень велика. Туп и водообеспечение городов, и орошение. Зимой расходов этой реки уже не хватает на бытовые

нужды, и если бы не Чарвакское водохранилище, Ташкент сидел бы на голодном водном пайке. Так что новые водохранилища на Чаткале и Пскеме Ташкентскому оазису просто необходимы. К тому же, часть Чаткальской воды идет на нужды Казахстана.

Сейчас строители спустились в самое русло Чирчика. Черпают гравий, песок, возводят разные объекты, с нами не советуются. Пока по руслу проходит паводок в 500 кубометров в секунду, это не страшно. Однако катастрофический водосброс Чарвакского гидроузла рассчитан на пропуск 2400 кубометров в секунду. В многоводном 1969 году Чарвак спускал 2000 кубометров в секунду. И если паводок такой силы повторится, он выметет из русла Чирчика все постороннее. Все сметет, и будут жертвы. Ибо никто не допустит перелива воды через гребень Чарвакской плотины. Словом, надо скорее завершать работы по составлению схемы комплексного использования водных ресурсов реки Чирчик и потом не отходить от нее ни на шаг, - заключает Владимир Поликарпович.

- Для такого большого института с работой совсем не густо! – замечаю я.

- Совсем не густо! – соглашается Никаноров и показывает телеграмму из Туркмении со списком объектов для проектирования, миллионов так на сто. Это уже кое-что. Намечается переброска части стока Мургаба в Теджен. Возможны и гидростанции на перепадах Каракумского канала.

- Мы предложили туркменам поставить ГЭС на входе в залив Карабогазгол. Перепад там невелик, зато ток воды постоянный. Правительство Туркменистана пока сомневается, нужна ли республике эта гидростанция. А почему бы нет? В Таджикистане, очень богатом гидроресурсами, пока много неразберихи. На Памире мы пускаем малую ГЭС мощность. 14 тысяч киловатт, без нее там будет очень холодная зима. Там уже вырубил все, что можно. Реальны новые гидростанции ниже Нурека. Ну, а Пяндж – это отдаленная перспектива, двадцать первый век. Ибо никто пока не знает, когда на несчастную афганскую землю придет мир и междоусобицы перестанут терзать эту многострадальную страну. Был там король и оказался плох. Были наши ставленники и оказались совсем плохи. А ведь кто-то должен объединить и успокоить афганцев. Таджикикам сейчас важнее всего пустить Рогунскую ГЭС. Для этого на стройку необходимо вернуть специалистов. Нет, мы пустим турбины в Рогуне!

А в Киргизии нас привлекает Нарын. Схема комплексного использования этой реки готова, и ее надо осуществить. Дело только в отсутствии средств. Вложение капитала в гидравлические станции Нарынского каскада так же беспроигрышно, как и в богатые месторождения золота. Уверен, в Киргизию, в Таджикистан вскоре потянутся деловые люди со всего мира. И работы на Нарыне и Вахше возобновятся. Ведь даже такая большая и не бедная страна, как Бразилия, не сама построила свои огромные ГЭС на Амазонке и ее притоках. Кстати, эти станции отобрали пальму первенства у российских Братской и Красноярской ГЭС.

Владимир Поликарпович дает понять, что сказал все, что хотел. Перспективы, конечно, есть, но как их реализовать при сегодняшнем почти полном отсутствии денег у государства? Ведь частные фирмы финансировать гидроэнергетику не будут, они еще не настолько богаты, чтобы позволить себе омертвление капитала на 10 – 12 лет. Опять же, энергетика – это сфера общенародных, то есть государственных интересов, и приватизировать электростанции и электрические сети государство не собирается. Закручивать налоговый пресс дальше, чтобы собрать средства на инвестиции, тоже не имеет смысла. Остается одно – ждать общего роста экономики. А это зависит от многих составляющих, от хода реформ – в первую очередь.

Я вспомнил Шамета Чикаевича Айтметова, который руководил строительством Каттакурганского водохранилища и прекрасно знал, что можно сделать с помощью народного энтузиазма. Он как-то сказал: «Проект Большого Ферганского канала много лет пролежал на полке. Не было средств. А когда его построили, канал вошел в историю. Не сам канал, а то, как его построили – за сорок дней».

Да, Большой Ферганский был построен за валюту с интересным названием «энтузиазм». Затем у государства появилась возможность финансировать свои крупные стройки. Со времени эпопеи Большого Ферганского утекло много воды. Ушла в прошлое одна общественная формация, пришла другая. Сложность же в том, что человеку временно стало неуютно, он обнаружил, что открыт всем ветрам, не защищен государством, и от него самого зависит, сумеет ли он от этих ветров защититься. «Сумею! – сказал себе человек, - я не слаб, не белоручка». И, засучив рукава, продолжил работу. У него все более создавалось впечатление, что он работает на себя. А работать на себя всегда в радость. Люди, которые работают на себя, постепенно богатеют. Они строят себе добротные дома, облагораживают свою землю. Платят налоги. И, наверное, не за горами время, когда Узбекистану будут по плечу инвестиции в наиболее перспективные отрасли народного хозяйства – в энергетику, ирригацию, легкую промышленность. Тогда в Туполангском ущелье поднимется и вторая, и третья плотина. Всему свое время.

Главный диспетчер

Характер стройки определяют люди, которые на ней работают. Стройки обычно не притягивают на свои площадки людей замкнутых, созерцательных. Они ценят добросовестность и профессионализм, самостоятельность и отзывчивость.

Татьяна Александровна Пушова, главный диспетчер стройки, личность приметная. Можно сказать, хозяйка-распорядитель стройки. Знает, где и как задействована техника – и та, которая возит, и та, которая грузит, разравнивает, уплотняет. Она не командир в прямом смысле этого слова, командуют производители работ всех рангов. Но она знает и ведает, и ее веское слово при подписании путевого листа дисциплинирует куда сильнее грозного рыка прямого начальника.

Когда она принимала диспетчерскую, многие из водителей согласно своим путевым листам крутили баранку по 36 часов в сутки. Она это поправила. Не в один день и не без конфликтов, но поправила. Уважать ее после этого стали не меньше, а больше. Собственно, после этого ее и зауважали. Поняли: главный диспетчер – это тоже власть, а власть, если она настоящая, в первую очередь занимается тем, что создает порядок. Да, власть и порядок не разъединимы, и власть кончается там, где кончается порядок. Все, что делает Пушова, направлено на создание и поддержание порядка.

Нрава она независимого, характер у нее волевой, строгий. Собственно, другим на большой стройке диспетчер и быть не может. Или он такой, или он уходит, не сработавшись с шоферской вольницей, не найдя общего языка с людьми, половина из которых – весьма крутые парни. Юность Татьяны Александровны прошла на стройках, и вся самостоятельная жизнь прошла на стройках. Но дети выросли и выбрали себе другие профессии. Видно, то, как крутится мать в своей прокуренной диспетчерской, как крутится отец – то за баранкой, то за рычагами крана, не вдохновило их на повторение пути, пройденного родителями. Дочь работает медицинской сестрой в России, сын, армейский офицер, служит в Навои. Воспитатель личного состава. У Пушовой волевое лицо, коротко стриженные каштановые волосы. Черты лица крупные, и сама она скроена основательно. На безымянном пальце перстень с красным переливчатым камнем. Со своим мужем Асланом Пушовым, горцем из страны поднебесья Памира, Татьяна Александровна приехала в Туполанг в 1982 году. Тогда все только начиналось. Река текла, чистая, быстрая, громкоголосая. Горы стояли зеленые-зеленые.

- Река меня и приворожила. И я сказала Аслану: «Давай останемся здесь, здесь так красиво», - вспоминает Пушова. – Я начинала штукатуром-маляром. Бригадирствовала. Муж работал на экскаваторе, прокладывал дорогу. Взрывники взорвут скалу, он за ними зачистит. Сама я волжанка, из обычной рабочей семьи. Отца лишилась в раннем детстве. Семья постоянно нуждалась, покупка одежды, обуви ставила мать в тупик. Но детство и юность запомнились не одним этим.

С Асланом познакомились, когда он служил в армии. Стали встречаться, полюбили друг друга. Подробности вам, полагаю, не нужны. Но я понимала, что будет не просто. Ведь мы из разных человеческих миров, я православная, он мусульманин. По молодости, однако, это не казалось существенным. Казалось, что для любви это не препятствие. И я согласилась стать женой Аслана. Приехали сюда ровно тридцать лет назад, стали работать в Нуреке. И начались сложности. Поначалу в доме мужа приняли меня нехорошо. Не с распростертыми объятиями. «Да, я попала в другой мир, - сказала я себе, - и я должна принять его законы и обычаи, иначе я до конца дней своих буду в этом мире чужая». И терпела, учила язык, все обычаи узнала. Стала вести себя, как женщина Востока. Аслан не просил меня надевать национальные штаны, платья. Но я сама чувствовала, когда должна надевать их, и надевала. И делала это без внутреннего неприятия. Не скрою, бывали моменты, когда я говорила себе: «Нет, хватит, пришло время расстаться, я здесь чужая». Сына тогда у меня еще не было, одна доченька. Но как ей расти без отца? И во мне раздавался другой голос: «Не спеши, не пори горячку. Потерпи!» И я смирялась, верила этому второму голосу. Гасила раздражение, еще раз спрашивала себя, что я делаю не так.

Все это давно позади. И сейчас, с высоты своих лет, оглядывая прожитое, я говорю с чистым сердцем: я довольна своей судьбой, своей семьей. Давно уже в роду Пушовых я самая уважаемая сноха, давно уже его родные не смотрят на меня косо. «Татьяна-апа, сядьте сюда, здесь мягче. Татьяна-апа, возьмите этот кусочек, он вкуснее. Татьяна-апа, племяннику Хушбару хорошо бы русскую школу окончить, он этого так хочет! Вы что посоветуете? Может быть, он у вас пока поживет, у нас на границе нет русской школы». Ну, я не ломаюсь, сажусь, куда просят, ем сладкий кусок, говорю, что готова помочь племяннику мужа на первых порах, пока он не расправит плечи. Не много ли я вам всего рассказываю? Вам, может быть, больше по строительной части надо?

- Не много, Татьяна Александровна. Жизнь за плечами у вас большая. Вы ведь как мост между двумя мирами.

- Живой мост? И Бог един, и люди, по своей природе, по тому, что заложено в них Богом, едины. На жизнь свою я давно не жалею. Таких слов, как «большая жизнь», избегаю, в моем прошлом они ничего не меняют. Экватор мы с Асланом уже пересекли, сейчас дети тон задают, и я, как все матери, хочу, чтобы счастье улыбалось им не как солнышко красное в пасмурный день. Мы теперь все больше под их потребности подстраиваемся. Но вернусь к тому, как мы здесь обосновались. Год снимали комнату в общежитии. Нам сразу пообещали коттедж. Год прошел, мы напомнили, и нам еще раз пообещали. Я такой необязательности не терплю. Дал слово – держи его, если ты не трепло по натуре. Ого, думаю, здесь несерьезное начальство, надо делать от этих ворот поворот. Я не люблю общежитий, они унижают человека.

Аслан тоже не терпит общежитийского неуют. Я сажусь и пишу заявление: так мол и так, быть обманутой я не хочу, прошу уволить... Тогда нам вместо коттеджа дают стены от коттеджа. Ладно, это уже кое-что. Достроили домик, живем в нем и сегодня. Деревья уже большие, живность во дворе – куры, овцы. Словом, живем, как все здесь живут. Звезд с неба не хватаем, но и обделенными себя не чувствуем. Нормально себя чувствуем, уверенно.

Работу свою я люблю, она – с людьми и на людях. Труднее всего было поломать приписки. Это когда по нарядам получалось, что водители работали 36 часов в сутки. Было это в самом начале, когда на стройку понаехала вольница со всего Союза. Кого-кого, а пенкоснимателей у нас везде хватало. Чем только мне не грозили! И в Туполанге утопить обещали, и под очередь пустить. «Мы тебя обломаем, будешь, как миленькая!» А я стояла на своем, не гнулась. И получилось, как я хотела. Для себя я сделала тогда вывод: если права, стой на своем. Терпи, но стой. Начальство меня, правда, поддержало, оно само устало от бардака. Никакого фонда заработной платы не хватит, чтобы настырному водителю 36 часов в сутки оплачивать. Тогда начальником был Юлдаш Рахимов. Справедливый был человек, строгий. После него начальником стал Владимир Михайлович Чеховских. Этот помягче был, сейчас работает по контракту за рубежом. После него стройку возглавил Захаров. Он сейчас трестом нашим управляет. Волевой руководитель. Старался, чтобы рядом с ним работали серьезные люди. После него стройку принял Абдугани Сангинов. Это самый молодой из начальников. Начинал мастером, вырос на наших глазах. Ему нелегко, время уж больно непредсказуемое. Никогда в таком сложном времени мы не жили. Сангинов старается. Где трудно, и он там. За все переживает. О людях заботится. Мы и зарплату вовремя получаем, и премии. Водители большегрузных самосвалов очень хорошо получают. Работаем без авралов, суббот не прихватываем. Аварий со смертями на автотранспорте у нас не было ни разу (тут она суеверно постучала пальцами по столешнице). А смерть одна была. На автокране стрелу заменяли. Стрела на земле лежала, и ничто не предвещало беды. Вдруг видят, – под стрелой лежит человек. Никто так и не понял, как он так оказался. Расследование ничего не дало. Знаю только, что не нарочно его под стрелу положили.

Со мной работают диспетчеры Акбар Саттаров и Мураткул Хидояров. Все между нами бывает, но в целом мы друг другом довольны. Был у нас диспетчер Маматкул Тухтаев, так он выучился на экономиста. А эти двое, думаю, убудут со мной до завершения строительства.

Журнал перед Пушовой, телефон. Стычки, разборки с водителями часты, а чрезвычайные происшествия редки и всегда запоминаются. Одно из них произошло 25 октября 1991 года.

- Один водитель целый день где-то прокатался, хорошо подкалымил, а на линии не появился, но попросил оформить документы, словно отработал на линии положенное время, - рассказывает Татьяна Александровна. – Я отказалась. Он деньги дает, я не беру. Он вспылит, выбежал. Вбежал снова – в руке нож. Замахнулся. Целился в живот. Я перехватила лезвие ладонью. Брызнула кровь. Он смотрит на меня, я – на него. Потом он умолял, чтобы я не передавала дело в суд. И я его простила. Сейчас он здоровается со мной. Зла друг на друга не держим, но что было – помним.

- Если вы запомнили день, когда это произошло, то, наверное, помните имя и фамилию этого человека, - говорю я.

- Конечно, помню. Вам могу назвать (и она назвала имя и фамилию, а я записал), а вас попрошу этого не делать. Зачем еще раз вгонять в стыд молодого человека? Он раскаялся.

Вообще, десятилетняя работа главным диспетчером – это один большой, бесконечный день. И впечатление у Пушовой такое, словно он не кончится никогда. Люди часто не считаются ни со временем, ни со своим здоровьем. Здесь Пушова вступила в партию. Не очень хотела, видела: никто из коммунистов не работает лучше нее. Знала, что достойна. Но по казенному все было в партии, от рядовых членов не зависело ничего, все шло сверху, в виде постановлений. Им не было конца. А потом все как оборвалось. Татьяна Александровна, как и другие рядовые коммунисты, только пожалала плечами. За свою партию не вступилась. Значит, не ее это уже была партия. Я не стал комментировать это ее впечатление.

Пушова три года не была у родни мужа. В Таджикистане еще не погасла война, в которой простым людям разобраться сложно. Одни хотят одно, другие – другого. Не договариваются – и стреляют друг в друга. Нет в этом трудно прорисовываемом конфликте стопроцентно правых и стопроцентно виноватых. А погибших не сосчитать, ожесточение гасится медленно. Страсти не стынут, кровь продолжает литься.

Как сложилась жизнь у детей? Дочь живет в России. Выходила замуж, жизнь не сложилась, разошлась. Внуку четыре года. Сюда ее не тянет. Сын служил после окончания военного училища, затем уволился в запас, здесь работал водителем. Но его снова потянуло в привычную армейскую обстановку. Он подал рапорт и опять служит. Он хотя бы близко, и Татьяна Александровна видится с ним часто.

Мое мнение: строгая женщина на мужской работе. Это, собственно, общая оценка, но у нее есть нюансы. Вот что говорит о ней инженер-диспетчер Акбар Саттаров:

- Татьяна Александровна умеет располагать к себе людей. Если все идет хорошо, она ровна и тепла, а когда кто-то ловчит, она строга, но строгостью своей не бьет по голове, а пытается воздействовать на совесть. И чаще всего это получается. Мы давно работаем вместе. Когда стройка начиналась, русских

здесь было больше, чем узбеков и таджиков. И в Нуреке вначале так было. Но наша молодежь сразу воспрянула духом, откликнулась. В наших горных кишлаках не так уж много возможностей открывается перед юношей, который кончил школу. Ну, приусадебный участок, колхозное поле, отара в горах. Ну, кто-то пойдет в контору вести какой-нибудь учет. И тут государство начинает строить высотную плотину, и у юноши из горного кишлака появляется возможность сесть за руль большегрузного самосвала, стать проходчиком, бетонщиком. И если старики наши проявляли некоторый скептицизм – вот, придет в горы техника, придут чужие люди, и нарушится веками освященный уклад жизни, то молодежь, напротив, обрадовалась. Молодежь потянулась на стройку.

Парни начинали разнорабочими, присматривались, прилаживались, выбирали. Учились у кадровых рабочих, кончали какие-нибудь курсы. Теперь это испытанные временем кадры строителей многих профессий. Сами кишлаки за это время тоже преобразились. В них пришли дороги, а были только тропы, зимой непроходимые. Взять хотя бы кишлак Хуфар, который славится своими родниками! Сколько добротных домов в нем появилось, сколько автомашин! Половина новых домов возведена на деньги, заработанные на нашей стройке. Здесь всегда были высокие заработки. Они и сегодня выше, чем в долине.

Я сам из кишлака Чорбог. Там сейчас живут мои родители. Я тоже построил там дом. А до этого семь лет жил на частной квартире. Что это такое, вы представляете. У меня четверо детей.

- Акбар, как вы относитесь к тому, что происходит в Таджикистане?

- С болью душевной. У меня там родственники, друзья. Разве можно выяснять отношения с помощью автомата? Это безнравственно. Это грех непростительный с точки зрения ислама. Я учился в Душанбе вместе с Сангиновым. По душанбинским улицам мы гуляли до утра. Это было совсем безопасно. Тихо было на душанбинских улицах, совсем как в кишлаке. Верю, так будет снова. Я рад, что Узбекистан не пропустил эту смуту через свои границы. Мы надеемся на посредничество России, президентов Узбекистана, Казахстана, Киргизии. Здесь, на Туполанге, мы все знаем, кто какой национальности и какому богу молится. Но мы никогда не относимся к человеку только по этим признакам.

- Что же наиболее важно в человеке?

- Важно, какой он, каковы его нравственные устои. Важны деловые качества, сила характера, порядочность. Если это есть, я знаю, что передо мною уважаемый человек, что с ним можно иметь дело.

- Вы правильно сказали.

- Ни один человек на нашей стройке не заявит вам, что к нему плохо относятся потому, например, что он русский или таджик. Этого не было и нет. Конечно, к кому-то могут относиться хуже, чем к другим, но в основе этого не лежит национальность. У нас уважают людей, где бы они ни родились и откуда бы к нам ни приехали. Здесь, в Сурхандарье, узбеки и таджики издревле живут вместе. В согласии живут, в дружбе, как и положено правоверным мусульманам.

«Дай Бог, чтобы так было всегда! – подумал я. – Дай Бог, чтобы люди всех национальностей на этой земле жили в мире, согласии и взаимном уважении».

Узбеки и таджики в долине Сурхандарьи

Как я вскоре уяснил себе, основу контингента строителей водохранилища составляли таджики. Узбеков было немного меньше. Строителей других национальностей и вовсе меньшинство. Как отмечает известный этнограф Бэлькис Кармышева в монографии «Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана», особенность восточной части Сурхандарьинской области состоит в том, что она «являлась местом стыка больших массивов таджикского и узбекского народов, местом стыка двух культур, – оседлой земледельческой и кочевой скотоводческой. Благодаря этому проведенные здесь этнографические исследования дали материалы, позволяющие наглядно представить многовековой процесс взаимовлияния ираноязычного оседлого земледельческого населения и тюркоязычного кочевого скотоводческого, то есть тот процесс, который был ведущим в этнокультурном развитии среднеазиатского междуречья и результатом которого явилось формирование таджикской и узбекской народностей».

Бэлькис Халиловна приводит много примеров совместного бесконфликтного проживания узбеков и таджиков. «В Сангардакском ущелье, – пишет она, – жили в основном таджики-чагатаи и узбеки-тагчи, которые сильно смешались. В некоторых кишлаках тагчи в начале XX века уже говорили по-таджикски, но в самом селении Сангардак каждая из указанных групп сохраняла свой язык, при этом таджики были двуязычны, а из узбеков знали таджикский язык лишь те, у кого имелись свойственники-таджики.

Предания о происхождении этих групп связаны между собой. В 1966 году житель Сангардака Мулла Ходжаназаров рассказал мне, что обитатели его родного селения и тагчинского кишлака Дуновги – потомки выходцев из кишлака Чакоб, расположенного ниже по ущелью. Их переселение произошло якобы 400 лет назад. О возникновении селения Чакоб тот же Ходжаназаров сообщил мне следующую легенду. Основала Чакоб одна богатая узбечка-тагчи по имени Науруз-айим 700 лет назад. Вначале она жила в Афганистане в районе Балха, но после того как умер ее муж, стала причиной раздора между мужчинами, ближайших родственников мужа, каждый из которых, по обычаю, претендовал на нее. Она не хотела выходить замуж ни

за кого из них и решила бежать в такое место, где ее не могли бы отыскать. Вместе со служанками она переправилась через Амударью и поселилась в самых верховьях реки Сангардак, в красивом ущелье, которое называли ее именем – Наурузсай. От служанок этой женщины будто бы происходят таджики этого ущелья, а от нее самой – узбеки-тагчи. Ее прямым потомком считается некто Бабаказы, который жил на том месте, где ныне находится таджикский кишлак Хубон.

Легенды о происхождении населения Сангардакского ущелья я привела не потому, что считаю их достоверными, а потому, что в них находит отражение основная линия формирования таджиков-чагатаев – постоянное впитывание в свой состав ранних узбекских племен.

Об основании большого таджикского селения Хуфар, расположенного в горах на правом берегу Туполанга, я записала следующее предание. В давние времена эти места были безлюдны и покрыты густыми зарослями. Порой у предков хуфарцев в горах терялась скотина. Осенью она паслась без присмотра и, забредая далеко, не возвращалась домой. Ее находили через год, а то и через два. Но однажды пропавших коров не могли найти в течение пяти лет, а когда нашли, увидели сразу целое стадо. Урочище, где обнаружили коров, изобиловало хорошими пастбищами; было там место и для пашни. И переселились в это урочище два брата и назвали свой выселок Хуш бахр (хуш – приятный, бахр – удовольствие). Отсюда и название Хуфар. Постепенно потомство братьев разрослось, стали думать о постройке мечети, но не могли найти грамотного человека, который стал бы имамом. Как-то увидели они путника. Он сказал, что ищет заработка. Они спросили у него, может ли он быть имамом. Он ответил утвердительно. Со временем он женился и остался жить в Хуфаре. Но однажды в кишлак пришел человек и стал обвинять хуфарцев в том, что они украли у него раба. С ним была бумага, подтверждавшая, что имам хуфарцев действительно был его рабом. Хуфарцы уплатили тому человеку стоимость раба и оставили у себя своего имама. С тех пор прошло 400 лет. Постепенно здесь стали селиться люди и из других мест – Гузара, Карши. Еще в восьмидесятые годы прошлого столетия половину жителей верхней части долины Сурхана составляли таджики, однако в начале XX века завершилась смена таджикского языка на узбекский, то есть узбеки стали преобладать в населении этих мест. Правда, деление на узбеков и таджиков в те годы было достаточно условным; термином «таджик» обозначалось искони оседлое население, не имевшее родоплеменного деления.

В конце XIX – начале XX века в Восточной Бухаре таджиками называли население больших и малых культурных оазисов. Их характерной чертой было двуязычие. В зависимости от конкретных условий в некоторых местах произошла полная утрата узбекского или таджикского языка. В бассейне Сурхана, где был большой массив узбекского населения, местами звучала только узбекская речь. А на южных склонах Гиссарского хребта и далее на восток, где в горах и предгорьях таджики жили сплошным массивом, преобладал процесс полного перехода узбеков на таджикскую речь».

Я думаю, читатель не сочтет эти пространные выдержки из монографии Кармышевой не относящимися к делу. Я хочу с их помощью показать, что узбеки и таджики на юго-востоке Узбекистана издревле жили рядом, что их взаимное влияние друг на друга было длительным и глубоким. Добрососедство выработывалось веками и на века. Вот почему сурхандарьинцев так тронула распря в таджикском доме. Вот почему Узбекистан предпринимает большие усилия, чтобы вернуть мир и согласие под крышу таджикского дома. Национальное согласие – в интересах большинства. За последние годы мы поняли, как это важно. Пример Нагорного Карабаха, Абхазии, Таджикистана говорит об одном: нельзя давать зависти и гневу выплескиваться наружу. Как нельзя потакать националистическим устремлениям, возвращать древо национальной исключительности. Аллах не случайно населил землю людьми разной национальности. Общась друг с другом, перенимать друг у друга лучшее – вот он, закон всемирного благоденствия. Новейшая история учит, что ни один народ, враждующий с соседями и попирая их права, не приобрел ничего хорошего. Кровопролитные гражданские конфликты внутри одной страны – это тоже только потери, горе и страдания.

«Гидроспецстрой»

Всесоюзный трест «Гидроспецстрой» в связи с парадом суверенитетов союзных республик не стал менять своей вывески. Не в вывеске дело. Этот трест – организация настолько специфическая, настолько сфокусированная на определенных видах работ, что жила и живет без конкурентов и еще долго будет незаменима. Вам нужно пробить туннель, произвести взрывные работы, укрепить основание плотины цементацией – пожалуйста, «Гидроспецстрой» к вашим услугам. Дорого, но надежно, надежность проверена временем. Зарубежные фирмы за это попросят еще больше. Ни одно крупное гидротехническое строительство не обходится без этого подразделения, и Туполангский гидроузел здесь не исключение.

В кабинете главного инженера треста Олега Дмитриевича Звягина висят планы подземных выработок Рогунской ГЭС, многих гидроузлов. Видно, на какой стадии идет проходка туннелей. Звягину около шестидесяти. Роста он выше среднего, накоплений в виде лишнего жирка не имеет, но и спортивно-поджарой его фигуру не назовешь. Джинсовая серая куртка на нем, синяя рубашка, галстук. Удобно и без претензий. У него негромкий, уговаривающий голос. Жизненный опыт подсказывает ему, что повышать

голос не следует почти никогда. Иногда и хочется перейти на крик, но лучше потерпеть. Лучше не портить отношения, чем потом склеивать их. Худой мир лучше доброй ссоры. А еще лучше согласие, нормальные человеческие отношения. Когда они есть, как правило, приходит и успех.

Против Звягина сидел начальник туннельного участка из Туполанга Сабир Ахмедов и обговаривал заработок за минувший месяц. Он очень хотел, чтобы получилось побольше, но фактическое выполнение работ этого не подтверждало. Они поперировали объемами и деньгами, и Сабиру пришлось сдать пару позиций, после чего согласие было достигнуто. Ахмедов попрощался и ушел. Тогда и потек наш разговор, неспешный, подчас и импульсивный, окрашенный то в пессимистические, то в оптимистические тона.

- Писать о наших людях не просто, - начал Олег Дмитриевич, скептически разглядывая меня сквозь выпуклые стекла очков. Вероятно, его опыт общения с журналисткой братией нельзя было назвать положительным. – Сначала надо полазить по подземным выработкам, понюхать воздух после отпалки, пожить с вахтой, повертеться, увидеть людей в деле.

- Понимаю, чего вы хотите. Моя практика была именно такой.

- Сам я родной фирме не изменил ни разу. Работал за границей, в Египте, во Вьетнаме, на Черной реке. В Средней Азии с 1960 года.

- Похвальное постоянство.

- А вы не улыбайтесь. Такое постоянство больше от фирмы зависит, чем от ее работников. Значит, у фирмы есть авторитет, возможности для роста. В Узбекистане у нас участки на всех серьезных гидротехнических объектах. В Чарваке ремонтируем катастрофический водосброс. Там может начаться выщелачивание бетона. На Новоангренской ГРЭС строим градирни. На Туполанге работаем вахтовым методом. Вахта длится пятнадцать дней, потом люди едут в Гиссарак, в свой поселок. Сабир Ахмедов, который ушел при вас, интересный человек. Второй начальник участка, Александр Николаевич Савченко, тоже интересный человек. Сказал ли он вам, что в Чернобыле работал на ликвидации аварии, два месяца сидел там безвыездно, награжден орденом?

- Не сказал.

- Вот видите, поскромничал. Не сразу раскрываются наши люди. С виду просты, даже неказисты. Чаще молчуны, чем говоруны. А специалисты, каких поискать. Ни порядочности им не занимать, ни добросовестности. А в сложных условиях – и мужества. Момент сейчас, видите, какой. Столько неясностей! Многие уезжают на золотые прииски, там зарплата раз в пять выше. И никуда не денешься. Человек всегда будет искать, где лучше. Что, допустим, я забыл в Асуане или на Черной реке? Но нас манят места, где мы не были. Ассигнования этого года мы проели за полгода. Проглотили, облизнулись, снова раскрыли рот, а ложка пуста. Работы с августа по ноябрь не оплачены. Взяли кредит в банке, а это проценты. Учимся маневрировать средствами. Хорошо, хотя бы это налогами не обкладывается. Учимся предпринимательству. Но сразу скажу, что это не наше дело, этим должны заниматься иные структуры. Управление «Туполанггидрострой» задолжало тресту. Отношения и с генеральным подрядчиком, и с заказчиком нормальные. И чисто человеческие отношения на высоте – с Сангиновым, Мифтаховым. Я ценю стремление Сангинова, Мифтахова помочь, поддержать. Взаимопомощь такого рода естественна при нормальных человеческих отношениях. У нас свободных денег никогда не бывает. И заказчик оплачивает нам взрывчатку, горючее. Это большая поддержка. У Сангинова эмоциональный, взрывной характер. Он все пропускает через сердце. В нем на глазах прорезается жилка предприимчивости. Он ездит по ближнему зарубежью, добывает покрышки для белорусских самосвалов, запасные части. Уже несколько вагонов покрышек привез. Он на своем месте, должности, как пишут в своих справках кадровики, соответствует. Захаров – мужик серьезный. Ищет контакты с местными предприятиями. Мифтахов нравится мне своей решительностью. Никогда не роет там, где не надо. Требует по существу. Дает работу и не жмет за копейку. Потому что знает, что сколько стоит. То, что он не жмет за копейку, не есть щедрость за государственный счет. Это – уважительное отношение к исполнителю, которого сама специфика его деятельности ставит в трудные условия. Словом, команда такая подобралась, с которой можно работать.

Что еще мы будем строить на Туполанге? Серьезные работы предстоят на гидроэлектростанции. Достроим дорогу в горы, пробьем дорогу к мраморному карьере, тогда предприниматели быстрее заинтересуются этим месторождением. Греки там уже крутятся, арабы. Это серьезная дорога, там одни лобовые забои. А в лоб идти всегда тяжело, что в нашем деле, что в жизни. Что еще вам сказать? Сын у меня метро строит – здесь, в Ташкенте. Он инженер, а работает рабочим. И в его бригаде почти все рабочие имеют диплом инженера. «Ташметрострой» собрал кадры проходчиков со всего Узбекистана. Ну, а в более широком плане мне не нравится, что Россия отодвинулась от Узбекистана, а Узбекистан дистанцируется от России. И Ельцин тут не прав, и наш президент. Для них обоих это политический просчет, и не маленький.

Мне осталось только поблагодарить Олега Дмитриевича за сказанное. Проводив меня, он возвратился в свой кабинет. Рабочий день кончился давно, и можно было сосредоточиться на чем-то своем, подумать в спокойной обстановке. Он сказал, что посидит еще час. Что ж, никто его не неволил. Человек, который ни разу не изменил своей фирме, наверное, знал, что делал.

Савченко

«Гидроспецстрой» на Туполанге представлен тремя участками – проходки, цементации и взрывных работ. Участок цементации возглавляет Александр Николаевич Савченко, мужчина сорока лет, роста выше среднего, рассудительный, со спокойным, располагающим взглядом. Здесь работает восемь лет, а до этого ставил цементационные завесы под плотинами в Гиссараке и на Пачкамаре, где и набрался опыта.

Для постановки цементационной завесы пробиваются специальные штольни под ядром плотины, по ее оси. Из штолен бурятся скважины, в них нагнетается цементный раствор. Частицы цемента проникают в трещины основания и закупоривают их, перекрывая путь фильтрационному потоку.

Какое-то количество воды просачивается через плотину всегда, независимо от того, из какого материала она сделана. Это неизбежность, с которой мирятся. Но мирятся до тех пор, пока эта фильтрующаяся вода не выносит с собой частиц суглинка, из которого сложено ядро плотины. Да, какой-то вполне допустимый объем воды просачивается и сквозь бетонную плотину Братской ГЭС, и долг инженеров, проектировщиков и строителей, заключается в том, чтобы эти просачивающиеся объемы воды были совершенно не опасны. Пусть себе сочится, но по капельке, по капельке. Под постоянным и неусыпным надзором приборов и человека.

- Цементация – это лечение скалы, что-то вроде пломбирования прохудившегося зуба, - говорит Савченко. – Цементатор – редкая профессия. Ей в профессионально-технических училищах не учат. Нужен особый дар, дар угадывания свойств горных пород. Труднее всего нам было, когда перекрывали Туполанг. Тогда мы и облицовывали туннель, и вели веерную цементацию. Тесно, друг о друга тремся, ругаемся, спешим, кругом начальство со своим «Скорей – скорей – скорей - скорей!» Руководство называет это концентрацией сил и средств на пусковом объекте. Второе название – аврал – нравится меньше. Я не люблю авралы. Они создают неразбериху и нарушают взаимодействие. Ведь каждый аврал – это не только необходимая, но и пустая, ненужная работа. Сейчас мы работаем нормально, то есть без суеты, неразберихи и нервозности. Сложности доставляет нам только нарушенное снабжение. У нас много импортного оборудования, но оно без запасных частей. Старые снабженческие связи рухнули, а новые, равноценные им, еще не наработаны.

Добрую славу «Гидроспецстрою» создали его кадры. Мы делаем упор на местные кадры. Два толчка ускорили этот процесс – события в Фергане и в Душанбе. После того, как союзные республики стали независимыми государствами, люди потянулись в свои национальные квартиры. Инстинкт ли сработал, или что-то еще, но этот процесс приобрел размах. Печальный размах, если хотите. За последние три года кадры очень обновились. Равноценна ли замена? Судите сами. Если человек проработал по специальности десять лет, то новенький, его заменивший, за пару лет с ним не сравнится, и это сказывается. У нас много хороших цементаторов. Их заработок раз в пять выше, чем зарплата учителя, чиновника из хокимиата. Я приехал сюда из Запорожья. Привык. Этот край чужбиной не считаю. Он такой же родной мне, как и Украина. Женат на узбечке, зовут ее Тамара. Отец ее узбек, мать русская. Нашему ребенку два года. Первая семья у меня не сложилась, а сейчас нет проблем. Дострою ли водохранилище? Хочу достроить. Но меня уже сейчас беспокоит, смогу ли дать сыну нормальное образование.

О Чернобыле Александр Николаевич так и не обмолвился. Почему? Слишком наболело? Обидно за державу, которая допустила такое? Не захотел, чтобы его работа по ликвидации последствий ядерной аварии оценивалась как подвиг? Не знаю. Он промолчал, а я тоже не счел нужным коснуться этой деликатной темы.

Горный мастер Рома Мифтахов

Рома Мифтахов, добродушный двухметровый крепыш, уверенно взирает на мир с высоты своего роста, с позиций юности, которая любит дерзать, любит ставить оценки или очень высокие, или очень низкие. Он горный мастер на участке цементации. На память приходит пушкинская строка: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!» Он работает здесь шестой год, а это уже корни. Шесть лет – это четверть его молодой жизни. Мне интересен и он сам, и молодая поросль наша, которую он представляет, – чего она хочет, чего добивается, чем, наконец, обладает, чтобы достойно шагать по жизни?

У него редкая профессия цементатора, которой он владеет если не в совершенстве, то достаточно основательно, чтобы в нестандартных ситуациях распорядиться уверенно и четко. О штатных ситуациях я не говорю, в них вмешательства горного мастера не требуется.

- Мое первое впечатление от стройки было ошеломляющим, - вспоминает Рома. – Рабочая площадка огромна, кругом «Белазы», экскаваторы. Вся эта техника ревет, чадит, перемещается. Все кипит, люди тоже заряжены этим кипением, спешкой. Я оторопел. Как, думаю, я к этой круговерти привыкну? Как разберусь, что к чему? До Туполанга я работал в Шерабадской степи, на освоении новых земель. Объекты там небольшие, бригады невелики. Все на виду, сооружения типовые, повторяющиеся. Но настоящая причина растерянности первых дней, как я теперь понимаю, была не в огромности стройки, а в том, что я смутно представлял себе свои обязанности, свою зону ответственности. Я тяжело находил себя, – плохо знал

оборудование, все эти цементомешалки, насосы. Не умел закрывать наряды. И моя зеленость ни для кого не была секретом. Два месяца практики преобразили меня. Я уже знал, как работает оборудование, как подступиться к бурильным станкам. Станок бурит на десять метров, затем ставится тампон из цементного раствора, который нагнетается под давлением в 15 атмосфер. Затем бур углубляется еще на десять метров, и все повторяется. Надо забуриться дальше – бурим на 30, на 40 метров. Случается, бур пронзает трещину, каверну. В такие полости раствор уходит, как в прорву. Пара цементовозов по десять тонн в каждом может уйти в такую каверну. Но все равно наступает насыщение.

- И часто встречаются каверны?

- Не так уж редко. Примерно каждая десятая скважина пронзает трещину или пустоту. Левый борт у нас сильно трещиноват, едва успеваем раствор подвозить. В сутки закачиваем тридцать – сорок тонн цемента. На цементацию основания расходуем больше цемента, чем на производство бетонных работ. Нас контролирует группа рабочего проектирования. Бурится контрольная скважина, в нее закачивается вода. Если воды уходит в скалу много, работу у нас не принимают. Работаем круглые сутки, в две смены по десять часов. Если цементный раствор схватится в трубах, их необходимо разрезать и выбросить. Есть у нас и бронированные шланги, под давление до 60 атмосфер. Они очень дорогие.

- Как на подводных лодках?

- Не знаю, подводные лодки видел только в кино. Бурим с помощью сжатого воздуха, у нас большая компрессорная станция. Как-то горец подошел к системе сжатого воздуха, открыл вентиль, и его убило. Он проявил естественное человеческое любопытство, но не знал, что к чему. А мы не догадались поставить рядом с вентиляем знака опасности, думали, и так понятно. Отношениями с людьми я доволен. Рабочие поначалу обхаживали меня, чтобы лучше закрывал наряды. Все это на поверхности. Мне это всегда было неприятно.

Однажды я стал свидетелем, как Рома на высоких тонах разговаривал с рабочим. От рабочего на пять метров разило портвейном. Он требовал, чтобы Рома продал ему 40 тонн цемента.

- Не по адресу обратился, - сказал тогда Рома. Он, конечно, прекрасно осведомлен, что с наших строек тащили и тащат. И Туполанг в этом плане не исключение. Строительные материалы всегда были дефицитны, но не всегда дороги. Сейчас они и дефицитны, и дороги. Сотни людей получили землю и строят дома. Но даже если это люди с деньгами, перед ними встают трудно разрешаемые проблемы.

- Кому-то кажется, что ему недоплатили, - говорит Рома. – Такого человека почти нельзя убедить, что он не прав. Говоруны напирают. Они привыкли брать свое криком, нахрапом. Но я вижу, что на работе они не так активны, как при отстаивании своих прав. И сдерживаю их напор. Придерживаю их стремление немедленно закрыть грудью амбразуру кассы. Осаживаю их, но стараюсь, чтобы они не обиделись. И своего добиваюсь. А есть тихони: ходят, улыбаются, а за спиной говорят гадости. Я не сразу узнал, кто есть кто на моем участке. А когда узнал, стало легче. Мастер – это бампер между рабочими и начальством. Мастеру, как бамперу, нужна хорошая прочность и гибкость. Перегибать палку всегда вредно.

Мы возобновляем разговор через день. Пьем чай и говорим неспешно. Рома возвышается над столом. И я думаю, что если когда-нибудь он скопит на машину, «Запорожец» он отвергнет сразу.

- Стройка дала мне очень много, - вспоминает он. – Правда, рутины хватает. Такого, что отжило давно, а мы не можем расстаться. Но от рутины пусть руководство освобождается, ему виднее. Я о себе вот что скажу. Могу работать электриком, бурильщиком, нагнетальщиком. У нас в Узбекистане нет конкурентов. Я профессионал и могу работать не только на стройках, но и в народном хозяйстве. Мне по душе наш мужской коллектив. Проходчики считают себя элитой, они еще и взрывники, и бетонщики. Работаем обычно спокойно. Но случаются и авралы, они неизбежны. В 1992 году мы готовили водовыпуск к пропуску воды и при контроле качества бетона обнаружили, что в своде много пустот. Бетонная облицовка не везде плотно прилегала к скале. Мы закачали в свод массу цемента вместе с золой Ангренской ГРЭС. Зола шла плохо, и мы заменили ее песком. Тогда дневная и ночная смены два дня глаз не сомкнула. Давай – давай – давай – давай! И мы давали. Пошла вода, и мы вышли из туннеля. Как только последний из наших покинул туннель, подняли затворы. Нас снимали киношники. Мы шли, шатаясь от усталости, но были счастливы, что исполнили свой долг. А день тогда был преотвратный, с пронизывающим ветром. Одной из бригад руководил Анатолий Федотов, мужик крепкий и крутой. Что мне в нем нравилось, он никогда не говорил: «Не получится, и пробовать не буду». Он говорил: «Попробую!» И у него обычно получалось. Под стать ему была и бригада.

Рома вновь возвращается к человеческим отношениям в своем коллективе. Они здесь не такие, как в Шерабаде. Они его приятно удивили. В Шерабаде каждый из инженеров был сам по себе, товарищества не складывалось. А здесь специалисты, как одна семья. Эта традиция идет от Мавлеса Багдасарова.

- Мавлес Рубенович очень интересный человек, - говорит Рома. – Прежде всего, он профессионал. Под землей он, как дома. Никто из нас не уходит от него с нерешенным вопросом или без толкового разъяснения, что и как. В его характере сильна нацеленность на успех. Как у игрока высокого класса. В шахматы ли мы играем, в нарды или карты, он неизменно выигрывает. И, ведь, никого это не

расстраивает! Словно он и должен выигрывать. Он не даст людям поссориться. У него удивительная способность гасить конфликты в зародыше. Настоящий центр притяжения. Вообще, наши мастера прошли хорошую жизненную школу. Я среди них самый молодой. Мой сменщик Тимур Джавлиев прошел через Чернобыль, у него я много чего перенял. Он вышел на пенсию, и моим сменщиком стал Меликул Раджабов. Прежде он был бригадиром.

Я вспомнил туннель и цементационную потерну, прошитую стройкой блеклых огней. Сумрачно, со сводов капает. Под ногами лужи, в ботиночках и не суйся. На всех, кто здесь работает, резиновые сапоги, брезентовые куртки. К таким условиям надо привыкнуть. А можно ли привыкнуть к ним настолько, чтобы их не замечать? Вот Багдасаров и под землей, как дома. Да, ко всему можно привыкнуть, и к нависающим над головой сводам тоже. Но под открытым небом куда лучше. У проходчиков неделю назад случилось несчастье. Мастеру Бури Мухтарову упала на ногу труба бетоновода. Производственная травма.

- У взрывников начальником работает Саид Камилов, - говорит Рома. – Способный человек, он пойдет дальше. У него природные данные быть начальником. И маркшейдеры у нас толковые. Их работа наиболее ответственная. Они задают туннелю направление и уклон, замеряют объемы вывезенной породы.

- Рома, каким тебе видится твой завтрашний день?

- Здесь работы на много лет. А цементационный участок остается на весь период эксплуатации водохранилища. Мне нравятся люди, с которыми меня свела работы. Я буду работать здесь долго. Но иногда хочется чего-то нового, непривычного. Хочу мир посмотреть. Прежде мы были высокооплачиваемыми работниками. На две месячные зарплаты я мог слетать в Ялту. Теперь двух зарплат на это удовольствие не хватит. Я все острее чувствую, что живу в быстро меняющемся мире. Здесь у меня есть все, но бывлой уверенности в том, что мое место здесь и только здесь, у меня нет.

Я понимал его. У большого мира свое притяжение, свои соблазны.

Заведующий гаражом Шералиев.

Бурикул Усманович Шералиев мужчина видный, бывалый. Кряжист, в суждениях основателен, идет от земли, от собственного жизненного опыта, давно не маленького. Он свой, сариассийский. Здесь похоронены его предки, отец. Мать жива. Жена Ашурой – медицинская сестра. Детей у него пятеро, но старшему, несмотря на сорокапятилетний возраст отца, всего четырнадцать. Барикул женился поздно. Любил свободу, объездил все города в Узбекистане и Таджикистане. Теперь он видит, что надо было раньше завезти семью, тогда уже мог бы и внуков иметь.

Свое дело он знает и любит. Здесь девятый год. Пришел, принял 50 «Белазов», и потекли рабочие будни, нескончаемые, полные своих проблем и все же похожие друг на друга, как близнецы-братья. В плотину надо сыпать, сыпать и сыпать. Самое узкое место – шины, средний пробег одной шины – 17 тысяч километров. Жигулевская покрывка пробегает в пять раз больше.

- Все, что можем, стараемся отремонтировать сами, - говорит Бурикул. – У нас большие мастерские, нормальное оборудование, хорошие ремонтники. Кстати, ремонтники работают по контракту. По контракту сдают отремонтированные двигатели, ходовую часть.

- Как водители относятся к «Белазам»? – спросил я. Мне сказали, что большегрузные самосвалы не пользуются популярностью у водителей, но не потому, что плохи или на них мало платят, а потому, что на них нельзя подработать, подвезти левый груз – сено, строительные материалы. На тридцатитонном самосвале арбузы на базар не повезешь, по своим делам не поедешь. Бурикул спокойно подтвердил это, в подробности не вдаваясь.

- О водителях мы заботимся, - продолжал Бурикул. – Оплачиваем половину стоимости обедов, оказываем, при нужде, материальную помощь. Не оставляем в беде при смерти близких. Человеку один на один с горем очень тяжело. Ну, а на торжествах, свадьба ли это или юбилей, всегда многолюдно и весело. В лучшие времена в гараже работало 300 человек, сейчас – 168. В чести вахтовый метод работы. Водители приезжают на полмесяца. Для вахты выделены специальные помещения, там и кровати с чистым бельем, и газ, и холодильники – водители предпочитают готовить сами. На своих людей во всем могу положиться. Думаю, что и они мне доверяют. Почти все ездят без помарок и живут по совести. И в работе, и в быту это достойные люди. У нас хороший станочный парк. Но он с каждым годом стареет. Станки в основном обслуживают «Белазы». Но и нужды стройки не остаются без внимания. Мы не против заказов со стороны, но их пока немного.

- Создайте, на вашей ремонтной базе, малое предприятие. Договорные цены, знаете, мобилизуют инициативу, - предлагаю я.

- Это я знаю, - улыбается Бурикул. – Но стройка не на оживленном перекрестке. Здесь тупик и нет транзитного движения. И все же малое предприятие по ремонту грузовиков и легковых автомобилей мы обязательно организуем. Но немного позже, когда в экономике будет больше ясности. Нам еще учиться и учиться рыночным отношениям! Не торопите нас, нам нужно больше определенности. И Москва, и Минск в одночасье стали заграницей. Разве такой независимости мы хотели? Мы ведь не чужие друг другу. А ныне

езде шлагбаумы, таможни. Мы в очень многом зависим друг от друга, и нам как воздух нужны прозрачные границы и общее экономическое пространство. При всем при том я прекрасно понимаю, что Узбекистан должен управляться из Ташкента, не из Москвы. Я согласен только на такое управление, я всегда этого хотел. Но если при этом мы замкнемся в своих национальных границах, если будем опираться только на собственные силы, мы не продвинемся вперед, а откатимся назад, потеряем то, чего достигли.

Сегодня даже на границах областей стоят посты, досматривают, а на самом деле чинят препятствия, шарят по карманам, собирают мзду. И все под лозунгом, что защищают интересы государства. Но какой ущерб будет нанесен государству, если сариассийский дехканин продаст свою капусту, хурму или гранаты в Ташкенте, Алма-Ате, Москве? Нет, посты на границах областей я не понимаю и не принимаю. А в соседних странах какой произвол? Еще в марте прошлого года мы отправили лук в Минск и до сих пор ничего за него не получили. Девять месяцев прошло! Эта неразбериха, как песок в подшипники. Нет, наши президенты должны создать для нас, хозяйственников, нормальные условия. Должны восстановить экономические связи. Пока же трудности только наслаиваются одна на другую. Подумать только: третий год нет обновления машинного парка, нет новой техники! Как отрезало. Я ездил с Сангиноваым в Минск, Петербург, Волгоград. Ну, что-то мы отгрузили, но по мелочам. Нет, нельзя замыкаться в национальных границах! – повторил он.

С созданием малого предприятия Бурикул не торопился. Значит, не уверен. «Не уверен – не обгоняй, - старое водительское правило. Заказы поступают и так, раз есть оборудование и есть люди, которые умеют на нем работать. Шералиев был терпелив, подтверждая, что терпение – национальная черта узбекского народа. Что ж, всему свое время. А пока он провожал своих водителей, и встречал их, и делал все, чтобы машины были на ходу. И только поздно вечером уезжал домой, к жене и детям, к людям, которые его любили, с которыми ему было хорошо.

Рассказывает Алимджан Аманов, инженер-механик треста «Туполанггидрострой»:

- Я здесь уже двенадцать лет. У нас прежде было 74 «Белаза», много автомобилей других марок. Мы, механики, всегда отвечаем за одно и то же: чтобы вверенная нам техника была на линии. Водители приехали со всего Союза, даже из Прибалтики были люди. Один был из Эстонии, рослый, светловолосый. Трудная у него была фамилия, я не запомнил. А то, что его машина никогда не простаивала, помню до сих пор. Шералиев был тогда начальником эксплуатации. При мне закладывали ремонтные мастерские, гараж. Туннель тогда пробивали, готовились к перекрытию. Мне запомнилось, как старались люди. Никого не надо было просить. Чем объяснить, что люди тогда старались больше, чем сейчас? Ну, не существовало никаких снабженческих проблем. Все наши заявки удовлетворялись в полном объеме и без проволочек. Договоры выполнялись. Тридцатитонные самосвалы надежны и в карьерах незаменимы. Последние из них мы получили четыре года назад. Особенно страдаем от нехватки резины. Бывает, шина служит всего месяц. Острые камни для них бич. В Белоруссию, в Россию деньги сейчас не проходят. До каких пор? Постепенно прежних водителей заменили местные юноши. Но на «Белазы» они идут неохотно. Что, не престижно? Очень престижно. С каким почтением чабан, сидящий на лошади, взирает на своего собрата, сидящего в кабине «Белазы»! Снизу вверх смотрит, ведь водительское кресло там на четырехметровой высоте расположено. Но на таком самосвале не повезешь левый груз. Значит, нет и левого заработка. И водители неохотно идут на «Белазы», заранее оговаривают: на год, на полтора. Уговор этот мы выполняем, ведь прежних заработков на стройке давно нет.

- Алимджан, Шералиев – крутой человек или нет? - спросил я.

- Сначала – справедливый, потом уже крутой. Крутой для тех, кто с первого слова не понимает, что и как. Кто левачит направо за государственный счет. То есть, вполне нормальный человек.

Я с ним охотно соглашаюсь.

Базар Абдуллаев, водитель

Он работает на «Камазе». В Ташкент приехал вместе с начальником отдела снабжения Ахмадом Юсуповым. Без сопровождающего в дальних рейсах водителю сегодня тяжело. На дорогах свирепствуют поборы. Даже на границах районов выставлены усиленные посты ГАИ. А усиленный пост – это и усиленные придирки. Придирки кончаются одним и тем же – поборами. Рэкет тоже берет свое.

- В Самарканде пошли позавтракать, так нам за 15 минут обчистили кабину, - говорит Базар. – Взяли деньги, что-то из одежды. Чисто сработали. И никуда не пойдешь, не пожалуешься. Сам и виноват, почему машину без догляда оставил? Через каждые 50 километров кому-нибудь что-нибудь дай. Без этого сегодня не проедешь. Один председатель колхоза даже эксперимент провел. Снарядил два грузовика с арбузами, водителю одного дал наличные деньги для неофициальных расчетов со всеми людьми, с погонами и без погон, которые командуют на дорогах. А водителю второго грузовика вручил только сопроводительные документы. Первый без задержек проехал куда надо, второй безнадежно завяз на половине пути. Он доказывал свою правоту, но его не слушали. Пока он доказывал свою правоту, его арбузы потекли. Везти их далее уже не имело смысла.

Особенно свирепствует рэкет, государственный и частный, на дорогах Казахстана. По этой причине стоимость транспортировки скоропортящихся грузов на Урал и в Сибирь выросла настолько, что отправлять овощи и фрукты на север стало невыгодно. Все отдашь по пути, ничего в свой карман не положишь. В разгар сезона этого года сотни «Камазов» стояли, не задействованные. То есть, взятки должны иметь свой предел. Иначе поток товаров иссякнет, и с кого тогда брать взятки?

- А как по части самозащиты? – спрашиваю я.

- К человеку с погонами, который с тебя тянет-вымогает, с монтировкой не подойдешь. Ему надо почтительно говорить: «Салям алейкум!» И протягивать документы и деньги, но чтобы деньги были не на виду. К рэкетеру можно подойти с монтировкой, но надо иметь в виду, чтобы себе дорожке это не обошлось. Ничего, привыкаем и к такой расстановке сил на дорогах. Свою работу я люблю и на другую не променяю. Если бы мы, водители, были объединены и стояли друг за друга, как шахтеры, обстановка на дорогах внутри республики была бы другая. С нами бы считались, нас бы так не обирали. Но среди водителей нет единства, мы редко помогаем друг другу. А ведь не так давно взаимопомощь была святым для водителя делом. Ну, а когда каждый за себя – это как раз то, что нужно ГАИ, рэкету. Гаишники совсем оборзели. Разных штрафов я отдаю в полтора раза больше, чем моя месячная зарплата. Ни за что отдаю. За то, что у работников ГАИ маленькая зарплата.

- Вы везде бываете. Где лучше, где спокойнее ездить?

- По гостеприимству и сердечности мало кто сравнится с ферганцами. Ферганцы – добронравный, душевный народ. На туркменских дорогах поспокойнее, получше. В Хорезме тоже хорошо. Хуже всего нашему брату на самаркандских и бухарских дорогах. Там разденут и фамилии не спросят. А, вообще, я бы памятник поставил тому, кто на границах областей установил таможи. И написал бы на черном пьедестале: «Мучитель водителя». Обидно, что на моей родной земле так много людей роется в моем кармане. Мне же остается только одно право – при сем присутствовать.

Я осмысливаю сказанное. Взаимоотношения водителя Абдуллаева с работниками ГАИ, конечно, не просты. Но он, ведь, как и другие водители, возит не одни государственные грузы. Что-то подрабатывает на левых рейсах, и это «что-то» намного больше официальной зарплаты, которой не хватает даже на штрафы. Недаром здесь так трудно укомплектовать водителями большегрузные автомобили. Но эта сторона работы Абдуллаева, эта сторона его жизни обсуждению не подлежит. Она пока остается в тени, хотя все про нее знают.

Шибанов

Заместитель Сангинова по производству Виктор Анатольевич Шибанов высок, худощав, пояс застегивает на первую дырочку. Глаза добрые, внимательные. Сюда приехал из Саратова. Женат, двое детей. Дочка заканчивает школу, учиться дальше хочет в России. Прошлой весной, когда в соседнем Таджикистане начались события, Виктор Анатольевич попробовал уехать в Россию, но так там и не обосновался, вернулся. Что-то там ему не глянулось, – не климат, конечно. Его должность главного инженера уже была занята, но он получил равноценную. Я все-таки не удержался, спросил, почему он вернулся.

- Не смог получить жилье, - сказал он и загнул палец. – И народ попался жесткий. Не сложились отношения. – Он загнул второй палец, но свое заключение «не сложились отношения» комментировать не стал. Не было, значит, перспективы. То есть, никому Виктор Анатольевич Шибанов там не был нужен. Тогда я спросил, чем было вызвано желание уехать в Россию.

- Отношения к русским в целом на стройке уважительное, - сказал он. – Но на бытовом уровне случаются проявления национализма, мини-конфликты. Чаще всего это обыкновенное мелкое хулиганство. Например, идут парни, а навстречу им две девушки, таджичка и русская. Таджичку парни не заденут, а русскую толкнут или ущипнут. Люди постарше этого себе не позволяют, только молодежь зеленая. И все равно неприятно.

Я застал Шибанова за занятием, которое прежде выпадало на долю профсоюзного лидера – распределением продуктов. К новому году завезли пять тонн муки и конфеты. Сейчас приходили те, кого в свое время не было на месте, кто по этой причине был обойден вниманием. Шибанов, как мог, улаживал недоразумение, извинялся, обещал дать больше в следующий раз. Только один человек ушел, не скрывая недовольства. Я вспомнил Москву, из которой недавно вернулся. Она была полна еды и питья. Там уже никто ничего не распределял, там только продавали. Но стоило все дорого.

- Как здесь все начиналось? – спросил я ветерана стройки.

- Наверное, как везде. Восемьдесят второй год. Ущелье, жара, ветер. Или холод и ветер, если зима. Ветер в нашем ущелье всегда. Я работал прорабом. До створа добирались два с половиной часа. Вместо нынешней прекрасной дороги была автомобильная тропа, второпях проложенная взрывниками. В редких местах машины могли разъехаться, и если «газик» начальника встречал грузовик, тот пытался с километр, пока машины не разъезжались. Места были совсем первозданные. Вкрапления леса, удивительные по красоте. Непуганый зверь. Все кишлаки, а их немного, выше створа. Ну, развернулись, начали возводить

поселок. Первым начальником управления был Юлдаш Рахимов. Интеллигентный, голоса не возвысит. А спрашивал строго. Тяжело начиналась стройка. У Рахимова были хорошие организаторские способности, он знал, кому что поручить, умел выслушать человека, понять, пойти навстречу. За это его уважали. Он не ловчил, держал слово, а, оправдываясь, не подставлял смежников. Ему легче было взять вину на себя, чем подставить кого-нибудь. Порядочностью своей он и запомнился.

Когда в поселке построили общежития, дела пошли лучше. К нам потянулись люди. Среди строителей как нигде много людей неугомонных, словно задавшихся целью объездить страну, везде побывать. На четвертый год мы перекрыли Туполанг. Само перекрытие трудностей не вызвало. Реку повернули в туннель, котлован оградили перемычками, осушили, стали убирать речной аллювий, обнажили борта, скальное основание. И пошло. Начала расти плотина. Этап идет за этапом – день за днем, год за годом. И вот плотина прорисовывается, она все выше, перед ней замирает речной поток, начинается накопление воды. По-узбекски водохранилище называется «сув амбари» - амбар для воды. Образное название. Первые 10 миллионов кубометров мы накопили уже в 1986 году. Использовали как плотину верхнюю перемычку. К этому времени Рахимова сменил Владимир Михайлович Чеховских. Это был сильный специалист. Он брал и эрудицией, и напором. Пожалуй, Рахимов и он стоили один другого, хотя были совсем не похожи друг на друга. Оба они остались в моей памяти, как сильные личности.

Чеховских через два года сменил Захаров. С Рахимовым и Захаровым я чувствовал себя прекрасно, а с Чеховских у меня не сложилось таких близких отношений. В 1989 году мы пустили эксплуатационный водовыпуск. Тоже событие, хотя и не такое памятное, как перекрытие. Смонтировали три тысячи тонн гидротехнического оборудования, изготовленного в Новокраматорске, на огромном заводе тяжелого машиностроения. Все оборудование работает без нареканий. Сейчас начали проектировать ГЭС, но не можем перевести деньги в Россию, чтобы заблаговременно заказать оборудование. Когда республика входила в Союз, таких проблем не существовало.

После Захарова начальником стройки стал Сангинов. Он вырос на наших глазах, я помню его еще строительным мастером. Главный инженер Мураткул Таджидинов начинал начальником участка. Замена европейских кадров местными была ускорена событиями в Таджикистане. Независимость пока создала больше проблем, чем решила. Но так не может продолжаться долго. Ибо желание восстановить связи, цивилизованно пользоваться благами разделения труда сильно и здесь, и там.

«И здесь, и там!» – повторяю я за Виктором Анатольевичем. Дай-то Бог!

У Захарова

С Радиком Фасхиевичем Мифтаховым заехали к Евгению Петровичу Захарову, в его трестовскую контору. За окнами его просторного кабинета гудящая магистраль, один конец которой упирается в Термез, второй – в Душанбе. Хозяин кабинета Захаров был взвинчен, хорошо подогрет для отпора. Но кому давать отпор? И не станет ли это себе дороже? Его трест в минувшем году проложил 42 километра газопровода, хотя специализация треста – водохозяйственные объекты. Его попросили – сверху – построить газопровод. Обещали чуть ли не золотые горы. А теперь не платят. И он вдрызг разругался с неплательщиками.

- Берегите нервы, - перебиваю его я. – Все уладится. Прежде такие вещи всегда улаживались.
- А сколько сил уходит на это! Никакого терпения не хватает!
- Как новый год складывается? – спрашиваю я. Шла третья неделя 1994 года.
- Пока все в тумане. Дальше чем на месяц-другой завтрашний день не просматривается. Это означает корректировки по ходу пьесы. Нет, подумайте, не уплатить за газификацию! – Захаров вновь возвращается к тому, что подняло в нем такую сильную волну протеста. – Концерн «Узгазстрой» пообещал деньги – и в кусты. Ладно, переживу. Все, что происходит, к лучшему, - философски заключает он. Но я вижу, что кошки скребутся у него на сердце.

На другой день я встретил Захарова на плотине. Ему сообщили, что суглинистое ядро пошло трещинами, но это было не так, просто верхний слой высох и растрескался. «Паникеры! – бросал он хлестко. – Перестраховщики!»

Вырыли шурф и увидели, что все дело в тонком верхнем слое, который быстро потерял влагу. Что это никакие не трещины разуплотнения. Мифтахов утверждал это же, но двумя днями раньше. Но шурф все же велел заложить, чтобы ни у кого не оставалось сомнений.

Я умею хорошо делать две вещи: работать и отчитывать, то есть спрашивать работу с других, - говорил Захаров, испытывая редкую для него потребность в откровенности. – Мифтахов мне, как родной отец. Он меня вел, помогал. Он, собственно, и вывел меня в люди. («Ну, это преувеличение! – скажет потом Радик, когда я передам ему этот отзыв. – Евгений Петрович сам прекрасно преодолевает препятствия»). Мифтахов знает в нашем деле все. Одно его присутствие на стройке сберегает подрядчику массу средств. Принимаемые с его подачи решения всегда надежны и рациональны. Его память хранит массу аналогий. «В таком-то месте тогда-то сделали то-то и получили такой-то результат», - сообщает он и подробно излагает

суть. Я знаю его двадцать лет. Только сейчас я начинаю разговаривать с ним на равных, но не всегда, не всегда.

Мифтахов

И вот мы сидим вечером, разговариваем, даже телевизор выключили, чтобы не мешал. Я спрашиваю Радика о давно прошедшем времени, когда еще был жив его отец. Он оживает.

- Мои родители приехали в Сурхандарью в 1934 году. Здесь встретились, полюбили друг друга. Мать Фатима приехала со своим отцом Фасхетдином. Мой отец кончил Бухарский агрономический техникум и всю жизнь проработал на земле. Я любил должность главного инженера, а он – главного агронома. До войны и после мы жили в Сариассии, затем переехали в Денау. Отец работал честно, и его помнят до сих пор. Он старался не причинять людям зла. Для него это было очень важно. Он мог накричать, обругать, но такая вспышка эмоций не перерастала потом в гонение и неприязнь. Он никого не унижал, не втапывал в грязь. И ему не раз ставили в вину чрезмерную мягкость. Да, он прощал людям недостатки. Все мы работаем на государство, и потому люди не должны относиться друг к другу плохо. Это частник вправе прогнать нерадивого работника. Бывают спорные вопросы, конфликты. Отец считал, что это не должно приводить к личным драмам. В работе я придерживаюсь теории отца. Не злюсь на людей, с которыми не нахожу взаимопонимания, не третирую их.

У нас в Денау был свой дом. Его разрушили, дали за него копейки. На его месте построили школу. Нам дали жилье в бараке. Это была драма, отец очень переживал. После института я приехал сюда и построил родителям дом. Сейчас в нем живут мать и сестра Неля с сыном. На выбор мною профессии отец не влиял. Иригационный институт я выбрал интуитивно. Свое дело я полюбил позже. Но полюбил, прикипел душой. Двенадцать лет проработал в министерстве. Эта работа была не по мне. Меня влекли стройки. Хотя должен признать, что работа в министерстве расширяет кругозор, развивает аналитическое мышление, учит широкому подходу к проблемам.

Мне повезло работать вместе с Андреем Яковлевичем Щербаковым. Он строил Большой Ферганский канал, каскад Бозсуйских гидроэлектростанций. Затем строил водохранилища, в частности, Пачкамарское. При нем я стал главным инженером СМУ «Пачкамарводстрой». Щербаков был знаменит на всю республику. Приезжал Рашидов, шел к нему, здоровался, обнимал. Был случай, – ждали Рашидова. А он прибыл не с кавалькадой машин, а в простой «Волге», и его не заметили. На нем были матерчатые сапоги, простая одежда. И охрана его не сопровождала. Вдруг шепот: «Рашидов! Рашидов!» А где он? Да на плотине! И Щербаков полез по лестнице вверх. А он только что перенес инфаркт. Рашидов увидел его и поспешил вниз, навстречу. И такая в этой спешке была искренность, такая естественность! Обнял Щербакова и стал попрекать: «Андрей Яковлевич, зачем вы полезли вверх, вы нам здоровым нужны!»

У Щербакова было три инфаркта. Рашидов посылал к нему лучших врачей, звонил, навещал его. Я от него много чего перенял. В Пачкамаре у нас был отличный поселок. Беда здешнего поселка, что в нем не живет начальство. Захаров не живет, Сангинов. В Пачкамаре все строители жили компактно. У нас был отличный поселок, зеленый, ухоженный. Начальник в таком поселке – и мэр, и судья, словом, высший авторитет. У него милиционер, власть. К нему идут по любому поводу. Щербаков разбирался в конфликте и, бывало, говорил милиционеру: «Забери вот этого гражданина и продержи трое суток». И все подчинялись, такой это был человек. Верили, что он прав. Дрязги, склоки улаживал быстро. Если надо, прибежал к хирургическому вмешательству. Жесткий, но справедливый был человек. У него был огромный жизненный опыт. Я не помню, чтобы он оказывался не прав. Здесь, на Туполанге, я не вижу такого масштабного подхода к стройке, к социальной жизни. Вот, например, команда: «Пропустить паводок!» И все. А как это скажется на урожае? наших мальчиков это не волнует. К Щербакову приходили советоваться по всем вопросам, не по одним строительным делам.

Основное оборудование для Туполанга изготавливает Новокраматорск. В 1991 году я послал туда людей. Они постарались, за пять месяцев вывезли оборудование. Теперь мы бы его так легко не вывезли. И не смонтировали бы так легко, ведь пошли многоводные годы.

Кабинет Мифтахова. Самое начало весны 1994 года. Повеяло теплом, дожди зачастили. Склоны зазеленели, скоро маки зацветут. Ну, а на стройке все, как обычно. Более месяца не было взрывов горной массы, завтра в плотину отсыпать будет нечего. И контрольные скважины по левому борту не держат цементный раствор – ни одна! А гидроспецстроевцы после восьмого марта дружно оставили объект. Мифтахов звонит в Ташкент Звягину: «В ваши контрольные скважины раствор уходит, как в прорву, – говорит он, не возвышая, однако, голоса. – А люди позволили себе оставить объект. Как это понимать? Я впервые сталкиваюсь с такой безответственностью. Мы обязаны с первого апреля возобновить наращивание суглинистого ядра. Знаете, какой гидрологи обещают паводок? Посерьезнее, чем в прошлом году. В горах не обычные полметра снега, а три. Поторопитесь, пожалуйста!»

Нестандартная ситуация, а никаких повышенных тонов и даже присутствует слово «пожалуйста». Звягин, наверное, заверил директора строящегося предприятия, что примет надлежащие меры, и на этом

разговор завершился. Пришли инженеры из группы рабочего проектирования. Положили на стол проработки пускового комплекса – чертежи, пояснительную записку. «Какие еще проработки? – возмутился Мифтахов. И позвонил в проектный институт, Азаматову. «Как здоровье, Ресхиходжа? Как дела? Нормально? Мне, понимаешь, нужен пусковой комплекс на 60 миллионов кубометров, а не проработки пускового комплекса. Откуда взялись эти проработки, зачем они нам? Мы заказывали пусковой комплекс и хотим получить его. Вас, как я вижу, интересует только пропуск паводка».

Он замолчал, слушая разъяснения, вникая в них. Разъяснения его не удовлетворили.

- Этого мы не сможем выполнить, - вдруг сказал он. – Вы дайте нам то, что мы сможем сделать. Мы сможем поднять плотину на десять метров, и вы не закладываете нам пятнадцать. В прошлом году мы нарастили плотину на 12 метров. Ах, так? Вы не согласны? Тогда оставим эти дела на рассмотрение технического совета. Договорились. Ну, будьте здоровы, Ресхиходжа!

Один из инженеров группы рабочего проектирования геолог. Мифтахов обратился к нему за консультацией: «Надо ли возобновлять договор с московскими геологами на изучение гипсовых прослоек в основании плотины или лучше передать эти исследования ташкентским специалистам?»

- Пусть это делают москвичи, в Ташкенте нет специалистов такого класса. У них за плечами годы наблюдений. Они дадут нам рекомендации, и мы уменьшим объем цементационной завесы и сэкономим на этом больше, чем истратим на исследования. Я чувствую, что мы сильно сэкономим на этом!

- Хорошо, москвичи, так москвичи.

За вечерним чаем вновь обращаемся к реальностям стройки.

- Нам говорят: занимайтесь коммерцией, совершайте бартерные сделки, овладевайте азами рынка, - говорит Мифтахов. - И мы видим, что надо этим заниматься, иначе нам не видать российского рубля, не оплатить наших счетов в России. Осенью мы купили сто шесть тонн лука. Отдали за него 32 миллиона. Зафрахтовали три рефрижератора – за 30 миллионов. Вагоны отправили в Новгород. Рефрижераторы пробыли в пути 23 дня. И два дня простояли на станции в ожидании разгрузки. Когда их открыли, увидели, что лук пророс. В вагонах нужный температурный режим сохранялся только первые десять дней. Лук перебрали и отдали для реализации всего за 15 миллионов. Ибо в это время в Новгород поступил отборный лук из Краснодара. Итог этой торговой операции – обмен наших денег на российские в пропорции 4:1. Почти по цене черного рынка. Вопрос: почему железная дорога отвечает только за 10 дней транспортировки скоропортящегося груза, хотя везла она его 23 дня? Никто нам на этот вопрос не ответил и убытков не возместил. Возможно, рефрижераторы неделю-другую простояли в Казахстане. С кого спросишь? Не с кого. Ясно, что, набравшись горького опыта, второй раз лук в Россию мы не повезем. А ни к хлопку, ни к вину нас не подпускают. И все равно надо заниматься коммерцией, под лежащий камень вода не течет.

Этот разговор я вспомнил весной 1994 года, когда была подготовлена техническая документация на гидроэнергетическое оборудование Туполангского гидроузла, по которой дирекция строящегося предприятия могла заказать турбины и генераторы. Мифтахов остановил свой выбор на известных питерских заводах Металлическом и «Электросила», быстро собрался в дорогу и полетел. Был он по-юношески легок на подъем. Через неделю вернулся, довольный. Обо всем договорился, создал совместное предприятие по бартеру. Повезет в Питер все, чем богата область, а вырученными деньгами оплатит турбины.

Я спросил, как живут питерцы.

- По-разному. В магазинах все есть, но это для людей с деньгами. Цены выше, чем в российской глубинке. Металлический завод процветает. Насобирает заказов со всего света и не тужит. Строит две гостиницы, жилые дома, санаторий в Ялте. Обновляет оборудование. На заводе я законтрачил с Холодовым Вадимом Павловичем. Это генеральный директор акционерного общества «Турбомонтажстрой». Он строил Ташкент после землетрясения, восемь лет проработал у нас. Руководил трестом «Высотстрой».

- Помню этот трест. В нем культурно работали.

- Двадцатиэтажное здание министерств на центральной площади города – его постройки.

- Ну, а дальше что?

- Будем создавать в Питере совместное предприятие для реализации на Металлическом заводе и в городе наших фруктов, консервов. Договоры я привез. Завод изготовит нам турбины в нужные нам сроки, если мы найдем возможность их оплатить. Мы нашли, для поставки в Питер, 40 тонн алюминиевых витражей, 1000 тонн алюминия в чушках, сухофрукты, сушеную капусту.

- Откуда появились алюминий и изделия из него?

- Это продукция Таджикского алюминиевого завода. Он получает кокс из Ферганы и расплавляется за него алюминием. Мы берем на себя оплату кокса и получаем алюминий в свое полное распоряжение.

Я подумал, что за бартером будет важное слово, пока наша национальная валюта не встанет на ноги. Дело как-то сдвигается с мертвой точки. Удалось заказать оборудование, создать механизм для его оплаты. Прежде этим занимались планирующие и снабженческие органы, это был их хлеб, и они худо-бедно его

отрабатывали. Теперь это – забота предприятий и организаций. А тем, кто недоволен этим обстоятельством, говорят: «Так принято во всем мире».

Ловушка

Поехали смотреть ловушку. Оригинальное предложение, ничего не скажешь. У правого борта водохранилища, со стороны верхнего бьефа, есть уступ. Его разровняли бульдозерами, и он готов принять скальный грунт, сбрасываемый сверху, из карьера, по почти отвесному склону. В этом случае взорванную скалу не придется везти сверху вниз по четырехкилометровой дороге. Самосвал подъедет к бровке и опрокинет кузов. Остальное сделает сила тяжести. Правда, внизу будет еще одна погрузка. При дефиците солянки и недостатке электроэнергии это не проблема. Экономятся солянка, шины и моторесурс самосвалов.

- Это рационализаторское предложение могло родиться только в наших условиях, - говорит Сангинов. – В нормальной обстановке мы едва ли бы придумали такое. Русские говорят: «Голь на выдумки хитра». И вот ведь что интересно: до сих пор мы находили выход из самых сложных положений.

Я представил себе, как будет работать ловушка. Самосвал, загруженный в карьере, проедет метров двести и разгрузится. Рваный камень, кувыркаясь, полетит вниз, а уступ-ловушка его задержит. Снова погрузка, короткий путь и разгрузка на плотине. Какая-то часть камня потеряется, застрянет в неровностях склона или минует уступ, а большая часть локализуется в ловушке. Процент так девяносто пять. Большой экономии, скорее всего, не будет, но солянку сберечь удастся.

Отдел кадров

Что такое отдел кадров, объяснять нет нужды. Там хранятся подробные сведения о каждом работнике: и кто он, и какая у него квалификация, и где он живет, и с кем живет, и где он работал прежде, на каких должностях. В отделе кадров знают своих людей – не буквально, не по особенностям характера, а по вехам жизненного пути. В прежние времена, когда был нужен кандидат в депутаты из народа, партийный секретарь получал соответствующее задание, приглашал к себе кадровика и говорил ему: найди человека такой-то профессии, такого-то возраста, члена партии или беспартийного, узбека (или русского и так далее). И кадровик обычно легко справлялся с поставленной задачей. Ибо он знал своих людей по анкетам, заполненным весьма подробно.

На стройке отдел кадров возглавляет умудренная жизненным опытом Ровзан Нурлигаясовна Нурисламова. Ей помогает Светлана Михайловна Баймакова, которая вскоре, наверное, сама станет опытной кадровичкой. Еще недавно в отделе работало три человека, теперь достаточно двоих.

- Я местная, и это помогает мне в общении с людьми, - рассказывает Нурисламова. Сослуживцы постарше зовут ее просто Розой. – На стройке с 1982 года. Вам говорили уже, какое это было дикое место. Чабана можно было встретить с отарой, путника с парой вьючных лошадей, который вез курагу или орехи в Сариассию. Бездорожье было невообразимое. Комфорта всегда не хватало. Бытует мнение: чего, мол, конторским служащим не хватает? На них не капает, а теперь и кондиционеры появились. Хорошо, мол, устроились! Ну, во-первых, будь моя воля, я бы не разрешила женщинам укладывать бетонную смесь или зачищать скалу. Мужскую работу должны делать мужчины. А, во-вторых, не надо принижать конторскую работу. Пусть она не на виду, но строителю надо и наряды закрыть, и зарплату выплатить вовремя.

В первых отрядах строителей было много энтузиастов, на работу люди ездили с песнями. Не все это мы сохранили. Но многое сохранили. Не все хорошее ушло вместе со старым временем. Стройке везло на начальников. Рахимов отличался редкостным старанием. Захаров вообще не вылезал со створа. Начальники участков в своих вагончиках дневали и ночевали. Масса интересных людей прошла перед моими глазами. Они заслужили того, чтобы их помнили. Экскаваторщики, водители, монтажники, производители работ – сколько среди них было классных специалистов! Многие ездили на стройку издалека – из Карши, Ташкента. Введем объект – праздник: премии, плов, песни. Сейчас накал спал. Это, конечно, не потому, что исчез указующий перст нашей руководящей и направляющей силы – КПСС. А потому, что много неразберихи – разладились связи, которые тысячами нитей связывали стройку со страной, уменьшились ассигнования.

Каких я вам людей сейчас назову! Работали за двоих, но за общим столом ни один из них не орал: «Где моя большая ложка?» Машинист экскаватора Дмитрий Веселов – великий труженик. И наставник ненавязчивый, тактичный. Машинист экскаватора Алибек Алибашев тоже редкой добросовестности человек. Джума Хасанов, сварщик – очень требовательный производственник. Был бригадиром, – любил качать права. Начальству это не нравилось, но от рабочей аристократии чего не стерпишь? Другой бригадир, сварщик Джуракул Бузруков – как стоял за своих людей, как старался, чтобы им правильно закрыли наряды! А взять начальника участка Ахмада Тухлиева! Сам тихоня, слова лишнего не скажет, но по исполнительности даст много очков вперед какому-нибудь бузотеру, крикуну нетерпеливому, который горлом, матом привык зарабатывать авторитет. Дорогу на створ строил Бахтияр Шамиев. Помню, еду с ним вместе, а на нем телогрейка, резиновые сапоги – и он взгляда не сводит с дороги, все запоминает. И ведь отличная получилась дорога!

А взять нынешнего начальника стройки Абдугани Сангинова. Весь путь наверх прошел на моих глазах. Сейчас он болеет, простыл. Но каждый день приезжает. Хотя вполне мог бы положиться на главного инженера. Не недоверие это, а развитое чувство ответственности. Очень хорошие специалисты братья Кучкаровы, Абдусамат и Абдусалом. Абдусалом возглавляет участок. Абдусамат – начальник компрессорной станции. Станция давно не получает запасных частей, а работает без сбоев – стараниями Абдусамата и его команды. Бессменно ведет стройку геодезист Сафар Саидов. Это настоящий инженер, у него много рационализаторских предложений. А взять главного бухгалтера Любовь Васильевну Андрушину! Недавно мы проводили ее на пенсию. До чего безотказна! Если надо, и в воскресенье покорптит над своими бумагами. Карпанин Никита Сергеевич был в управлении начальником по технике безопасности. Сейчас и он на пенсии, но часто приходит, всем интересуется. Вот весельчак! Начинен шутками, забавными историями. Поедешь с ним, – любую тяжелую работу скрасит. Его все любили за добрый нрав. Начальником планового отдела был Анатолий Сергеевич Антонов. И его природа не обделила жизнелюбием. Когда он да Крапивин сходились вместе, в театр ходить не надо было, до чего интересно было их слушать.

Ее прервал бульдозерист Ромазан Кенжаев, который увольнялся и принес обходной лист, покрытый подписями должностных лиц, необходимых по такому случаю.

- Не передумали, Ромазан? – спрашивает Нурисламова.

- Жалко, но не передумал, Ровзан-апа. Восемь детей у меня, в семье я один работаю. Как же не пойти мне туда, где больше платят?

- Да, вы не свободны в своем выборе, - соглашается заведующая отделом кадров. – А помните, как вы дорогу пробивали? Двенадцать лет назад это было. Первые колышки, все всех знают!

- Я все помню. Я много чего здесь построил. Меня спрашивают: «Ты, Ромазан, где работаешь?» Я отвечаю: «На Туполанге». И ко мне сразу уважение. Меня здесь ценили, я зарабатывал до 800 рублей в месяц. А люди в колхозах в это время получали по 70 рублей. Я был рабочей косточкой. Помните, как нам давался 66 пикет на дороге? Там взрывом разворотило целую гору, и мы ее больше месяца растаскивали. Я бульдозер сменщику передавал, – никогда двигатель не глушил. И вот от всего этого теперь ухожу. Думаете, не больно? Развернется стройка снова, – вернусь. До свидания!

Повернулся и пошел славный бульдозерист Ромазан Кенжаев, понунив голову. Он еще раз заглянет сюда – взять свою трудовую книжку. А потом, может статься, никогда больше не переступит порога родного строительного управления.

- Жалко, - повторяет Ровзан Нурлигаясовна. – Этот бульдозерист из тех, на ком стройка держится. Ничего, вернется. Не может быть, чтобы нынешняя неразбериха длилась долго. Наша стройка влияет на людей самым благотворным образом. Она их возвышает, заставляет не только о своей семье думать и заботиться. Я вам назову еще людей, которыми мы гордимся. Рустам Джумаев когда-то работал заправщиком, а сейчас начальник бетонно-смесительного узла. Очень представительный мужчина. За габариты и внушительную внешность мы зовем его боссом. Он улыбается: «Боссом быть неплохо». Быстро растерт Рамиль Тагиров. Прежде он заведовал строительной лабораторией, сейчас – начальник группы рабочего проектирования. Строг, принципиален. Когда работал в лаборатории, не давал спуска бетонному заводу, требовал качества. И, ведь, добивался своего!

У Нурисламовой две дочери. Обе живут в Казани, зовут к себе. Обе замужем. Одна внучка уже разговаривает. Дочери зовут к себе все настойчивее. Но ей тут лучше. Здесь она всех знает, и ее все знают. Иногда здесь шумно, сыр-бор, выяснение отношений. Дым коромыслом! Но выскажутся люди, облегчат душу, и снова все добром да ладком. Люди здесь прямодушные, открытые. Любят встречать гостя улыбкой, веселой шуткой. Вот, были таджикские события. Все рядом, но не на виду. Сообщения поступали, как с фронта. Беженцы, очевидцы – от них прямая информация. В ее понимании, все это кровавые издержки борьбы за власть. Сколько людей погибло или в изгнании! Когда представляешь себе таджикские события как кровавый дележ портфелей, все становится на свои места. А то, что там кто-то за демократию и ислам, а кто-то – не за демократию, это все наносное, для внешнего мира. Здесь так беспокоились: не загнан ли огонь внутрь, не выплеснется ли пламя где-нибудь рядом?

Заходит девушка, Райхон Саидова. Машинистка, таджичка с Памира. События задержали ее на стройке. Домой она может попасть только самолетом, а самолеты на Памир пока не летают. И сколько продлится это «пока», никто не знает.

- Спасибо Сангинову, он помог мне чисто по-человечески, дал работу, - говорит девушка. – У меня всю жизнь перед глазами будет стоять наш родственник. Его, двадцатилетнего, застрелили только за то, что он памирец. Бедный юноша...

Я понял, что в не знающей пощады междоусобице таких юношей Таджикистан потерял много.

В разговор вступает Светлана Баймакова, помощница Нурисламовой. Она уезжала – и не прижилась в России. Ездил с братом и его женой. Не сложились отношения. Помыкалась и вернулась сюда. И ее приняли на прежнюю должность. У нее открытое круглощекое лицо, взгляд доверчивый, робкий. Чем не

глянулась ей сегодняшняя Россия? Скорее всего, жесткостью своей. И равнодушием к чужим русским, которые, незванные, приезжают из ближнего зарубежья, и до которых ни у кого в России нет дела.

Нурали Халиков

Это – начальник производственного отдела. Высокий молодой инженер с тонкими чертами лица и тщательно подстриженными усами. Одет по моде, уверен в себе. Поговорил я с ним немного, но увидел и его давний интерес к истории родного края, и к тому, как складываются сегодня человеческие отношения. Институт, оказывается, он окончил десять лет назад. Ему уже тридцать три года – достаточно, чтобы найти свое призвание и определиться с симпатиями и антипатиями.

- Я учился в Душанбе и вначале работал в Таджикистане, - рассказывает Нурали. – Там у меня была ирригация, объекты маленькие, разбросанные. Приехал сюда – тут все кипит. Было очень интересно. Я работал в карьере, на добыче горной массы. И на плотине работал. Здесь было полно приезжих. Кто-то тянулся к теплу, кто-то – к экзотике. Многие русские искренне любят Среднюю Азию. Местные кадры перенимали их знания. Сейчас они сами заправляют стройкой. Наши юноши оказались способными учениками. Это, согласитесь, достижение. Не подумайте, что приезжих здесь обижали. Этого у нас не было никогда. Просто приезжие не пустили здесь прочных корней. Чужая жизнь, не похожая на русскую, конечно, интересна, но не настолько, чтобы раствориться в ней. Еще раз подчеркну: подготовка местных кадров – великое дело. Но я против того, чтобы русские уезжали отсюда. Я категорически против. Когда рядом работают и живут представители разных народов, когда соприкасаются разные обычаи и культуры, молодые люди быстрее овладевают знаниями. У них появляется возможность взять все лучшее и у своих отцов, и у представителей других народов. У наших субподрядчиков до сих пор интернациональные коллективы, постоянно звучит русская речь. Я хочу, чтобы так было и дальше. Конечно, у нас немыслима ситуация, сложившаяся прошлой весной на Рогунской ГЭС, - там затопило котлован и погибло дорогостоящее оборудование.

- С кем вы сработались, кого здесь уважаете? – спросил я.

- Мне нравится Сангинов. Я работаю с ним четвертый год, и у меня не было повода для недовольства. Он превосходный организатор. Где надо – попросит, где надо – надавит, где надо – убедит личным примером. Сейчас каждый вам скажет: вот смутное время, в такой непредсказуемости мы еще не жили. А Сангинов не допустил уменьшения объемов работ. Мы сдали в эксплуатацию пусковые комплексы на десять, двадцать, тридцать, сорок и пятьдесят миллионов кубометров. Стараемся, чтобы люди не потеряли в заработке. У меня работал машинист экскаватора Петр Боярко, ныне покойный. Как он любил технику! Он и Анатолий Коробейников обучили своей профессии многих узбеков и таджиков. В целом, стройка подготовила тысячи рабочих высокой квалификации.

- Вспомните, когда вам было тяжело, - прошу я.

- Один раз мне было не столько тяжело, сколько стыдно, - вспоминает Нурали. – Так стыдно, что я готов был сквозь землю провалиться. У меня перевернулся экскаватор ЭКГ-5. Все приходили, смотрели, качали головами. Ничего, подняли. Хорошо, что такое случилось только один раз. Сейчас наше управление чем-то напоминает подразделение быстрого реагирования. Оно хорошо оснащено техникой, кадрами. Паводок где-нибудь, другая неприятность, связанная с разгулом стихии – нас зовут помочь, и мы помогаем. В Шаргуне в 1991 году было сильное наводнение, поплыли берега сая. Так мы за два часа перегнали туда пять бульдозеров и самосвалы. И укрепили берега. В прошлом году в мае сидим на балансовой комиссии, подводим итоги. Вдруг звонок: в соседнем колхозе стихийное бедствие. Через час мы были на месте. Вместе с техникой. И не дали произойти беде.

Я пожелал удачи Нурали Халикову.

Ахмад Юсупов

Мой собеседник – начальник отдела снабжения стройки Ахмад Юсупов. Вырос в учительской семье. У него молодцеватые усы и черные, как воронье крыло, волосы. Много лет проработал водителем «Камаза», любит дальние рейсы. Но рано ли, поздно ли непоседливости приходит конец. Ахмад поступил в автодорожный техникум. И жизненная стезя вывела его на снабженческую дорожку. Крутись, Ахмад! Ибо потребности стройки куда больше потребностей отдельного человека и его семьи.

- Мой отец умер, когда я учился в школе. Плохо было без отца. После школы выучился на водителя. В армии служил в Казахстане, в славном городе Балхаш. Озеро Балхаш по размерам похоже на Байкал, но не такое известное. Там летом было жарко, как у нас, а зимой холодно, как в Сибири. После демобилизации пришел на работу сюда. Шесть лет катался. Даже в Минск ездил. Помню, в 1989 году ехал в Белоруссию. Зимой было дело. У нас зима, понятно, не та, что на севере. Заправились, по неведению, летней соляжкой, едем. Аральское море обогнули с востока. И все холоднее становится. В казахских степях солярка стала замерзать. По радио передают: будут морозы 35 градусов. Что делать? У нас было три машины, и мы

брали друг друга на буксир. Тащились, как черепахи. Холодина, а мы потеем от напряжения. Не помню, как добрались до Уральска, залили зимнюю солярку. А дальше уже ни проблем, ни приключений.

- Пусть расскажет, как он в Минске девушкам проходу не давал, на Памир звал, - говорит Сангинов, присутствовавший при разговоре. – Я с ним ездил. Я по конторам хожу, запасные части для машин выбиваю, а он к девушкам подкатывается. Такое у нас было разделение труда!

- Стоит ли на этом заострять внимание? – Ахмад одаривает начальника обаятельной улыбкой. – Ну, подождали немного...

В поезде

В поезде Термез – Ташкент, четыре вагона которого идут от Сариасии, моей соседкой по купе оказалась Зухра-апа Набиева, пятидесятилетняя женщина из города Нишана Кашкадарьинской области. Ее сын Махмуд работал на Туполанге водителем. Она приехала к нему на новый год и для подготовки важного мероприятия – обрезания (внуку исполнялось четыре года). Для тоя был откормлен бык, его вес перевалил за пятьсот килограммов.

- Трех котлов плова может не хватить! – говорит Зухра-апа. Она простой человек, но к ней в дом на той придет около тысячи односельчан. Скоро, заметил она, ей исполнится пятьдесят, и она выйдет на пенсию. На пять лет раньше. Ей удалили желчный пузырь, и это дает право на досрочную пенсию. За операцию пришлось хорошо заплатить (я не спросил, сколько). Без этого хирург не соглашался класть ее на операционный стол. Лекарства тоже стоят дорого. Она работает воспитательницей в колхозном детском саду. Зарплата мизерная, и у мужа тоже. Сын зарабатывает неплохо – в десять раз больше, и его семья живет лучше. Она держит скот и птицу. Когда кончаются деньги, семья продает барана, и жить снова становится можно. Еще она прядет пряжу, шерстяную и из хлопка. И ткет ковры. Пряжи набирается до пяти килограммов в месяц. Ковры стоят дорого, и их реализация позволяет нормально жить даже при очень низкой зарплате. Лично она мечтает, чтобы Республика Узбекистан вернулась в рублевую зону.

Неспешно и долго течет дорожный разговор. В Карши, куда поезд приехал за полночь, моя спутница вышла. Ее встречал муж. По тому, как они обрадовались друг другу, чувствовалось, что им хорошо вместе и что даже короткая разлука им в тягость. Последнее, что я услышал от Зухры-апы, было: «Мы дома почти не смотрим телевизор, некогда. Включаю только «Поле чудес». Я не могу без этой передачи. Я часто угадываю слово, задуманное ведущим. Я бы поехала, поучаствовала в этой передаче. Но как обратить на себя внимание, заявить о себе?»

Хамракул Астанаев

Я ждал нужных мне людей. Ожидание затягивалось, и я, чтобы не стоять, зашел в комнату кассира дирекции строящегося предприятия Хамракула Астанаева. У него сидел водитель Джуракул Абдусаттаров. Не знаю, о чем они говорили до моего появления, но Астанаев сказал, обращаясь ко мне: «Как плохо, что за советское время в Сурхандарье не построено ни одно крупное промышленное предприятие! У нас нет ни одной текстильной или прядильной, ни одной обувной фабрики. Ни одного машиностроительного завода. Только хлопкоочистительные и консервные. Почему промышленность обошла нас стороной?»

Меня и смутила, и обрадовала такая постановка вопроса. Обыкновенно глубинка таких вопросов не задавала, и когда речь заходила о перспективе, все надежды связывались с землей-кормилицей: вот, освоим еще сто гектаров, построим овощехранилище, холодильник, теплицы, консервный завод, станем поставлять свою продукцию в Сибирь. Далее этого планы почему-то не шли, и меня всегда поражала их скромность и их приземленность, их изначально дехканский дух. Здесь же прямо заявлялось, что большая область обойдена промышленностью, и это лишает молодежь перспективы, заметно сказывается на уровне жизни населения.

- Не в одной Сурхандарье сложилось такое положение, - сказал я. – В Узбекистане промышленность развивалась в Ташкенте и Ташкентской области, в Фергане и Навои. В половине областей республики нет заметной промышленности. И хорошо, что вы это осознаете, связываете будущее страны с ее индустриализацией. Значит, лед тронется. Узбекистан должен вывозить в соседние страны не одно хлопковое волокно, но и готовые изделия из хлопка, из металла. За двухмесячную продукцию ташкентского авиационного завода, проданную на мировом рынке, можно выручить столько же, сколько за все хлопковое волокно, произведенное в ташкентском оазисе. Труд в промышленности во много раз эффективнее, чем в сельском хозяйстве.

- Нам нужны заводы, поле не в состоянии занять столько рабочих рук, - сказал Джуракул.

- У нас машины стоят без запасных частей, - сказал Хамракул. – Наши традиционные товары – хлопковое волокно, медь, золото потребностей в импорте не покрывают. Торговать мы умеем и любим. Но мало торговать, надо еще и производить. Чтобы было чем торговать. На московских рынках кавказские фрукты конкурируют с нашими. Курага, орехи в Москве часто дешевле, чем в Ташкенте. А взять наши помидоры, арбузы! За Ташкент им дороги нет, они начинают плакать. Потому что мы перегружаем их минеральными удобрениями и обязательно поливаем перед продажей. Вот они и портятся за считанные дни.

Нет, надо развивать промышленность. И не государству тут должна принадлежать ведущая роль, а предпринимателям. Государство пусть не мешает новым коммерческим структурам.

Эта перемена в умонастроениях произвела на меня сильное впечатление. И ведь не хаким говорил мне это, не руководитель области. Народ за три года независимости увидел, что ему нужно и что для него лучше. И это было глубоко симптоматично.

Рашид Боборахимов

Начальник передвижной механизированной колонны Рашид Боборахимов фигура в Сариассии заметная. Ему лет сорок, роста он высокого, раньше увлекался волейболом. Живет в городке водников, в коттедже. Жена его Неля преподает в школе – работа в двух шагах от дома. Дети резвятся подле новогодней елки, пахучей и нарядной. Рашид недавно простудился, лечился голоданием и спал с лица. Но хворь прогнал. Голод не тетка, но лечит не хуже фармацевтических препаратов.

- Никогда не голодал, не верил, что это помогает, - делился он впечатлениями. – Но народы не случайно донесли из глубин веков до нашего времени посты. Ясность мысли необыкновенная, и легкость в теле мальчишеская, словно трех десятков лет как не бывало. Советую и вам попробовать!

- Подумаю, - сказал я и стал расспрашивать Рашида про Сариассию. Меня интересовало, стоит ли здесь жизнь на месте или нет? Что здесь строят? Как ведут себя люди состоятельные, чего хотят (по своему общественному положению Рашид мог быть одним из таких людей, а если не был им, наверняка был осведомлен об их устремлениях).

- Сариассия не болото, хотя не скажу, что жизнь здесь бьет ключом. На месте городка водников, – а в нем живет более тысячи человек, и школа, и аэропорт – пятнадцать лет назад был пустырь. Скот здесь выпасали, и протекал один из рукавов Туполанга, в котором я любил купаться. Гравийно-сортировочный завод мы поставили, он дает прекрасный щебень. Его аж в Хорезм возят. Сейчас в городе возводят четыре серьезных объекта. Это стеклотарный завод, завод пищевых концентратов с цехами сахарным, мороженого, кондитерским и лимонадным, а также заводы консервный и пивоваренный. Многие получают работу. Молодежи сегодня не так-то просто найти работу.

- А не скажешь, что здесь столько строят. Такие объекты не пускают без специалистов. Их надо найти, пригласить, заинтересовать.

И вот Рашид говорит о том, чего хотят состоятельные сариассийцы. Они хотят экономической свободы. И стабильной национальной валюты, еще лучше – общей с Россией. Узбекская национальная валюта должна быть конвертируемой – легко преобразовываться в рубль, доллар, марку. Состоятельные люди хотят, чтобы у них были развязаны руки. Тогда они будут выкупать государственные предприятия, делать инвестиции в промышленность. Рашид, например, мог бы построить мини-завод по производству растительного масла, литров так на 150 в смену. Такое количество масла можно выжать из одной тонны семян хлопчатника. Или цех по выпуску шифера, на 100 плиток в день.

- Этого мало, с такими мощностями вы далеко не уедете! – говорю я.

- Для начала достаточно! – возразил Рашид. Для шифера не нужно много компонентов – цемент, асбестовое волокно, тряпье. Смеситель, пресс. Я знал автора прекрасного проекта мини-мельницы с комбикормовым цехом и сказал об этом. Мельница Рашида не заинтересовала. Зато его прямо выбросила из кресла идея купить два-три дома в одном из областных центров России, привезти туда молодых узбеков, и пусть готовят плов, выпекают лепешки. Он сразу ухватил, насколько это выгодно. Поесть нормально в российских городах негде, порцияпельменей в Москве стоит в шесть раз дороже, чем у нас. Рашид загорелся, сказал, что найдет надежных ребят. И та сторона пусть готовится.

Из разговора с Рашидом я сделал вывод, что состоятельные люди Сариассии предпочитают действовать на свой страх и риск, видя друг в друге конкурентов, но не союзников. Идея объединить усилия и капиталы пока не обсуждалась. Рашид был в великом сомнении. Следовало ли ему и дальше работать в государственных структурах? Не пора ли переключиться и начать работать на себя? Создать свое маленькое предприятие, свое частное дело, и получить отдачу, которая, по его мнению, должна быть много больше того, что сегодня ему платит государство. Он горел желанием стать предпринимателем, но еще не решился. Время у него есть, но, ведь, выжидая, можно и опоздать. Он очень боялся опоздать и скрупулезно взвешивал, с чего начать. Все правильно. Вкладывая деньги в свое дело, он не желал промахнуться. Он понимал, что может полнее выразить себя, работая на себя и отдавая кесарю кесарево – платя налоги.

У Зухры-апы все проще. Ей не дано выжидать. Ей просто не на что будет существовать, если ее семья не найдет дополнительного заработка. И она его находит. Она и муж выращивают скот и птицу, для себя и на продажу. Еще она прядет пряжу и тклет ковры, ковровые дорожки. Этому виду предпринимательства, или ремесла, здесь нет разницы, много тысяч лет. Техника дедовская, правда, к примитивной прялке присоединен электрический мотор. Работа, которая не кончается никогда. Но Зухра-апа не жалуется. Всем сейчас тяжело, даже спекулянтам тяжело – их стало слишком много. Она надеется на лучшие времена. Скоро

она получит льготную пенсию и оставит работу в детском саду, которая ее не кормит. Но она по-прежнему будет ходить за скотом, прясть и ткать, ведь это дает реальный заработок. Это кормит.

Однажды...

Рассказывает Радик Фпсхиевич Мифтахов:

- Однажды в контору заползла кобра. Охранник ее не трогает, служащие обходят стороной. Пусть живет, кобра – священная змея. Ладно, пусть живет, я за ней этого права не отрицаю, но пусть позволит мне пройти в мой кабинет. А она, словно нарочно, подстерегает меня на лестнице и при моем приближении принимает угрожающую позу. Раздувает щеки, раскачивается. Ее броски молниеносны, и видеть раздражение этой змеи малоприятно. Что же, нам пребывать в нашей собственной конторе в постоянном страхе? Я позвал водителя, который прежде был чабаном. Он пришел с длинной палкой и в два приема выбросил кобру в палисадник. Не боялся и не церемонился. Больше кобра нас не беспокоила.

Рассказывает Евгений Петрович Захаров:

- У нас на Туполангском канале был такой случай. В одном месте мы проходили глубокую выемку. Взрывали суглинок. Глубина выемки – до 40 метров. Взрыв был рассчитан на выброс. Но лучше бы не взрывали. Весь поднятый взрывчаткой в воздух грунт рухнул обратно в русло. Суглинок раздробило в пыль. Пыль эта течет, как свежий цемент. Мы идем по пояс в этой пыли, а она течет перед нами. Вдруг из этой пыли возникает кобра. Принимает боевую позу, шипит, а пыли на ней столько, что по цвету она от нее не отличается. Мы вправо, и она вправо. Мы влево, и она влево. Словно задалась целью не пустить нас. Вот-вот кинется, и куда мы от нее? Пыль держит, как капкан. Я кликнул водителя, велел захватить ведро и бензину. Он подбежал и все понял. Плеснул бензина на кобру и тотчас чиркнул спичкой. И кобра как цветок увяла в огне. На глазах увяла.

- Не жалко было?

- Страшно было, это я запомнил.

- Ты про варана расскажи! – напоминает Мифтахов.

- Хорошо. Этот случай оставил в душе след. До конца дней своих буду помнить. Было воскресенье, и я повез семью в горы. Хотели посидеть у быстрой реки, шурпу приготовить, покейфовать на безлюдье у живого огонька. Облюбовали одно место, встали. Берег ровный, река чистая, звонкоголосая. Дерево на берегу стоит заматеревшее, ствол вдвоем не обхватишь. Я увидел в земле углубление, удобное для очага. Принес два плоских камня, водрузил на них казан, насобирал сушняка, развел огонь. Ну, чистим картошку, лук, строгаем мясо. Вдруг жена кричит: «Варан!» И показывает на ветку. Он взобрался на дерево и притаился на ветке прямо над огнем. Большой варан. Огромный. Метр в длину. Застыл. Мы прогоняем его, он не уходит, не шевелится даже. Нашли длинную палку, он и на нее не реагирует. Мы стали бить его палкой по лапам. Он переметнулся на соседнюю ветку и замер. Мы прогоняем его и оттуда. Ну, неудобно с ним. Смущает он нас своим присутствием. Чего ему от нас надо, чего привязался? Наконец, мы прогнали его и со второй ветки. Он как бурдюк плюхнулся на землю, пополз к очагу, залез в огонь и там остался. Мы оцепенели. Что этому страшилищу понадобилось в огне, неужели ему не больно? Паленым мясом запахло, но варан из огня ни шагу. Так и лопнул в костре. Лопнул, как бурдюк. Казан опрокинулся, костер зашипел и погас. Лишь тогда я сообразил, в чем дело. Мы развели огонь прямо над его логовом, над его детенышами. И варан, видя, как погибают его варанята, лег костями рядом с ними. Вот вам рептилия, низшее животное, которое якобы ничего не понимает. Мне до сих пор не по себе. Простить не могу своей опрометчивости. Посмотри я внимательнее, я бы, конечно, обнаружил вход в нору и нашел бы для очага другое место. Мы тогда не притрунулись ни к еде, ни к водке. Сели в машину, развернулись и уехали.

Я не стал комментировать этот рассказ. По существу, к сказанному Захаровым нечего добавить. Я подумал только: как часто по неведению мы грубо и властно вторгаемся в чужую жизнь и все там переиначиваем, считая, что творим добро. Слишком поздно выясняется, как жестоко мы ошибаемся. Нельзя все и вся мерить своими мерками. Природа неисчерпаема, а наши о ней представления часто неглубоки, поверхностны, догматичны. И часто мы грубо навязываем ей свою волю, забывая вначале спросить, а хочет ли она этого, а нужно ли ей это?

Юлдаш Рахимов

Вода, накопленная в Туполангском водохранилище, поступает в канал Туполанг – Каратаг. Начальник эксплуатации этого канала Юлдаш Рахимов опытный ирригатор. Ему много лет, но взгляд его обращен в завтрашний день. У него пытливые глаза и одухотворенное лицо.

- Кафирниган несет в среднем четыре кубических километра воды в год, - говорит он. – Таджикикам нужно три. Один кубический километр воды свободен. Нам надо его взять. Надо иметь наготове проект, как его взять. Это нужно следующим поколениям сурхандарьинцев. Строительство водохранилища на Кафирнигане начато. Его отметка – 515 метров над уровнем моря. Наше водохранилище в низовьях Сурхандарьи имеет отметку 410 метров. Таким образом, можно прекрасно подпитать бассейн Сурхандарьи.

Переброску осуществим туннелем длиной около 10 километров. Сейчас мы этот кубический километр воды берем из Амударьи тремя подъемами, то есть каскадом насосных станций. А так получим его самотеком.

«Переброска!» - зафиксировал я в памяти. Российские писатели совсем недавно придали этому слову оттенок чуть ли не бранный. Но переброска воды туда, где в ней есть нужда, из тех мест, где она имеется в избытке, – норма мировой хозяйственной практики. Как подача нефти из места добычи в районы потребления.

- Юлдаш Рахимович, у меня предложение, - говорит Мифтахов. – Мы накапливаем воду в Туполангском водохранилище один раз в год, а можно – три раза. В этом году в горах небывалый снег. Будет очень серьезный паводок. Следующий год едва ли выдастся таким многоводным.

И потек неспешный разговор профессионалов об изменении режима орошения в связи с ростом зернового клина, с увеличением числа фермерских хозяйств. Растут расходы в осенне-зимний период, что связано с расширением площадей под ранними овощами. Туполангское водохранилище уже сегодня позволяет гарантировать орошение 65 тысяч гектаров в августе-сентябре. Чтобы один раз полить 65 тысяч гектаров, надо забрать 80 миллионов кубометров. Туполанг эту воду дает. Часть туполангского стока, порядка 350 миллионов кубометров, пойдет на подпитку Шерабадской степи. Сократится подача воды насосами. Это большая экономия. В Шерабадскую степь будет направлено 40 кубометров воды в секунду. Шерабадская насосная станция была рассчитана на двадцать лет эксплуатации, а эксплуатируется уже 30 лет.

- Вообще, старые насосные станции – это топор, занесенный над нашей головой, - говорит Юлдаш Рахимович. – Туполангское водохранилище позволит нам отвести этот топор. Для Сурхандарьинской области это объект стратегический. Мы опоздали с его строительством лет на двадцать. И расплатились за это опоздание миллионами киловатт-часов электроэнергии. И второе. Получать в Денау 40 центнеров хлопка-сырца с гектара – это нерадивость. Надо получать 60 центнеров. Я не максималист. Столько в состоянии дать наша земля при нормальном с ней обхождении.

Рахимов смотрит на жизнь широко, масштабно. Сравнил Сурхандарьинскую область с Калифорнией. В области уникальные природные условия, можно получать три урожая в год. Только крутись! В Шерабадской степи гидротехники нашли естественную чашу на 500 миллионов кубометров. Надо отселить всего двадцать семей! Ниже Туполанга есть еще две большие чаши. Со временем и они будут наполнены.

- Как вы относитесь к приватизации земли? – спрашиваю я.

- Не вижу перспективы. Кто будет делить между хозяевами воду? Сегодня это совсем не просматривается, а это вопрос краеугольный. Вся наша оросительная сеть рассчитана на крупные участки.

- Ученые говорят, что земля теряет гумус.

- Да, теряет. В начале века было два процента гумуса, осталось полтора. Следствие того, что десятилетиями сеяли хлопок по хлопку. А минеральные удобрения плывут за границу. Это может дорого нам обойтись.

Х Х Х Х Х

Мой блокнот исчерпан. Я чувствую, что техническую сторону дела изложил более подробно, чем человеческую. Это понятно. Люди сложнее, неисчерпаемое любого объекта, любого творения рук своих. Туполангский гидроузел будет строиться еще много лет. Завершение работ, скорее всего, придется на начало третьего тысячелетия. О коллективе строителей у меня осталось теплое впечатление. Это надежные люди.

У читателя может возникнуть вопрос: столько лет напряженного труда, огромные затраты – ради чего? Ради еще одной плотины на горной реке? Не слишком ли это накладно? Да, накладно. Но это вложения рачительного хозяина, думающего о завтрашнем дне. Маневр водой, достигнутая благодаря этой плотине высокая водообеспеченность орошаемой пашни с лихвой окупят затраты. В условиях Узбекистана вода, в нужном количестве и в заданное время поданная в нужное место – это огромная производительная сила, это гарантированный урожай, это достаток в семьях десятков тысяч дехкан. Плюс полмиллиарда киловатт-часов электроэнергии в год.

Туполангское водохранилище сторицей возвратит человеку все средства, затраченные на его строительство. В этом никто не должен сомневаться.